О.А. Колосовский

Литература XXI век

К вопросу о стандарте среднего общего образования по литературе

• ФЛИНТА •

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Предлагаемый авторский проект затрагивает вопросы содержания стандарта среднего общего образования по литературе и состоит из обоснованного выбора произведений и методических замечаний. Принципиальным отличием от существующей программы является преимущественное изучение произведений, проникнутых верой в Дух и Разум человека. Автор убедительно показывает необходимость воспитания детей в XXI в. именно на такой литературе.

Работа адресована учителям, родителям, детским психологам, студентам и преподавателям вузов, а также руководству Министерства образования.

- Олег Колосовский
  -
  - Об авторе
  - Введение
  - I. Недостатки «Программы-2013»
    -
    - Общее впечатление – застой в преподавании
    - Ошибки в выборе материала
    - Недостатки в трактовке произведений
  - II. Принципы создания «Программы-2015»
    - Цель «Программы-2015»
    - Три критерия качества изучаемого произведения
      -
      - «Мертвые души»
      - «Мастер и Маргарита»
    - Идейное содержание – важнейший критерий
    - «Позитивная» литература. Определение
    - «Негативная» литература. Определение. Примеры
    - Чистка школьной «библиотеки» от «негативной литературы»
    - Видение нового учебника
  - III. «Программа-2015»
    -
    - Обоснование содержания таблицы 2
      -
      - 1. Древнегреческая литература
      - 2. Любовь, семья, дети
      - 3. Труд, творчество, наука

- 4. «Все победят только лишь честь и свобода»
- 12. Спорт – это мир

- IV. Будущее школьной литературы
  - Модернизация программы обучения
  - Организационные изменения
- Приложения
  - Приложение 1. Произведения XVIII–XIX вв
    - Древнерусская литература
    - Г. Р. Державин
    - Д. И. Фонвизин
    - А. С. Грибоедов
    - А. С. Пушкин
      -
      - Пушкин и власть
      - Оценка современников
      - Род и предки Пушкина. Личность поэта
      - Замечания относительно преподавания «Евгения Онегина»
    - М. Ю. Лермонтов
    - Н. В. гоголь
      -
      - «Мертвые души»
      - «Тарас Бульба»
      - «Петербургские повести»
      - «Шинель»
    - И. С. Тургенев
    - Н. С. Лесков
      -
      - «Однодум»
      - «Пламенная патриотка»
      - «Левша» (?)
    - И. А. ГОНЧАРОВ
      - «Обломов»
    - Н. А. Некрасов
      -
      - «Кому на Руси жить хорошо»
    - Ф. И. Тютчев
    - А. Н. Островский
    - Ф. М. Достоевский
    - Л. Н. Толстой
    - А. П. Чехов
    - И. А. Бунин

- Историческая справка
- Приложение 2. Проза XX в. Обоснование выбора изучаемых произведений
  - 1. Введение. Литература – как часть «СССРоведения»
  - 2. Возникновение и развитие СССР. Историческая справка (In (ad) usum delphini[13])
    - 2.1. Предреволюционная обстановка. Состояние умов
      - Народ
      - Буржуазия
      - Власть
      - Революционеры
    - 2.2. Гражданская война
    - 2.3. СССР – тоталитарное государство
      - Отступление
      - Экономика
    - 2.4. Война 1941–1945 гг
    - 2.5. Зрелый социализм
    - 2.6. Преддемократия (хрущевская «оттепель», «застой»)
    - 2.7. Переход к демократии
  - 3. Обзор произведений советского периода
    - 3.1. Дореволюционная тематика
      - «Низы не хотели жить по-старому»
    - 3.2. Литература, посвященная революции
      - Отступление. К вопросу о Героях
    - 3.3. Литература развитого социализма
      - «Человек за все в ответе»
      - «Иду на грозу»
      - «Утоление жажды» Ю. Трифонова
    - 3.4. Военная проза 1941–1945 гг. – лучшая русская литература XX в

- «Родина-мать зовет!»
- 3.5. Деревенская проза – прощание с деревней
- 3.6. Диссидентская литература
- 4. Произведения, включенные в таблицу 1
-
- М. Горький
-
- «На дне»
- «Мать»
- «Детство»
- Н. А. Островский
-
- Отступление
- М. А. Шолохов
- М. А. Булгаков
-
- Заключение
- Б. Л. Пастернак
- А. И. Солженицын
- Биография [16]
- Отношение Солженицына к Пушкину
- Значение Солженицына
- «Один день Ивана Денисовича»
- «В круге первом»
- В. В. Быков
- 5. Краткий обзор постсоветской литературы
- Приложение 3. Поэзия XX в. Обоснование выбора изучаемых произведений. Методические замечания
- А. А. Блок
- В. В. Маяковский
- С. А. Есенин
- М. И. Цветаева
- О. Э. Мандельштам
- Г. В. Иванов
- И. А. Бродский
- А. А. Ахматова
- Н. А. Заболоцкий
- Б. Л. Пастернак
-
- «Гамлет»

        - А. Т. Твардовский
        - Ю. И. Визбор
        - М. К. Щербаков
    - Цитируемая литература
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

Олег Колосовский
Литература. XXI век. К вопросу о стандарте среднего общего образования по литературе

© Колосовский О. А., 2015
© Издательство «ФЛИНТА», 2015

Об авторе

Я пенсионер, 1938 г.р., русский, живу в г. Фрязино. Окончил МФТИ. Занимался разработкой лазеров, автор научных статей, свидетельств на изобретения, кандидат технических наук, был начальником лаборатории. В 90-х годах оставил любимую работу по причине неуважения к инженерному труду нового «рыночного» начальства. Работал на вольных хлебах в команде по обслуживанию медицинской аппаратуры, получал удовлетворение от свободного труда (без бюрократии и проходной) и сознания собственного умения (несколько преувеличенного), нанимался на случайные строительные работы. С 1970-х годов я подрабатывал репетиторством (физика, математика, изредка – литература). Параллельно учил своих детей и внуков.

К Перестройке я пришел с убеждением в необходимости демократических реформ и поворота мозгов к европейскому мышлению. На этом стою и сейчас. Замечу, что мои убеждения имеют прямое отношение к видению школьного образования, в частности к преподаванию литературы.

В 1990-х годах участвовал в демократическом движении (статьи в «Свободном слове», протест против ГКЧП, защита Белого Дома вместе с сыном и т. п.)

Дочь – математик-вычислитель, сын – инженер, живут в России. Вместе с женой помогаем растить пятерых внуков. Стараемся воспитать их в духе национальной и географической оседлости. Семейные увлечения: водный туризм, горные лыжи, сад. Я – читатель с большим стажем. Еще «чукча-писатель» – опубликовал три рассказа и повесть.

Мотивацией к созданию «Программы-2015» является опасение за судьбу моих внуков, правнуков и их сверстников. Дело в том, что гуманитарное образование дети сейчас получают в основном на уроках литературы. Но в нем катастрофически не хватает веры в Человека и Прогресс, недостает романтики. Это стало общим местом. Напротив, есть избыток негатива – гоголевские «свиные рыла», чеховские неудачники, полукриминальные персонажи Достоевского и т. п. А если и есть герои, то «смертники», а не победители зла, или судьбы, как хотите. Я хочу, чтобы школьники воспитывались в духе доверия к миру: «Мечтай, будь справедлив, мужествен, трудись, и тебе воздастся». Это необходимое условие быть успешным в высоком смысле этого слова. Именно поэтому я предлагаю программу, где

важную роль играет дидактика.

Для экономии времени Читателя советую сначала ознакомиться с Введением и Принципами создания программы. После этого перейти к главному – списку изучаемых произведений (табл. 1 и 2). Далее – на его усмотрение.

Я благодарю: жену Лидию – в течение четырех лет, когда я был занят Программой, часть семейных дел она великодушно взяла на себя; детей Александра и Марию за помощь в компьютерных делах.

Я много лет знаком с доктором технических наук В. П. Тычинским. Его служение Делу, стойкость, мужество, строгость мышления вызывают у меня и моих детей глубокое уважение, как и то, что В. П. Тычинский знает древнегреческую литературу (*non multa, sed multum*).[1] Замечательно, что литературные вкусы В. П. Тычинского несомненно связаны с масштабом его незаурядной личности. Вероятно, это не частный случай, а закономерность. Исходя из нее я старался, чтобы содержание «Программы 2015» в первую очередь стимулировало развитие личности ученика.

О. Колосовский

Введение

…Искусство проясняет жизнь, предлагает модели человеческих поступков, закидывает сети в будущее, тщательно взвешивает наши верные и неверные устремления, прославляет и скорбит. Искусство не читает напыщенных проповедей и не хихикает, не глумится перед лицом смерти. Оно строит мечты, достойные стать былью.

Джон Гарднер «О нравственной литературе»

– Михаил, помнишь нашего соседа, который сильно пил? Когда он, здоровяк, вдруг безнадежно заболел, встретив меня в подъезде, спросил: «Олег, скажи мне, почему жизнь так коротка? Вот я учился в школе, был в армии, потом работал токарем, женился, ездил на рыбалку. И это все?» – спросил он тоскливо. И эхо повторило: «Все?»

– Дед, а почему он пил?

– Не знаю. Но знаю, что он не читал книг, Пушкина не читал. Жизнь показалась ему бедной и короткой.

Из разговора с моим внуком

Предлагая «Программу-2015», которая практически является Стандартом школьного образования по литературе, альтернативным существующему, я обращаюсь к обществу – к родителям, учителям, психологам и специалистам из Министерства образования. Цель моей работы – осовременить школьный курс литературы. В настоящее время он напоминает мне старый заросший сорняками сад, владельцы которого потеряли вкус к садоводству.

Напомню, что искусство «***В течение тысячелетий учило с интересом и радостью смотреть на жизнь во всякой ее форме и развивать наше чувство до того, чтобы мы могли воскликнуть:*** "***Какова бы ни была жизнь, она хороша***"**»** [4]. Однако в школе детей не учат именно так смотреть на жизнь, а «грузят» их **«едва из колыбели ошибками отцов».**

Сказанное – преамбула к обсуждению застарелых проблем. Точнее говоря, это начало нити клубка. Так потянем за него, чтобы понять содержание и цель литературного образования, которое есть и которое должно быть. Понимание необходимо,

чтобы подвигнуть школу на преподавание литературы на новом уровне, на уровне XXI века. Надеюсь, что моя работа окажется полезной, если не затеряется в коллективной неразберихе.

Как модернизовать программу обучения в сжатые сроки и не заболтать проблему, вот вопрос. Для этого, с одной стороны, должна проявить заинтересованность демократическая часть общества, которую я с долей идеализации представляю себе как «продвинутых» учителей, родителей, аспирантов, преподавателей, всех молодых и «голодных», кто сочиняет стихи, слушает песни Щербакова, знает завещание С. Джобса так же, как «Памятник» А. Пушкина, ходит в походы на Алтай и Северный Урал, волонтерит и учится гражданскому мужеству. С другой стороны, должен сработать актив из прогрессивно мыслящих специалистов Министерства образования. За ними последнее слово.

Определимся с терминологией. Как известно, существует Стандарт в виде обязательного содержания среднего образования по литературе. В соответствии с ним составляется Кодификатор, т. е. список изучаемых произведений и вопросов по теории литературы. На основе Кодификатора, в свою очередь, составляются КИМ (контрольно-измерительные материалы) и в конечном счете билеты для проведения ЕГЭ. Нас в основном интересует последний на данное время Кодификатор, а также трактовка произведений в учебниках. Очевидно, это и есть практически содержание Стандарта образования, принятого в настоящее время. Назовем для краткости эти материалы «Программой-2013». Целью настоящей работы является создание более современной «Программы-2015». Она после технических доработок может быть преобразована в новый Стандарт образования.

I. Недостатки «Программы-2013»

Представление о том, чему учат детей на уроках литературы, я получил, следя за школьными делами моих внуков (2005–2013 гг.), из их учебников и пособий, из КИМ для сдачи ЕГЭ и чтения различных педагогических работ [7, 23, 41 и др.].

Под «Программой-2013» условимся понимать содержание КИМ, т. е. перечень обязательно изучаемых произведений и их трактовку, принятые в настоящее время. Это, как я понимаю, есть главный ориентир для учителей. Кроме КИМ существует масса учебных материалов и учебников, которыми пользуются учителя, готовясь к уроку, и ученики, выполняя домашние задания. Ниже дан краткий обзор материалов КИМ и учебников. Очевидно, это связанные вещи, и здесь неизбежны повторы (от которых, вероятно, сильно страдал мой редактор). Объективно подходя, надо бы дать «нейтральные» заголовки, но я предпочел оценочные.

Общее впечатление – застой в преподавании

Программа начальной школы составлена коллективным мудрым «чуковским». Ее недостаток – большой объем материала, так что его можно измерять в килограммах.

Программа средней школы также избыточна. В ней много сатиры и архаики, как будто материал копился длительное время. В ней много пессимистичной и депрессивной литературы и мало книг с идеалами и героями. Подавляющую часть занимает классика XIX в. В программу XX в. на скорую руку введены произведения ранее запрещенных авторов: Булгакова, Солженицына, Бродского… как дань либерализму. В целом создается впечатление о тематическом отставании от российской жизни на десятки лет, а от западной – намного больше. Это относится как к выбору произведений, так и к интерпретации их идейного содержания.

Ошибки в выборе материала

Первая ошибка – перегруженность программы. В этом можно убедиться, просмотрев, КИМ для ЕГЭ. Как будто педагоги следовали лозунгам 20–30-х годов прошлого века во времена борьбы с безграмотностью: «Чем больше, тем лучше!», или «Знание – сила!». Сейчас нужен лозунг… но обойдемся без него, актуально правило *Ne quid nimis! – Не нарушай меры!* Сказанное справедливо еще и потому, что знание сплошь и рядом подменяется запоминанием информации. Пример этому: для подготовки к сдаче ЕГЭ школьнику рекомендуется повторить 190 терминов и понятий по теории литературы.[2] Беда, просто беда!

Педагоги и психологи до сих пор не озабочены проблемой информационной перегрузки детей **(инфостресс).** Показателен следующий факт. В библиографии, приведенной в переводной работе со шведского «Перегруженный мозг», из 149 авторов нет ни одного русского! [8].

Мы живем в информационном обществе, и это хорошо. Плохо, что поток информации и быстрый ритм жизни захлестывают ученика. Как следствие, он страдает синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ). У него возникают трудности в учебе и обычной жизни. Знания делаются поверхностными, особенно, если ученик «скачивает» ответы на задания из Интернета. Тем самым он отвыкает думать самостоятельно и глупеет. Более того, на наших глазах в деловом мире возник новый тип – «гуглист», тот, кто норовит решить свои задачи информационными методами, комбинируя чужие готовые решения. Если посмотреть на проблему шире, то появился «человек информационный», кто живет более вне себя, чем в себе. И этот «косяк» начинается со школы.

Продвинутые родители оберегают детей от информационного бума. Но большинство родителей, дедушки и бабушки, потерявшие головы, водят детей по кружкам, секциям и репетиторам. День заполнен донельзя: школа, школьные мероприятия (презентации, олимпиады и т. п.), дома – уроки, Интернет, компьютерные игры и плюс музыка в ушах. Беда! Модной глупостью стало нанимать репетиторов для обучения детей английскому языку. Практика показала, что КПД этой затеи крайне низок. Когда ребенок подрастет, и если появится мотивация, то язык можно выучить за три месяца и потом совершенствоваться.

Литература как школьный предмет дает ощутимый вклад в инфострес. Легко предугадать, что скоро наши школьники будут

принимать таблетки-стимуляторы мозговой деятельности (как в Штатах), а учителя и родители, не вникнув в проблему, будут видеть в этом происки Госдепа.

Вторая ошибка – избыток сатиры и обличения и **нехватка книг с Идеалами и Героями, в том числе романтических.**

Создается впечатление, что составители программы забыли про реального живого ученика, того кто **«выходя из-под опеки, стремится преодолеть препоны. Он, естественно, стремится забросить на чердак парики и плащи своих предков. И, наконец, он отрицает, возможно даже с излишней резкостью, те образцы, на которые консерваторы взирали с трепетом. Он с уважением относится к истории, но прежде видит жизнь – клокочущую, пеструю, знакомую»** [36].

Как же понять эту жизнь, если после 11 лет обучения, у школьника в памяти остается унылый исторический фон, что Москва была фамусовской, дворяне были «лишними» и обломовыми, помещики – собакевичами и плюшкиными, чиновники – ворами и взяточниками, Петербург по Гоголю был городом абсурда, населенный ничтожествами, по Островскому купечество – темным царством, горожане – салтыковскими «глуповцами», мещан по Достоевскому обуревали «бесы», по Чехову они меланхолически деградировали, Блок нагонял ужас на читателя перед будущим и т. д. Это своего рода литературно-национальный мазохизм. У школьника создается искаженный образ отечества. Он с молодых ногтей привыкает повторять пошлость – у нас беда: дураки, дороги и чиновники. Отсюда возникает желание эмигрировать. Вот пример из жизни, характеризующий настроение молодого эмигранта: «Я живу в стране робинзонов, а не обломовых и ног под собой не чувствую, нахожусь в полете».

Замечу, что преимущественное изучение «ошибок отцов», нехватка романтики развивают нигилизм и раньше времени старят юношу. У двоечников и троечников в этом смысле есть преимущество – у них дольше сохранится задор молодости и душевное здоровье. Если смотреть шире, то **когда школа воспитывает юношей и девушек на книгах, где нет романтики, «ни божества, ни вдохновенья», то нация обречена на вырождение** (литература советского времени – особый вопрос). Современный школьник представляет Россию страной, в которой ничего не созидали, не смеялись, не пели, не влюблялись, не растили детей, а только страдали, воровали и воевали. Это пессимизм чистейшей воды.

Обвинение в пессимизме – тяжелое обвинение. Поэтому для ясности я приведу определение: «Пессимизм (от лат. pessimum –

наихудшее, самое плохое) в обычном словоупотреблении – изображение всего в мрачном свете; такое личное убеждение или философское направление, которое в противоположность оптимизму рассматривает в мире прежде всего его отрицательные стороны, считает мир безнадежно плохим, а человеческое существование – до конца бессмысленным» [39].

Есть еще один минус в увлечении сатирой. Дело в традиционных недостатках русской сатиры. Достоевский на этот счет сказал: «У нас боятся дать положительное». И еще сказал, что правда произведения – когда осмеиваемый персонаж догадывается о своем пороке и страдает от этого. Но у наших сатириков нет ни первого момента, ни второго. Как следствие, сатира поверхностна и не заставляет читателя размышлять. «Он скалит зубы и только» [1].

Третья ошибка связана со смутой в головах чиновников из Министерства образования, которая произошла в 90-х годах. В ее результате победил **сайентистский, технократический подход** к преподаванию. В нем есть резон, но подгадил максимализм: «Форма – это содержание» (Витгенштейн). При выборе книг стали исходить из художественных особенностей, оставив в стороне идейное содержание и воспитательно-образовательное значение. Ошибочность нововведения разберем ниже.

Четвертая ошибка – архаичность тематики и соответственно нехватка современной литературы, особенно интеллектуальной, в том числе фантастики. Видно желание «по умолчанию» уйти от современности. Очевидно, что в глобальном мире каждая нация, и мы особенно, должна ответить на вызовы времени или ее вытолкнут на задворки. Старшеклассникам надо дать представление о национальных, политических, экологических, этических и прочих проблемах в России и Мире и сделать это по возможности в смягченной художественной форме. Но этого мало – необходимы книги оптимистического содержания с Героями-победителями, а не страдальцами. Такие книги есть. В соответствии со сказанным изучение преимущественно сатирической и обличительной архаики XIX века есть не просто потеря времени, а зловредная ошибка.

Добавлю, что в школе не знакомят с книгами, содержание которых напрямую касается подростков, тем более когда обсуждение требует нравственных усилий учителя и учеников. А как же иначе, без усилий? Я имею в виду «Павлика Морозова», «Тимура и его команду», «Повелителя мух» и др. В результате дети отстают в развитии.

Пятая ошибка – невнятное изучение советской литературы. Видна растерянность в решении вопроса, что взять

из нее в XXI в. А взять надо немного, но лучшее, поскольку там есть Идеалы и Герои (см. табл. 2).

Недостатки в трактовке произведений

• В учебниках превалирует сухая аналитика, которая часто сводится к перечислению (инвентаризации) художественных особенностей. Иногда содержание комментируется путано и безвыходно лабиринтно. Характерные примеры: комментарии к «Иуде Искариоту», данные в [41], и к «Мастеру и Маргарите», приведенные во всех учебниках.

Приведу контрпример блестящей критики классических произведений – известные лекции В. Набокова[3] (нелюбимого мной писателя и обожаемого мной критика). Надо заметить, что Набоков, истинный эстет, не мучил себя критикой заурядных писателей. По моему мнению, за это ему нужно памятник поставить в Литинституте.

• Учебники не прививают навыков «правильного» чтения, т. е. восприятия того, что написано, а не того, что выбирает читатель, или того, что требует общественное мнение. Ниже в качестве примера предлагается *правильно* прочитать «Мертвые Души» и «Доктора Живаго» и получить неожиданный результат.

• Слабые в художественном отношении произведения (такое случается) комментируются нейтрально-положительно. У школьника создается представление, что можно сочинять, как бог на душу положит. Это ошибка. Задача школы состоит в обучении строгому мышлению во всех дисциплинах и в литературе тоже.

На недостаток профессионализма в русской литературе указал академик С. Д. Лихачев и объяснил его отсутствием в России философии как таковой. Следствием этого он считал проповеднический пафос писателей, который проявился в смешении жанров.

Вот примеры жанрового винегрета.

«Мертвые души» – тотальная сатира на Россию, + апофеоз ей, + публицистика (после восклицаний «Таков уж русский человек!» следует бесконечное перечисление пороков и пошлостей). А еще «Мертвые души» как бы поэма. Ученик догадывается (а я уверен), что поэма-пасквиль есть лингвистический казус. Он же чистая душа, и если его не задавить авторитетом, не понимает, как можно сочетать унизительную сатиру на всю Россию (кроме Двора) с объяснением в любви к ней и верой в ее исключительное будущее. Может быть, этот ученик вспомнит Ноздрева, который сказал Чичикову, что «подлец, ты подлец, но дай я тебя поцелую». Это есть не что иное, как амикошонство.[4]

«Мастер и Маргарита» социальная сатира (злая), +

фантастика (обаятельная чертовщина), + плюс христианское проповедничество (в сомнительной интерпретации автора).

«Доктор Живаго» – художественный вымысел, плюс пошлая публицистика в виде бесконечных идеологических стандартов, плюс стихотворное дополнение.

Вероятно, лучше не изучать слабые в художественном отношении произведения, какие бы яркими и «диссидентскими» они не были. Иначе у школьника образуется «каша» в голове и развивается дурной вкус. «Каша» в конце концов «переварится», а дурной вкус – это надолго.

Образы героев подаются с социально-политических позиций. Это пережиток, оставлен нам в наследство со времен социализма. На мой взгляд, надо делать акцент на человеческие качества (чувство справедливости, честь, великодушие, мужество и т. п.). Это же очевидно. А раз очевидно, согласимся, что **князь А. Болконский и комсомолец П. Корчагин – ровня**.

Итоги критики современной программы. Необходимость ее модернизации

1. Объем материала превышает разумный предел в разы.
2. Материал перегружен архаико-сатирической, обличительной и всякого рода «малодушной» литературой, что усугубляет проблему дефицита личности, усиливает пессимизм, эмигрантские настроения среди молодежи и, в конечном счете, ослабляет нацию.
3. Катастрофически не хватает жизнеутверждающих книг с Героями и Идеалами.
4. На выбор произведений и их трактовку отрицательно влияет технократический подход.
5. Невнятно изучается советская литература.
6. Почти нет произведений, посвященных вечным ценностям: любовь, семья, дети, труд, честь, благородство и т. п.
7. Школьников не знакомят с мировой литературой. Они изучают образы Собакевича и Обломова и не слышали про Дон Кихота и Фауста. Школьникам не известна интеллектуальная классика: Бредбери, Гарднер, Голдинг, Ле Гуин, Лем… Как следствие, они отстают от западных сверстников в развитии.
8. В программе нет позитивных футурологических книг (Ефремов, Бредбери…). Существует косвенная связь школьного образования с неверием людей в будущее, а то и ожидающих конца света.
9. Качество учебников посредственно.

Из сказанного следует необходимость введения новой программы.

Подведем итоги – нужен базовый учебник.

Мы знаем еще со школьных времен учебники-долгожители: «Физика» Перышкина, «Химия» Глинки, вузовский учебник «Математический анализ» Фихтенгольца. Материал в них подобран очень тщательно и подан предельно ясно. Они являются базовыми, своеобразной точкой отсчета. Наряду с ними существуют разнообразные учебники, отличающиеся сложностью «в плюс и минус» и акцентами в выборе материала, иногда педагогически необоснованного. А это становится видным при сравнении с образцом. Данный пример убедительно показывает важность базовых учебников во всех дисциплинах. И литература здесь не исключение. По моему мнению, кризис в литературном образовании может быть преодолен, если будет создан базовый учебник. Интуиция подсказывает мне, что в Министерстве образования думают аналогично. Надеюсь, что «Программа-2015» окажется полезной в этом благородном деле.

II. Принципы создания «Программы-2015»

Цель «Программы-2015»

В ней я стремился:

1. Уменьшить объем материала примерно в три раза, в частности за счет свободы выбора.

2. Вернуть преподавание на путь истинный, т. е. обучать детей в основном на произведениях, в которых есть все: эстетика, идейный потенциал и воспитательное значение.

3. Учитывая особенности юношеского восприятия, изучать произведения:

• расширяющие кругозор;

• посвященные величию Духа и Разума человека;

• посвященные вечным ценностям: любви, семье, труду, свободе, чести, благородству…

4. Не навредить ученику – сократить число сатирических и обличительных книг и очистить школьную «библиотеку» от произведения с негативным идейным содержанием.

5. На освободившиеся полки поставить книги, которые могут просветить и вдохновить юношу, в частности произведения мировой классики.

Три критерия качества изучаемого произведения

Вопросу, что считать лучшими произведениями с точки зрения педагогики, посвящено много работ, написанных в советское время. Этот опыт с учетом необходимости сделать поправки на реалии XXI в. неоценим. Обратимся, например, к результатам работы [7]. «В процессе восприятия литературы различают три стадии:

– непосредственное восприятие, где важно воображение;

– понимание идейного содержания;

– влияние книги на личность ученика».

В соответствии с этим повторю истину, что при выборе книг для школы надо исходить из трех моментов: **А** – идейное содержание (позитивность главной мысли и ее доступность для понимания), **В** – художественные особенности (слово, образ, стиль, композиция, соответствие законам жанра и т. д.). **С** – образовательно-воспитательное значение книги. Желательно, чтобы все три качества присутствовали одновременно. Условно этот критерий полноты можно представить в виде формулы **К = АВС**, где К есть коэффициент качества. Он максимален, если А, В и С близки к единице, и минимален, если хотя бы один из множителей близок к нулю.

Очевидно, произведениями, удовлетворяющими критерию полноты АВС, являются, «Капитанская дочка», «Отцы и дети», «Война и мир», «Как закалялась сталь», «Тихий Дон», «Сотников», «Один день Ивана Денисовича» и др. Приведу в качестве примера книги, которые не удовлетворяют критерию полноты.

«Мертвые души»

Коэффициент **А** близок к нулю, так как пафос негативен. В реальной России, которую Чичиков (Гоголь) видит из коляски, **все** представлено в карикатурном виде: город (дома, дороги, парк, афиши), горожане, чиновники, природа, деревни, мужики, бабы, помещики… (см. ниже прочтение «Мертвых душ» без предрассудков). Карикатурность текста усиливается карикатурными иллюстрациями. Коэффициент **В** мал, в частности, потому, что «Мертвые души» есть смешение жанров (см. ниже).

Коэффициент **С**. О каком образовательном значении может идти речь? Ученик рассудочно понимает, что это – сатира, но

воспринимает «Мертвые души» как убедительнейшую в бытовых деталях быль. И это впечатление закрепляется комментариями учебников, оставшимися с советских времен, утверждающих, что николаевская Россия была страной «мертвых душ».

«Мастер и Маргарита»

Коэффициент **А** отрицателен. Во-первых, пафос романа состоит в том, что советская действительность 1930-х годов устроена столь мерзко, что несчастному Мастеру вредят все, и любящая его женщина вынуждена обратиться за помощью к Сатане. Во-вторых, Сатана «творит добро» в отношении Мастера и, развлекаясь, наказывает жуликов и проходимцев. Автор убежден в этом и предупреждает читателя соответствующим эпиграфом. В-третьих, в проповеднической части романа дано сомнительное «Евангелие от Булгакова» (см. ниже).

Коэффициент **В** мал. Роман есть **механическая, не смысловая, смесь** разножанровых кусков: сатиры, фантастики и проповедничества. Это неуклюжая попытка соединить несовместимое. Кроме того, в романе есть много заимствований и плагиата.

Коэффициент **С** близок нулю. Роман – злая сатира на советскую действительность 30-х годов, если быть точными, то на «как бы творческую интеллигенцию», даже хуже – на «низы», которые все жулики, воры и подлы в изначальном значении этого слова.

Идейное содержание – важнейший критерий

Напомню строгое определение идеала в философии [39]. В нем есть два момента. «Идеал – образец, прообраз, нравственный образец, понятие совершенства. Поэты и художники формируют нечто, сообразно идее». Второй момент – «…по ним [т. е. идеалам] должно судить о действительности, и последняя изменяется теми, которые чувствуют в себе силы для этого».

Приведу также суждения писателей.

В рассказе Горького «Читатель» [2] читатель спрашивает писателя:

– Скажи, кто есть твой бог? – Молчание, замешательство.

– Такие, как ты, не только не можете дать жизни что-либо новое, вы и старое даете в скомканном и мятом виде… Где же призыв к творчеству жизни, где уроки мужества, где бодрые слова, окрыляющие душу? – Молчание.

Д. Гарднер в статье «Нравственная литература» говорит (повторно цитирую для удобства чтения): «Искусство проясняет жизнь, предлагает модели человеческих поступков, закидывает сети в будущее, тщательно взвешивает наши верные и неверные устремления, прославляет и скорбит. Искусство не читает напыщенных проповедей и не хихикает перед лицом смерти. Оно создает молитвы и оружие. Оно строит мечты, достойные стать былью».

«Позитивная» литература. Определение

В старом русском понимании идеал – это единство «Добра, Истины и Красоты». Не претендуя на истину, дам современное определение идеала как единства «Просвещения, Справедливости, Свободы, Демократии и представлений о силе Духа и Разума человека». Назову для краткости литературу, содержащую эти идеалы, «**позитивной»** (с точки зрения педагогики). Очевидно, Пушкин, Тургенев, Некрасов, Тютчев, Толстой, Горький и Шолохов, Островский, В. Быков, Солженицын создали «позитивную» литературу. Замечу, что личность писателя здесь играет определяющую роль. По моему убеждению, только великодушный и просвещенный человек может создать «позитивное произведение. Перечисленные выше писатели обладали этим даром. За душой у них был «бог», т. е. высокие идеалы и, разумеется, талант. Поэтому по их книгам можно «сверять свои верные и неверные устремления и поступки». При составлении Программы-2015 я исходил из этого критерия.

«Негативная» литература. Определение. Примеры

В школьной «библиотеке» есть книги, при чтении которых приходят на ум следующие образы**: неприкаянность героев, личностное вырождение, враждебность окружающего мира, его абсурдность, человеческое ничтожество, безверие, одержимость «бесами», грядущая катастрофа и т. п.** По замечанию Саввы Морозова, человека в высшей степени созидательного, после чтения таких книг, «в мозг садится пыль и плесень».

Проблема в том, что писатели и литературоведы уверены в своем праве быть судьями в литературных делах. При этом художественные достоинства произведений часто ставят выше идейного и нравственного содержания. Такое цеховое самомнение негативно отразилось на содержании учебников. Поэтому полезен «взгляд извне», который может прояснить истину. Приведу примеры.

> *Известный социолог П. Сорокин исследовал историю искусства от древних греков и далее к великой литературе Шекспира, Гете, Шиллера, Толстого и Достоевского. Когда перешел к концу XIX века, то увидел «патологический крен». «Героями стали Баббиты, извращенные и психологически нездоровые характеры Хемингуэя и Стейнбека, Чехова и Горького… состоящие из сумасшедших и преступников, лжецов и подлецов, отщепенцев рода человеческого, рассыпанные среди посредственностей» [9]. Суждение спорное, но от него нельзя просто отмахнуться.*
>
> *Протоиерей Ткачев обсуждает творчество Бродского принципиально иначе, чем это делается в учебниках. Он пишет, что, с одной стороны, «И. Бродский есть самое важное явление в русской поэзии конца двадцатого века», а с другой – он согласен с оценкой Бродского советскими идеологами: «Странно, но Бродского раскусила советская власть. Тупая, косная… она назвала следующие мотивы творчества поэта: смерть, уныние и эротизм» [6]. Все ясно, как божий день, – власть среагировала на идейный негатив и осудила поэзию и поэта (в прямом смысле), не оценив художественные достоинства. Но педагоги-литературоведы впали в другую крайность, посчитали,*

что эти достоинства превыше «смерти, уныния и эротизма», и включили стихотворения в программу.

Возможно, в будущем школьную программу будет утверждать Общественный совет, состоящий из людей с большим жизненным опытом, как то: полицейский, ученый, олимпийский чемпион, олигарх, ветеран последних войн, мать-героиня, врач-нарколог, бомж из образованных, гражданский волонтер, представитель МЧС, священник из глубинки и детский психолог. Это будет некоторой гарантией от изучения «негативной» литературы.

Подведем итоги. «Малодушным» писателям не дано возвыситься до Идеалов и Героев, ни даже до антигероев. Их персонажи – броуновские частицы в мире хаоса. В этом смысле русская литература поляризована. Очевидно, изучение ее «малодушной» части вредит детским душам. Опасность еще в том, что малодушием заражаются незаметно, как ВИЧ-инфекцией. Зараженный ученик, став взрослым, ослабляет себя, семью, нацию и государство.

Чистка школьной «библиотеки» от «негативной литературы»

Негативный, депрессивный и малодушный здесь – синонимы. Эти книги я метил по следующим признакам.

А. Место действия, в основном – провинция, реже Петербург (у Гоголя) или Москва (у Булгакова). В любом случае, там обитают ничтожества, посредственности или люди, несчастные сами по себе.

Б. Отсутствие «бога», т. е. принципов, убеждений, Веры и т. д. и у автора, и у героев, проявляется в страдательности и страдаемости героев, а также в абсурдности мира. Это как иголка и нитка.

Вот примеры.

«Петербургские повести» Гоголя – в чистом виде мир абсурда. Чехов представил провинциальную жизнь предельно нелепой. И только иногда его меланхолики, очнувшись на мгновение, мечтают о новой жизни. Логическим завершением этого пессимистического направления оказался Сологуб. «В пику» классикам он написал роман о нелепости жизни вообще и о бессмысленности мечтаний («Мелкий бес»).

В. Случалось (не случайно), что «малодушные» писатели опускались до провальных произведений.

Гоголь: «Выбранные места…» («Народу не следует знать, есть ли какие другие книги кроме святых». Помещикам даются образцы крепкой брани, чтобы отучать крепостного от лени и т. п.)

Чехов: «Мужики», «В овраге». (Крестьянам приписаны все мыслимые пороки.)

Андреев: «Иуда из Кариота», «Тьма». Комментарии не требуются.

Бунин: «Ночной разговор», «Окаянные дни», «Деревня» («Мы для Бунина неизлечимые уроды, на четвереньках живем» – отзыв крестьянского писателя Вольнова).

Г. «Лакмусовой бумажкой» на малодушие является раскрытие темы сумасшествия. Здесь ясно видна сила или слабость духа. У Гоголя, Сологуба, Чехова, Булгакова – слабость.

Гоголь. «Записки сумасшедшего». Сюжет таков, что человек страдает от своей ущербности и заболевает манией величия. Стиль повести чисто гоголевский – печальное хихиканье героя над всем, что приходит ему в голову, в том числе над Европой. Он гибнет не потому, что одинок, не потому, что среда безжалостна,

даже не потому, что ни во что не верит, а потому, что малодушен.

Чехов. «Палата № 6». Рассказ о спонтанной деградации личности, но без хихиканья.

> **Отступление** (для моих внуков*)*
>
> Друзья мои, не читайте Гоголя и Чехова, это – как говорили в старину – мыла наесться! Читайте Кена Кизи и Джека Лондона и воспарите духом! [20, 29]. Кизи и Лондон были великодушны, в их жилах текла горячая кровь, а не лягушачья, и их герои той же породы.
>
> Герой Кена Кизи (роман «Над кукушкиным гнездом» и знаменитый фильм М. Фрома), попав в психиатрическую лечебницу, борется за право остаться личностью. Борется бескомпромиссно и гибнет, «смертию смерть поправ». В результате его бунта «сопалатники» осознают себя, и происходит их освобождение. Жизнеутверждающая книга. Действительно, «Человек – это звучит гордо!»
>
> Герой Джека Лондона («Повесть, рассказанная в палате для слабоумных») представляется читателю: *«Нет, я не сумасшедший, я здесь за ассистента. Я тронутый высшего разряда».* Он не деградирует не только по причине оптимизма. Его поддерживает сознание своей полезности – он добровольно ухаживает за тяжелым больным лучше, чем медсестры. А еще он «понимает» порядки на воле и этим гордится. А еще он живет среди людей, а не ушел в себя. А еще в повести есть энергетика, вкрапления здорового юмора и никакой «ползучести», и этого… соплей нет. Но вот что важно. Герой – «сильно тронутый», и с неприглядной внешностью, и слегка комичен, а именно как человек – красив.

Кизи и Лондон обладали даром видеть красоту человека, даже если у него есть трещина в психике. Так, посетитель исторического музея любуется статуей античного атлета с отбитой рукой или носом. Гоголь и Чехов были лишены этого дара. Тема сумасшествия была поводом убедить читателя в человеческом ничтожестве, а может быть, способом освободиться от собственных фобий.

А что происходило в литературном мире на Западе? Всякое. Но часто появились герои, вносящие смысл в человеческое существование: Дон Кихот, Гамлет, Фауст, Вальжан, Эрроусмит, герои Д. Лондона… Может быть, из любви к детям стоит из

школьной «библиотеки» изъять пессимистические произведения Гоголя, А. Островского, Чехова, Бунина, Блока, Бродского? Вот тогда школьники посмотрят на мир с осознанным доверием. Заметим, что «позитивная» классика вовсе не розовая. Она дает представления не только об Идеалах, но и о существовании в мире зла и вообще что жизнь есть «тяжелый случай». Дело в акцентах.

В соответствии со сказанным, «Программа-2015» составлена на основе «позитивной литературы». В Приложениях даны соответствующие обоснования.

Видение нового учебника

Недостатки современных учебников осуждались выше. Из обсуждений следует необходимость создания нового учебника с чистого листа. Очевидно, в первую очередь это должен быть учебник по изучению «позитивной литературы». Также в нем должны быть отражены следующие моменты.

А. Изучение классики

Изучать ли серьезную классику – вопрос не праздный. Во-первых, это тяжелая работа для учителя и ученика. КПД изучения крайне низок. Во-вторых, у него еще не возникли вопросы, а ему дают ответы [3, 6]. Тем не менее я нашел доводы «за», но выбросил их в корзину, так как случайно увидел суждение на этот счет у Ф. Ницше [4]. Он высказался гораздо раньше меня, но убедительнее и в более общей форме – изучать надо.

«Чтение классиков… есть чудовищная процедура, осуществляемая перед молодыми людьми, которые ни в каком отношении не созрели для этого. Но здесь и таится упускаемое из виду значение – что учителя говорят на абстрактном языке высшей культуры, на языке, который при всей своей тяжеловесности и трудности является высокой гимнастикой головы; что в их языке встречаются понятия, методы, намеки, которых молодые люди почти никогда не слышат в беседах членов своей семьи и на улице. Когда ученики только слушают, их интеллект уже непроизвольно подготавливается к научному способу рассмотрения вещей. Невозможно выйти после этой дрессировки совершенно незатронутым абстракцией, как чистое дитя природы».

Б. Умение рассказать «кратко и ясно о сложном»

Вернемся к вопросу о низком КПД при изучении классики. Дело не так плохо, как кажется на первый взгляд. Надо суметь рассказать о сложном. Это вполне возможно. Но, судя по содержанию учебников, такая задача до сих пор не ставилась. А вот в случае физики, например, такого сложнейшего раздела, как Теория относительности, она решена. Это сделали физики-теоретики. Они сочли своим долгом поделиться радостью познания с широким читателем. На основе их публикаций

школьный учитель способен объяснить детям суть дела за два-три урока. Так что ученик, придя домой, может с гордостью сказать: «А я в школе вывел формулу сложения скоростей. Фишка в том, что надо сперва сосредоточиться на опытных данных. Я даже могу вывести формулу $E = mc^2$ и рассчитать, сколько граммов урана понадобится, чтобы отопить и осветить Москву».

Содержание учебников, относящееся, например, к «Войне и миру», похоже на выдержки из диссертаций их авторов. Это никуда не годится. Ученик не в силах усвоить такой наукоподобный материал. Скучно.

Я полагаю, что на приличном уровне и с небольшой долей ходульности могу преподать «Войну и мир» за три урока плюс один на повторение. Я поясню детям главное и исключу второстепенное и сомнительное. Главное – это образы А. Болконского, П. Безухова, Н. Ростовой, описание Бородинской битвы и некоторые фрагменты народной войны. Об остальном я умолчу, равно как об образах Кутузова (предельно инертен), Наполеона (принижен до карикатурности), Каратаева (глупомудр и недоразвит), а также о салоне Шерер и т. д.

Итак. Князь Андрей есть «производная» от своего отца, вельможи екатерининских времен. В своей вотчине граф – царь и бог, умен, образован, деятелен, дома – диктатор, на людях – презирает всех, кто ему не ровня. Князь – облагороженная и осовремененная копия отца. В силу воспитания он «готовый продукт». Выйдя в «свет», он ставит высокие цели и действует и во время мира, и во время войны. Но в его возвышенном облике есть трещина – классовый эгоизм. Он считает, что освободить крестьян надо не для их блага, а чтобы «помещики не гибли нравственно» под влиянием крепостного права. Он так говорит Пьеру о мужиках: «Ежели их бьют, секут, посылают в Сибирь, то я думаю, что от этого нисколько не хуже. В Сибири ведет он ту же скотскую жизнь. А рубцы на теле заживают…». Толстой – реалист. Он не приукрашивает положительного героя хотя бы намеком на народничество, и поэтому ему можно верить.

Безухов в отличие от Болконского начинает жизнь «с нуля» и продвигается вперед методом проб и ошибок. Это в высшей степени русский тип, такой же, как испанец Дон Кихот, немец Фауст или датчанин Гамлет. Ключ к замыслу автора – сопоставление образов Болконского и Безухова, данных с редчайшей в литературе ясностью и психологизмом. Толстой убеждает читателя (может быть, вопреки самому себе), что существуют люди, судьба которых мало зависит от внешних обстоятельств, но более определяется их идеалами и волей.

В дополнение к пояснениям я бы читал вслух отрывки из

романа, чтобы дети ощутили прекрасную толстовскую прозу. А еще бы показал на уроке фрагменты из кинофильма С. Бондарчука, например, бал с Наташей и Бородинскую битву. Надеюсь, что мне удалось бы поделиться с учениками своей радостью от восприятия романа и в первую очередь от изображения здоровья нации – и крестьян, и дворянской элиты.

После такого урока ученик, придя домой, мог бы с гордостью сказать: «Я понял образ князя Андрея. Тут, как в задаче по физике, надо обдумать, что дано. А “дано” – это образ старого Болконского, краткий и ясный. Князь Андрей – яблоко, что упало недалеко от яблони. Теперь я знаю, что означает слово *элита*. Это – Болконские, Безуховы, Ростовы, Тушин еще. И во время войны и во время мира они – элита».

В. Ориентация на общечеловеческие ценности

Надеюсь, что составители нового учебника освободятся от влияния политики и идеологических стандартов и будут ориентированы на общечеловеческие ценности и достоинства героев. Рецепт излечения от старого недуга прост, очень прост: **надо согласиться, что А. Болконский и П. Корчагин в свете сказанного – ровня.** Но для этого необходимо иметь широту мышления и великодушие. Конечно же, они есть. Если это согласие, начиная со школы, распространится на общество, то, может быть, тогда сойдет на нет поляризация взглядов, ослабляющая нацию.

Дополнение. О пользе ЕГЭ

Определимся в своем отношении к ЕГЭ, так как этого вопроса не миновать. КИМ есть, по существу, образовательный стандарт. Компьютерная технология здесь вторична. Введение ЕГЭ для всех предметов давно назрело. Как более ясный пример рассмотрим пользу от него для математики и физики:

• чрезмерный объем материала снизился до приемлемого, что есть благо для школьника, находящегося в состоянии информационного стресса;

• возросла определенность в требованиях к ученику на экзаменах; уменьшилась вероятность коррупции.

• частично отпала нужда в «доучивании» с помощью репетиторов и «решебников»;

• составление КИМ способствовало упорядочению материала

и очистке от архаики;

• КИМ улучшаются год от года, так что знание ценится все более и более, чем результат «натаскивания».

Опыт прошлых лет показал, что образование в рыночных условиях не есть саморегулирующийся процесс. Он стихиен и коррупционен. Введение стандарта есть адекватная реакция государства на «разбушевавшуюся рыночную стихию». Я сочувствую министру образования и его сотрудникам, поскольку часть своих сил и мозгов они вынуждены тратить на борьбу с эгоизмом и коррупцией, которая заразила всех: чиновников, издательств, учебных заведений, педагогов, **родителей, учеников и студентов**. Полезно было бы ввести еще стандарт на ограничение числа учебников, их вес (совсем не смешно) и стоимость (тем более не смешно). Можно надеяться, что стандартизация литературного обучения даст положительный эффект, как и в области физики и математики. Пожелаю специалистам из Министерства образования успехов в этом важном деле.

III. «Программа-2015»

Таблица 1. русская литература

Материалы, включенные в КИМ для сдачи ЕГЭ за среднюю школу[5]

«Слово о полку Игореве»	**Л. Толстой** «Война и мир»	**А. Твардовский** «Василий Теркин», стихотворения*
Г. Державин «Снигирь», «Памятник»	**А. Чехов** «Вишневый сад»	**Г. Иванов, Н. Заболоцкий, Н. Рубцов** Стихотворения*
А. Пушкин Стихотворения*, «Медный всадник», «Капитанская дочка», «Евгений Онегин»	**М. Горький** «Детство», «На дне»	**М. Булгаков** «Белая гвардия» (?)
М. Лермонтов Стихотворения*, «Песня про царя Ивана Васильевича...»	**В. Маяковский** Стихотворения*	**В. Быков** «Круглянский мост», «Сотников»
Н. Гоголь «Ревизор»	**С. Есенин** Стихотворения*	**В. Некрасов** «В окопах Сталинграда», **Ю. Бондарев** «Горячий снег», **Г. Бакланов** «Пядь земли»***

И. Тургенев «Отцы и дети»	**М. Цветаева, О. Мандельштам, А. Ахматова** Стихотворения**	**А. Солженицын** «Один день Ивана Денисовича», «В круге первом»
Н. Лесков «Однодум», «Пламенная патриотка»	**Н. Островский** «Как закалялась сталь»	**Ф. Абрамов** «Пелагея», **В. Распутин** «Прощание с Матерой», **В. Белов** «Обычное дело»
Н. Некрасов Стихотворения*, «Кому на Руси жить хорошо»	**М. Шолохов** «Тихий Дон», «Судьба человека»	**Ю. Визбор, Б. Окуджава, М. Щербаков** Песни***
Ф. Тютчев Стихотворения*		

ПРИМЕЧАНИЕ. Правила выбора на экзамене

* Изучаются четыре стихотворения (см. Приложения). На экзамене разрешается выбрать одно из двух предложенных.

** Изучаются четыре стихотворения каждого поэта. На экзамене разрешается выбрать одно из двух предложенных двух поэтов.

*** Разрешается выбрать одно произведение.

Литература для домашнего чтения: А. Пушкин «Борис Годунов», М. Лермонтов «Герой нашего времени», И. Тургенев «Записки охотника», Л. Толстой «После бала», А. Чехов «Степь», М. Горький «Мать», И. Вольнов «Воспоминания», А. Фадеев «Разгром», Д. Фурманов «Чапаев», М. Замятин «Мы», П. Нилин «Жестокость», М. Леонов «Нашествие», Ю. Трифонов «Утоление жажды», Д. Гранин «Иду на грозу», Ч. Айтматов «Белый пароход», С. Залыгин «Соленая Падь», В. Белов «Лад», Г. Владимов «Три минуты молчания», А. Солженицын «Раковый корпус», «Архипелаг ГУЛАГ» (фрагменты), В. Шаламов «Последний бой майора Пугачева», А. и Б. Стругацкие «Пикник на обочине».

Таблица 2 (тематическая)

Материалы п. 2, 3 и 4 предназначены для включения в КИМ для сдачи ЕГЭ. Остальные изучаются факультативно

1. Древнегреческая литература «Илиада» (Гомер), «К самому себе» (М. Аврелий), «Икароменипп» (Лукиан)	**8. Победить зло** «Отец Арсений», «Повелитель мух» (У. Голдинг)
2. Гимн жизни* «Мороз и солнце» (А. Пушкин), «Ода радости» (Ф. Тютчев), «Дневное сияние» (Балтрушайтис), «Кола Брюньон» (Р. Роллан), «Приключения Тома Сойера» (М. Твен), рассказы Д. Лондона	**9. Вера** «Великие четьи-минеи» (Жития святых), «Отец Арсений», «Воспоминания Антония митрополита Сурожского», «Камо Грядеши» (Г. Сенкевич). Все — фрагменты
3. Любовь, семья, дети* «Дафнис и Хлоя», «Семья Бикетов» (Д. Голсуорси), «И все-таки наш», «Электрическое тело пою» (Р. Брэдбери)	**10. Мой любимый герой** Кн. Андрей, Корчагин, Кошевой, У. Громова, Сотников, Мелехов, Сологдин, кн. Трубецкая, доктор Вера (Солженицын), Пелагея (Абрамов)
4. Труд, творчество, наука* «Инженеры» (Н. Гарин-Михайловский), «Лад» (В. Белов), «Аэропорт» (А. Хейли), «Эрроусмит» (С. Льюис), «Мир Леонардо» (Р. Уоллэйс)	**11. Человек и природа** Рассказы Пришвина, «Песчаная учительница» (Платонов), «Зеленое утро» (Р. Брэдбери), «Хрустальный горизонт» (Р. Мейсснер)
5. «Все победят только лишь честь и свобода» «Три мушкетера» (А. Дюма), «Одиссея капитана Блада» (Р. Сабатини), «Спартак» (Р. Джованьоли), «Капитанская дочка» (А. Пушкин), «Песня про царя Ивана Васильевича...» (М. Лермонтов), «Хижина дяди Тома» (Г. Бичер-Стоу), «Последний бой майора Пугачева» (В. Шаламов)	**12. Спорт — это мир** «В одиночку через океан» (А. Урбанчик), «Аннапурна» (М. Эрцог), «Хрустальный горизонт» (Р. Мейсснер)

6. Образ народа «Князь Серебряный» (А.К. Толстой), «Кому на Руси жить хорошо» (Н. Некрасов), «Война и мир» (Л. Толстой), «Тихий Дон», «Судьба человека» (М. Шолохов), «Лад» (В. Белов), «Как закалялась сталь» (Н. Островский), «Сотников» (В. Быков), «Василий Теркин» (А. Твардовский), «Пелагея» (Ф. Абрамов), «Один день Ивана Денисовича» (А. Солженицын)	**13. Будущее прекрасно** «Туманность Андромеды» (И. Ефремов), «Земляничное окошко» (Р. Брэдбери)
7. Стоицизм «Я умею прыгать через лужи» (А. Маршалл), «Повесть о настоящем человеке» (Б. Полевой), «Один день Ивана Денисовича» (А. Солженицын)	**14. Жизнь замечательных людей** Ю. Цезарь, Леонардо, Д. Вашингтон, Петр I, М. Ломоносов, Л. Толстой, А. Солженицын, А. Сахаров, Р. Мейсснер...

ПРИМЕЧАНИЕ. *На экзамене предлагается выбрать одно из трех предложенных произведений по п. 2, 3 и 4.

Обоснование содержания таблицы 2

Читателя старшего поколения воспитывали в духе того, что русская литература – почти что лучшая в мире. Такое представление отчасти сохранилось до сих пор. Это есть наивное тщеславие, которое выходит боком – ограниченным мировоззрением и дурным литературным вкусом. Как и во всякой большой национальной литературе, у нас есть вершины, возвышенности, низменности, болота, есть «белые пятна». Соответственно и в школьной «библиотеке» есть белые пятна – это практически полное отсутствие произведений с выраженной тематикой, такой как:

– любовь, семья, дети;

– труд и образ человека-творца;

– великодушие, благородство, честь и т. д.

Это означает, что выпускник школы не получает ясного представления о базовых человеческих ценностях и позитивных моделях жизненных ситуаций. Замечу, что к «белым пятнам» в программе можно отнести отсутствие древнегреческой литературы.

Заполнить «белые пятна» я попытался в этой тематической части. Ее содержание видно из таблицы. Оно не вызовет, надеюсь, у педагогов принципиальных возражений. Дискуссионным может быть только вопрос о выборе приоритетов. На мой взгляд, приоритета три (п/п. 2, 3, 4). Эти произведения предлагается включить в КИМ для сдачи ЕГЭ за среднюю школу. Остальное – изучать факультативно.

1. Древнегреческая литература

Как известно, мир Античности – один из китов, на которых стоит духовная культура любого европейского народа, а стало быть, и русская культура. Вспомним, как Пушкин сетовал, что плохо знает «греков». В России изучение Античности в классической гимназии было отменено в конце XIX в. Одним из тех, кто готовил к этому общественное мнение, был Чехов, высмеивавший изучение античной литературы. И вместо мира героев Чехов создал в своих книгах мир пигмеев. После него литература потеряла масштаб, о котором сказал О. Мандельштам:

Есть ценностей незыблемая ска́ла,
Над скучными ошибками веков.

«В сложном и усложняющемся мире простота не может не привлекать. Античная простота – это вовсе не первобытная примитивность житейских условий и образа жизни… а органическая уверенность в себе здорового интеллекта, здорового чувства, уверенность в своем праве (и в своей обязанности) решать и судить».[6]

Клянусь Зевсом! Школьников надо знакомить с Гомером («Илиада»), Эсхилом («Скованный Прометей»), М. Аврелием («К самому себе»), Лукианом («Икароменипп, или Заоблачный полет»). Последние две короткие вещи читаются особенно легко и с интересом. М. Аврелий говорит о моральных категориях так ясно и доходчиво, как это мог только античный человек. Об этом каждый ребенок должен бы слышать в семье, но, клянусь Зевсом, не слышит. «Икароменипп» – сатира, но какая! – легкая, с фантазией, а не оскорбительно-бытовая, как у Гоголя. Есть и познавательное значение. После этой книги ученик сможет лучше представлять себе Зевса и остальных небожителей. Это важно. Ведь впечатление очевидца от посещения Олимпа, что ни говорите, лучше всяких мифов.

2. Любовь, семья, дети

В национальных литературах есть эталоны: «Дафнис и Хлоя», «Ромео и Джульетта», «Страдания молодого Вертера», «Сага о Форсайтах», «Унесенные ветром», повести Тургенева, «Война и мир». Непревзойденной вершиной в этой теме является «Сага». Конечно, в школе изучать «Сагу» невозможно. Но, к счастью, есть выход. Это – «роман в романе», история семьи Бикетов [17]. По всем статьям этот фрагмент подходит для подростков: линейный сюжет, два главных героя, небольшой объем, прекрасный стиль и т. д. Любовь, ревность, самопожертвование, драматизм и счастливый конец – а что еще надо, чтобы юноша или девушка сопереживали героям и «мотали себе на ус»?

В «Унесенных ветром» есть все: «любовь, семья, дети», но еще много чего. Но это – не детская книга, а жаль. Жаль еще потому, что образы Мелани и Скарлетт есть, может быть, лучшие женские образы в мировой литературе. Замечу, что вся Америка «сходила с ума» (именно, что вся) после просмотра двух фильмов: «Унесенные ветром» и «Пролетая над гнездом кукушки». Кинозрители устраивали стихийные обсуждения сразу после выхода из кинотеатра. Поистине только народ может быть настоящим судьей в оценке значимости книги или кинофильма.

Знаток творчества Брэдбери подтвердит, что рассказы «И все-таки наш», «Электрическое тело пою» – в теме. На мой взгляд, эти

два рассказа «весят» больше, чем десятки толстых романов.

3. Труд, творчество, наука

Эта тема в русской литературе – Золушка**. А ей бы надо быть принцессой.** В XIX в. дворянские писатели изображали крестьянский труд как повинность, как страдание. Есть одно исключение – Г. Успенский («Романтика земледельческого труда»). К сожалению, это – публицистика. В XX в., когда труд был провозглашен «делом чести, доблести и геройства» (большой плюс советской власти), его изображали только как общественно-полезную деятельность, а не внутренний процесс. На этом почти пустом поле одиночками виднеются фигуры Твардовского, Трифонова, Белова, Абрамова – тех, кто коснулся темы труда. Я думаю, что эти праведники прогуливаются сейчас по райским кущам и ведут дружеские беседы.

Итак, на два века русские дети были лишены изучения в школе книг, содержащих романтику труда и созидания. Это означает, что десятки поколений не получили высоких образцов, достойных подражания. Не кажется ли вам, Читатель, что этот факт (и не только этот) повлиял на отношение к труду в современной России? Сейчас, в эпоху высоких технологий, стало ясно, что в стране нет инженерного и научного драйва как явления, что мы умеем (умели?) либо «вкалывать», либо осуществлять общенациональные проекты («космос», «оборонка», «переброс» рек и т. п.), а сейчас умеем только торговать и добывать нефть и газ. Катастрофически не хватает творцов, способных изобретать, а не заимствовать чужое и доводить свой продукт до эстетического совершенства, будь это политическое действие, речь президента, компьютер, компьютерная программа, хирургическая операция, автомобиль, водопроводный кран, попсовая песня. Дело не только в нашей конкурентной слабости в мире. Хуже – в ориентации на деньги одновременно с отсутствием профессиональной гордости. Вот контрпример. Мой приятель, будучи в «европах», нетактично спросил тамошнего инженера: «Ну, сколько ты получаешь?» Ответ: «Это неважно. Я лучший специалист в своем деле в стране!» Комментарии излишни.

Что делать, чтобы с младых ногтей привить любовь к труду? Очевидно, надо начинать с семьи, а в школе воспитывать детей на литературе, воспевающей романтику труда. В первую очередь надо обратиться к американской литературе: «Эрроусмит», «Охотники за микробами», «Аэропорт» и т. п. Дидактика в них воспринимается сердцем, и скучные нравоучения не требуются. И

еще: если бы я командовал на ТВ, то организовал передачи, посвященные С. Джобсу. Это был бы пример для подростков, пример Труда и Успеха. Именно в таком порядке.

4. «Все победят только лишь честь и свобода»

О чем идет речь? О том, что в азарте построения правового государства в современной России забыли про вечные ценности и добродетели. Нос вытащили, хвост увяз. Чтобы вопрос не выглядел отвлеченно, приведу примеры.

«Капитанская дочка» с эпиграфом «Береги честь смолоду». У Пушкина, как всегда, все ясно – Гринев сберег честь солдата и честь мужчины.

Лермонтовский купец Калашников гордо отвечает Грозному, который дает ему шанс спасти жизнь: «А убил я его волею вольною. А за что, про что не скажу тебе, скажу только Богу единому!» Плохо то, что скорее всего современный ученик, не имеющий понятия о чести, недоумевает, почему богатый купец не нанял киллера.

В **«Войне и мире»** граф Болконский напутствует сына, уходящего на войну: «Мне страшно больно будет, если ты погибнешь, но если узнаю, что повел себя не как сын Николая Болконского, то мне стыдно будет». Так понимал честь вельможа екатерининской эпохи.

Еще один случай, но уже из жизни, описал С. Залыгин. Когда он случайно увидел список расходов, составленный начальником географической экспедиции – офицером царской армии, то удивился. Список на одном листе был прост донельзя. Залыгин спросил у участника экспедиции: «А как бы оправдывался этот офицер, случись недостача?» Ответ был таков: «Он расплатился бы своими деньгами, а если бы не смог, то застрелился». Честь и репутация для этого офицера были дороже жизни. Современный человек предпочел бы «срок» или «откупился». Не так ли?

Д. Набоков вспоминает нравы в дореволюционной деревне. В частности, описывает уличные драки мальчишек. В них соблюдались правила, нарушение которых считалось большим позором. Например, старшему из двух бойцов могли привязать руку к туловищу, чтобы уравнять шансы, бить лежачего категорически запрещалось и т. д. [15].

Поразительный поступок на современный взгляд описал митрополит Антоний Сурожский. Их семья, попав в Европу перед войной 1914 г., бедствовала из-за безработицы. Отец,

высокообразованный человек, мог бы найти хорошее место. Но он не сделал этого! Он посчитал, что происхождение и образование не должны давать ему преимуществ перед простыми людьми, и нанялся чернорабочим на завод.

Итак, материала достаточно. Надо расположить его в порядке от простого к сложному. Начать можно с азов, т. е. с «Трех мушкетеров» и «Одиссеи капитана Блада».

Это, конечно, азы, но вот как оценивает роман Дюма эссеист А. Моруа. «Одно поколение может ошибиться в оценке романа. Четыре или пять поколений не ошибаются никогда. Прочная популярность “Трех мушкетеров” во всем мире свидетельствует о том, что герои Дюма отвечали той потребности в энергии, силе и великодушии, которая присуща всем временам и всем странам». Я уверен, что русский школьник не исключение.

Сабатини уступает Дюма в мастерстве. Но это неважно. Капитан Блад безгранично смел, благороден и великодушен. Его любовь к Арабелле чиста и романтична. Именно такой герой действует на воображение юноши. И здесь школьнику надо идти навстречу, предлагая прочесть дома, а на уроке обсудить эти книги. Мои предположения даны в п. 3 таблицы 2.

Вероятно, что мужские качества – отвага, великодушие, благородство и т. п. – даются человеку от природы, как музыкальный слух. И как слух, их можно развить, а можно загубить. Школа как часть государственной системы – губит. Она воспитывает не столько личность – мужчину, главу семьи, созидателя, защитника родины, а «исполнителя», отягощенного нужной и ненужной информацией. Именно поэтому большинство молодежи собирается стать чиновниками, но не с большой буквы, а с маленькой – ради достатка и стабильности. Но есть другая молодежь – полная сил, амбиций, чистая и отчасти безбашенная, если судить по экстравагантным поступкам или приверженности к экстремальному спорту. Они живут очень разнообразной и яркой жизнью. Будущее за ними.

Отступление. Напутствие моим внукам

Мне не будет **стыдно за вас, если:**

• придется, то в школе вы будете драться честно, как мальчишки у Д. Набокова.

• станете взрослыми и не забудете о чести в делах и в личной жизни;

• не опуститесь до повторения плебейских

пошлостей: все чиновники – взяточники и коррупционеры; в любом поступке есть денежный интерес; наша беда – дороги и дураки; политика – грязное дело (древние греки считали, что политика – самое достойное занятие для мужчины);

• будете знать наизусть «Роняет лес багряный свой убор», читать Толстого и вообще серьезную литературу;

• будете подавать нищим и станете волонтерами: может быть, тогда Россия поднимется в «благотворительном» списке стран с 180 места хотя бы на 80;

• поймете, что русская культура есть малая часть мировой;

• дорастете до гражданского мужества.

12. Спорт – это мир

Современный мир обогатился спортом. Юноша, догадывается, что великий спортсмен – явление, не меньшее, чем крупный писатель или ученый. И он прав. Но раз это явление, то его можно описать и постараться понять на языке искусства. Это сделано в лучших книгах о спортсменах (А. Урбанчик «В одиночку через океан», М. Эрцог «Аннапурна», Р. Мейсснер «Хрустальный горизонт»).

О важнейшей стороне спорта английские участники экспедиции на Эверест писали:

> *«Смысл нашего существования – это в конечном счете радость жизни. Мы живем не для того, чтобы есть и зарабатывать деньги. Многие из нас знают по собственному опыту, что горновосхождение – величайший источник радости. Как прекрасно состязаться с горой и ощущать, как человеческий дух одолевает мертвую материю».*

Я думаю, что лет через двадцать будет по-моему: школьники станут изучать книгу «Хрустальный горизонт» великого альпиниста Р. Мейсснера и писать сочинения о том, как человек «одолевает мертвую материю». Это произойдет, когда в педагогику придет новое поколение – те, кто прыгал с парашютом, покорял Эльбрус или Эверест, служил в МЧС, боролся с терроризмом, катался на «черных» горнолыжных трассах на Чегете, те, кто в обеденный перерыв бегает по городскому парку, воскресный день посвящает детям и спорту,

вечером слушает Баха и Рахманинова.

IV. Будущее школьной литературы

Модернизация программы обучения

В России возрастает число креативных и европейски мыслящих людей и уменьшается число людей с имперским мышлением. Когда лет через 10–20 количество первых достигнет критического (несколько процентов), то вокруг них произойдет «кристаллизация». Это будет означать, что появилась новая национальная элита. Из ее среды выдвинется министр образования, сочетающий в себе волю государственного деятеля и потенциал просветителя. Он инициирует провозглашение национальной идеей *воспитание в детях величия Духа и Разума человека, здоровья, мужества, свободы и справедливости.*

После этого «отцы» проникнутся ответственностью, выйдут из состояния смутного ожидания чего-то значительного и начнут развивать страну в культурном, политическом и экономическом отношениях. Именно в такой последовательности. А «дети» будут воспитываться в духе национальной идеи.

На мой взгляд, вероятны следующие нововведения.

А. На уроках литературы будут разбирать современные жизненные ситуации и делать это на основе этических ценностей, усвоенных учениками в процессе изучения классики.

Б. В обществе зреет запрос на изучение опыта выдающихся людей. Художественная литература полностью не удовлетворяет тех, кто стремится к саморазвитию, кто стремится стать успешным в конкурентном мире и остаться Человеком. Возможно, ее будут изучать в младших и средних классах, а в 10 и 11 классах будут изучать жизнь выдающихся людей (Сократ, Цезарь, Леонардо, Д. Бруно, Петр Первый, Толстой, Солженицын, Сахаров; С. Джобс…), а также великих политиков, ученых, спортсменов.

В. Сейчас явно просматривается целесообразность выделения части учебного времени на «киноведение» в смысле изучения содержания и художественных особенностей кинофильмов. Очевидно, будут выбраны шедевры: «Броненосец Потемкин», «Тихий Дон», «Унесенные ветром», «Пролетая над гнездом кукушки»… Школьники будут разбирать содержание фильмов и писать сочинения. Сегодня, когда есть возможность показа фильмов в классе и когда дети тяготеют к визуальной информации, «киноведение» станет узаконенным разделом предмета «Литература и кино».

Последнее предположение может быть усилено. Художественная литература стара как мир, и ее развитие явно замедлилось. Киноискусству всего сто лет. Оно молодо, и его

возможности далеко не исчерпаны. Учтем также его музыкальную составляющую. Речь, конечно, идет более о художественном содержании, чем о технических новациях. Даже черно-белое кино может и будет развиваться.

Г. Среди молодежи популярен жанр фэнтези. Помимо развлекательной стороны в этих книгах есть новизна взглядов на общечеловеческие проблемы. Поэтому само собой напрашивается изучение таких произведений, как «Властелин колец», «Хроники Нарнии» и т. п. Вероятно, эта перспективная возможность будет реализована.

Организационные изменения

А. Профессия учителя станет одной из самых почитаемых и оплачиваемых. Учителя обретут свободу и доверие общества. Бюрократический контроль сведется к минимуму.

Б. Вторым завучем в школе станет психолог высшей категории.

В. Не менее трети учителей будут мужчины с хорошим образованием и жизненным опытом. И они пересилят практику феминистического образования и воспитания и внесут мотивы мужества и ответственности.

Насколько этот резерв существенен, можно судить по позитиву, который внесли в школьную жизнь учителя, вернувшиеся с войны в 1945 г. Вот пример – фрязинская школа, точнее говоря, подъем духа в ее коллективе и повышение качества образования. Именно в этот период ее выпускники стали наиболее успешными в жизни во многих отношениях. Сейчас сорока-, семидесятилетние бывшие ученики с величайшей благодарностью вспоминают фронтовиков: И. А. Бурова, Н. И. Максимова, А. П. Алещева, Л. П. Зайцева с благодарностью не только за знания – за воспитание человечности и представление о мужестве.

Подведем итоги. Картина, нарисованная выше, неполна и несколько утопична. Но она достойна стать былью. И станет ей, если мы признаем, что лучшие литературные герои – князь А. Болконский и комсомолец П. Корчагин – ровня. Но для этого нужны великодушие и широта взглядов. Конечно, они есть. Так за чем же остановка?

Приложения
Русская литература. Обоснование выбора изучаемых произведений. Методические замечания

Приложение 1. Произведения XVIII–XIX вв

Древнерусская литература

Академик С. Лихачев вспоминал, что медленное «незаинтересованное» чтение былин на уроке пробудило его любовь к литературе. Так и надо поступать – читать вслух отрывки из былин «О Соловье Будимировиче», «О Горе-Злосчастии», «Слово о полку Игореве». Ученик слушает, воспринимая слово, ритмику, события, образы бескрайних просторов, где герои бьются с врагами. Удаль, богатырская сила, чувство воли – такими школьник представляет защитников Руси. А сама Русь, вот она:

Услыхали они в чистом поле пахаря
Пахаря-пахарюшка.
Они по день ехали в чистом поле
Пахаря не наехали.
И по другой день ехали с утра до вечера,
Пахаря не наехали.
И по третий день ехали с утра до вечера,
Пахаря и наехали.

Хорошо в теремах изукрашено:
На небе солнце, – в тереме солнце;
На небе месяц – в тереме месяц;
На небе звезды – в тереме звезды;
На небе заря – в тереме заря
И вся красота поднебесная.

Какая же мощь заключена в былинах! И какой мелкой кажется по сравнению с былинами сатирическая и обличительная литература XIX в.

После такой подготовки учеников преподаватель переходит к изучению вершины древнерусской литературы – «Слову о полке Игореве», изучению не в смысле литературоведческого анализа, а целостного произведения из области изящных искусств. Только в этом случае «Слово» останется в памяти и укрепит национальный архетип ученика.

Г. Р. Державин

Привлечь внимание школьника, «зацепить», можно любопытным фактом из биографии или яркой особенностью творчества. Например, тем, что в молодости Державин служил офицером и пытался пленить Пугачева на свой страх и риск.

Образ Державина в нашем представлении связан с событийной и энергичной екатерининской эпохой, с именами Суворова, Пугачева и других известных государственных и военных деятелей. Дворянство тогда было элитой, не по статусу, а по содержанию. И Державин был частью этой элиты.

Пушкин слышал в стихах Державина и «свинец», и «золото». Эта метафора не только точна в отношении ритмики и фоники стихов, но и наталкивает на мысль, что поэту удалось уловить дух времени, в котором была грубая тяжеловесность «свинца» и блеск «золота». Замечу, что ошибочно думать, что Пушкин затенил Державина. Вовсе нет.

Предлагается включить в программу: «Снигирь», «Осень во время осады Очакова», «Вечернее размышление…», «Памятник» с возможностью выбора.

Д. И. Фонвизин

Лучшая пьеса «Недоросль» читается легко и с интересом. Сюжет прост, в содержании присутствует ясность, выдержана чистота жанра. Есть и положительный герой. Поэтому пьеса не производит тягостного впечатления, свойственного последующей русской сатире.

В программу предлагается включить «Недоросля» (5 класс).

А. С. Грибоедов

Согласитесь, Читатель, что сатиру всегда сочиняли в расчете на общественный резонанс. Что понятно для взрослого читателя, то рано для школьника. Поэтому в школьном образовании сатира должна присутствовать в небольших количествах.

Школьник знает, что есть жанр – сатира. Но воспринимает ее содержание в основном за чистую монету, а именно Москва была такой, какой ее описал Грибоедов. Напомню, что он сказал с вызовом: «в моей коллекции 25 глупцов». Добавим от себя: и один умник, и тот не вполне художественный образ, а «рупор» автора. Прочитав учебник и пьесу, школьник представляет Москву как собрание таких-сяких, в общем, очень недостойных людей. А учитель не имеет времени, чтобы пояснить, что была и другая Москва, не фамусовская. В результате запоминается искаженный образ отечества.

Театралы и театры любят «Горе от ума». На сцене текст оживает, ходульность пропадает. Зритель видит живых людей, их мимику, жесты, тон, костюмы. Пьеса – раздолье для актеров. Напротив, до школьника-читателя юмор не доходит. Даже когда Фамусов, напрягаясь, старается понять смысл филиппик Чацкого с серьезностью большого в этом мире человека. Чацкий, глядя на него, смеется, потом хохочет. Но школьнику-читателю в отличие от зрителя не смешно. Лучший выход из положения – отвезти детей в театр.

Я предлагаю подать пьесу без нажима на социальный подтекст, как комедию, в которой почти каждый стих превратился в поговорку.

«Горе от ума» можно изучать в 6-м классе.

А. С. Пушкин

> *Самое высокое достижение и наследие нам от Пушкина – не как отдельное его произведение, ни даже легкость его поэзии непревзойденная, ни даже глубина его народности, так поразившая Достоевского. Но его способность (наиболее отсутствующая в сегодняшней литературе) все сказать, все показываемое видеть, осветляя его.*
>
> *А. Солженицын. «Колеблет твой треножник»*[7]

Читать все до одного его записи, поэмы, сказки, элегии, письма, драмы, критические статьи, без конца перечитывать их – в этом одна из радостей нашей жизни.

В. Набоков

Наслаждайся, наслаждайся,
Чаще кубок наливай;
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!

1815 г.

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря…
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.

1825 г.

Роняет лес багряный свой убор
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружных гор.

1825 г.

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.

1825 г.

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

1829 г.

Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила;
К ней на плечо преклонен, юноша вдруг задремал,
Дева тотчас умолкла, сон его легкий лелея,
И улыбалась ему, тихие слезы лия.

1835 г.

Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! Трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

1817 г.

…не должно торопить времени, и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения

суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества…

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Изучение творчества Пушкина имеет следующие недостатки.

• Желание ознакомить с наибольшим числом произведений. При этом изучают, анализируют так тщательно, что пропадает свежесть восприятия. В конце концов все кажется очевидным и законченным, как таблица умножения. Изумление и радость восприятия исчезают.

• Пушкина преподают всем одинаково. Вероятно, следует дифференцировать. Все в классе должны учить то, что учили наши деды и прадеды: «Буря мглою небо кроет…», «Роняет лес багряный свой убор…» и т. д., «Лирики» пусть проходят «Евгения Онегина», а кто склонен к размышлению, пусть изучают «Бориса Годунова». Лирик, одаренный от природы поэтическим слухом, полюбит стихи Пушкина почти без помощи учителя. Может быть, ему достаточно просто заучивать наизусть: «Буря мглою небо кроет…» и др. Ученику с конкретным мышлением нужна подсказка, например такого рода, что Пушкин как никто в то время мог выразить мысль или чувство минимумом слов. Так поступает программист, когда предельно сжимает файл, кодируя его. Эту нехитрую аналогию данный ученик поймет. Но может быть, уловит еще ритмику стиха, облегчающую чтение, что будет началом. Дальше можно надеяться, что с божьей помощью возникнут более глубокое понимание и любовь к пушкинской поэзии.

• Из Пушкина сделали «икону», а его эпоху изобразили шаблонно, так что не чувствуется духа времени. Оживить урок можно с описанием отношений властей, народа и образованных людей к Пушкину, а также рассказать о личности поэта.

Пушкин и власть

Бенкендорф однажды раскричался и выгнал Дельвига со словами: «Вон, вон! Я упрячу тебя с твоими друзьями Пушкиным и Вяземским в Сибирь!» Кстати сказать, одно время была опасность, что Пушкина упекут на Соловки или в Сибирь.

Читатель, вам это ничто не напоминает?

Николай I, Бенкендорф и Цензурный комитет отслеживали все, что сочинял Пушкин. Царь лично правил «Бориса Годунова» красным карандашом и делал это, как всякий деспот, не восприимчивый к высокой литературе. Это было в порядке вещей. Однако существенное различие между поэтом и царем было не только в статусе, а еще в том, что первый был великодушен, а второй – нет. И этот второй стремился унизить поэта, при аудиенции грубо «тыкал» и всячески старался «поставить его на место».

В конце XIX в. село Михайловское пришло в упадок. Псковские крестьяне организовали «кружечный» сбор денег, чтобы выкупить его у владельцев и сохранить для потомков. Сборщики пошли по России с «кружками». Но много ли наберешь по гривеннику или рублю? Правительство вмешалось, выделило средства, и в 1899 г. Михайловское было национализировано.

Другая сторона медали. Во время революции усадьба была разгромлена и сожжена. Погибли обстановка, библиотека, картины. Те же крестьяне окрестных деревень (или не те же?), что почитали Пушкина, разгромили и Тригорское.

В 1899 г. в Святых Горах с большим размахом праздновали сотый юбилей поэта. Был выстроен летний театр на 1000 мест – «Храм Свободы», что положительно характеризует власти. История сохранила картинки российских нравов и порядков:

– в день праздника к могиле поэта простой люд (кто без пропусков) не допускался. В народной библиотеке-читальне была учреждена книга «В память Александра Сергеевича Пушкина», в которой каждый посетитель мог оставить свою запись [13];

– циркуляр губернатора предписывал «тщательное наблюдение за крестьянами чтобы предупредить манифестации» и излишние проявления вольнолюбивого духа Пушкина;

– в слободе продавались дешевые книги со стихами поэта и справочник унизительного содержания: «По окончании Лицея в 1817 г. Пушкин поступил на гражданскую службу и начал вести довольно рассеянную жизнь. Молодость бывает проказлива, нашалил и Пушкин, и за дерзкие стихи ему грозило суровое наказание, но благодушный император Александр I, победитель Наполеона, только перевел Пушкина из С.-Петербурга на службу в Кишинев. В 1824 г. Пушкин поселился в своей усадьбе в селе Михайловском. До сих пор Пушкин тратил свою жизнь и свой талант без всякого рассуждения и раздумья, но теперь он понял, что к жизни надо относиться серьезно, думать не только о себе».

Оценка современников

«Что скажешь о сыне Сергея Львовича? Чудо и все тут… какая сила, точность в выражении, какая твердая и мастерская кисть в картинках» (П. Вяземский).

«Стихи чертенка-племянника чудесно хороши. *“В дыму столетий!”* Это выражение – город. Я все отдал бы за него движимое и недвижимое… и Державин испугался бы дыма столетий» (П. Вяземский).

«Ты имеешь не дарование, а гений. Ты – богач. **У тебя есть неотъемлемое средство быть выше незаслуженного несчастья»** (В. Жуковский).

«Это мне патент на бессмертие» (Д. Давыдов относительно стихотворения, посвященного ему Пушкиным).

Род и предки Пушкина. Личность поэта

– А знаете ли вы, что Пушкины принадлежат к древнейшим русским родам? Первым историческим лицом рода Ратши можно считать Гаврилу Алексеевича, витязя князя А. Невского, отличившегося в бою на реке Нарве. В XIV в. среди потомков Гаврилы Алексеевича появился Григорий Пушка. Пушка – прозвище, которое преобразовалось потом в фамилию и т. д.

– Пушкин как никто из больших поэтов обладал одновременно столь мужскими качествами: смельчак, путешественник, превосходный стрелок, наездник, дуэлянт, преданный друг, любовник… Лучше всего он сказал о себе сам:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботы суетного света
Он малодушно погружен.

Он был преданным другом около трех десятков выдающихся современников, и они платили ему тем же. «И в жизни сей мне будет утешенье: мой скромный дар и счастие друзей».[8]

Замечания относительно преподавания «Евгения Онегина»

Гениальный поэт может много. Может сочинить роман в стихах из жизни заурядных людей и так украсить его лирико-философскими отступлениями, что и через двести лет роман будут читать ради них. Главный герой произведения – автор. Именно этим роман интересен. Остальные – микрогерои. Они маются в деревне от бессмысленности существования или

развлекаются в столице. Притом нет страстей, нет заблуждений, нет прозрений, которые возвышают. Удивительно, насколько Пушкин был снисходителен к своему герою. Поэтому о дальнейшей его судьбе он умолчал. Скорее всего она должна быть печальна. Онегин либо спился, либо застрелился. Тогда концовка романа была бы такова: Татьяна иногда навещает его могилу, смахивает пыль с памятника и, постояв немного, выходит к кладбищенским воротам, где ее ждет карета.

В учебниках цитируют Белинского, что роман – «энциклопедия русской жизни». Он ровно такая же энциклопедия, как «Мертвые души». В романе есть бытовые зарисовки из жизни помещиков – прообразов Ноздрева, Манилова и т. п., но никак не духовной и политической жизни России. История сохранила массу имен (именно благодаря знакомству с Пушкиным) достойнейших людей, живших в Псковской губернии, совсем не похожих на изображенных в «Онегине».

Вероятно, пришло время отказаться от устаревших стандартов и изучать роман как образец чистой поэзии, в которой единственный герой – автор.

В программу предлагается, доверяя художественному вкусу учителя, включить стихотворения, известные нам с детства, а также «Капитанскую дочку», «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова». Девочки могут изучать «Онегина», мальчики – «Годунова». Я также предлагаю включить в билеты ЕГЭ чтение наизусть «Роняет лес багряный свой узор», или «Буря мглою небо кроет», или стихотворение по выбору.

Главная цель преподавания будет достигнута, если ученик в тридцать, шестьдесят и в девяносто лет будет перечитывать Пушкина. Если же случится «война, сума, тюрьма», изгнание, то он возьмет с собой его стихи. Так сделал Г. О. Рукман, будущий начальник физической лаборатории во фрязинском НИИ. Уходя на фронт в сорок первом, он в вещмешок положил томик Пушкина.

Остается напомнить, как Пушкин писал прозу. Он работал… и работал, но приступал к ключевому моменту, только тогда, когда приходило вдохновенье. Хорошо, чтобы учитель работал и работал, но иногда бы к нему приходило вдохновенье. И в этот момент он заражал своим энтузиазмом учеников.

М. Ю. Лермонтов

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.

Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья…

«Песня про купца Калашникова…» – «одно из самых удивительных произведений русской литературы, вот где чудо, где он (Лермонтов), увидел и почувствовал эпоху Ивана Грозного? Если у А. К. Толстого «Князь Серебряный» – холодная, изумительная по красоте стилизация, а здесь старороссийское нутро. Иван Грозный – страшный, хитрый, умный и дипломатичный. Он все понимает и дает возможность спастись купцу…» (П. Бунин, иллюстратор).

Калашников не сможет жить, если не уберег жену от позора – «такой обиды не стерпеть душе…»:

А побьет он меня – выходите вы
За святую правду-матушку…
На вас меньше грехов накопилося,
Так авось Господь вас помилует.

Царь:
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место на лобное,
Сложи буйную свою головушку…
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью.

Грандиозно: разговор льва со львом.

«Герой нашего времени» – роман не для юных умов. Зачем школьнику читать о похождениях неприкаянного героя, который приносит людям несчастья? И все понятно, все разжевано, не будит мысль школьника. Такие книги сначала развлекают, а потом ослабляют…

Нет, нет! Я не прав! Несмотря на отсутствие заметной познавательной и дидактической ценности, это высокохудожественная проза. Я, извините за личное, в школьные годы, прочитав роман, впервые получил представление об «изящной словесности». Мой внук, неожиданно для меня, сказал, что читать интересно. А почему интересно? Потому что Печорин – мрачный циник, жесток, но и душевно тонок, порывист, осознает свои пороки и т. д. А еще потому, как заметил Набоков, «поражаешься исключительной энергии повествования и

замечательному ритму, который ощущается не столько на уровне фразы, сколько на уровне абзаца».

И все же изучать «Героя нашего времени» по полной программе было бы неправильно. Хорошо будет, если дети прочтут роман, обсудят его в классе и напишут сочинения. Но из экзаменационных билетов произведение следует исключить.

«Тамань» – шедевр. Рассказом могут наслаждаться все: и искушенный любитель литературы, и новичок. Его бессмысленно изучать, а надо читать дома при свечах и под настроение.

Подведем итоги. В программу включаем: «Песня про царя Ивана Васильевича…», «Ангел», «Парус», «Смерть поэта», «Бородино», «Молитва», «Родина».

Н. В. гоголь

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в нее. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее. Горит и дышит он. Земля вся в небесном свете…

Странное, неизъяснимое чувство овладело бы зрителем при виде, как от одного удара смычком музыканта в сермяжной свитке, с длинными закрученными усами, все обратилось, волею и неволею, к единству и перешло в согласие. Люди, на угрюмых лицах которых, кажется, не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами. Все неслось. Все танцевало.

Казак идет по улице, бренча рукою по струнам и подплясывает… Вот он остановился перед дверью хаты… Немного помолчавши, заиграл он и запел:

Солнце низенько, вечер близенько,
Выйди до мене, мое серденько!

– Погляди, какие я принес тебе черевички! – сказал Вакула, – те самые, которые носит царица… Восхищенный кузнец поцеловал ее, и лицо ее пуще загорелось, и она стала еще лучше.

Труп уже стоял перед ним на самой черте и вперил в него мертвые позеленевшие глаза…

– Вот он – закричал Вий… и все, сколько ни было, кинулись на философа. Бездыханный грянулся, он о землю.

А Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восьмнадцать местечек, близ сорока костелов… «Ничего не жалейте», – повторял только Тарас. Не уважили козаки чернобровых панянок, белогрудых, светлоликих девиц… зажигал их Тарас вместе с алтарями… не внимали ничему жестокие козаки и, поднимая копьями с улиц младенцев их, и кидали же к ним в пламя.

Иван Яковлевич… взял в руки нож и, сделавши значительную мину, принялся резать хлеб. Разрезавши хлеб на две половины, он поглядел в середину и, к удивлению своему, увидел что-то белевшееся… Он засунул пальцы и вытащил – нос!..

Крест на могиле зашатался, и тихо поднялся из нее высохший мертвец. «Душно мне! душно!» – простонал он диким, нечеловечьим голосом… ушел под землю. Зашатался другой крест, и опять вышел мертвец… Пошатнулся третий крест и поднялся третий мертвец…

Вдруг Катерина вскрикнула, проснулась… «Он убит, он зарезан!» – закричала она и кинулась к колыбели…

Больной ничего не понимал и не чувствовал, кроме собственных терзаний… Труп его был страшен.

Наконец… взломали дверь и нашли труп… с перерезанным горлом.

«Не видать тебе золота, покамест не достанешь крови человеческой» – сказала ведьма и подвела к нему дитя лет шести, показывая знаком, чтобы он отсек ему голову.

• «Славянофилы говорят, что “Мертвые Души” – апофеоз Руси, “Илиада” наша – и хвалят, другие бесятся, что тут “анафема” и за то ругают» (А. Герцен).

• «В этих харях читатель узнает страшное лицо николаевской России… трупом казался Гоголю Запад» (А. Воронский, советский критик).

• Гоголь по силе и глубине смеха первый в мире. И рядом с гениальным ореолом выставилась чрезвычайно противная фигурка. Гоголь великорусского народа совсем не знал (Ф. Достоевский).

Как ярко начинал Гоголь – «Вечера на хуторе близь Диканьки». Радовались читатели, одобряли критики. И я радуюсь. Но иногда печалюсь: слишком много нечистой силы, чертей, ведьм, злодейств, зарезанных младенцев, покойников и совсем нет добрых волшебников, добрых фей. Это – мировосприятие. Оно присутствует во всех произведениях.

«Ревизора» сначала не поняли. Сработал стереотип – нет положительного героя или резонера, зло не наказано. Но вскоре комедию приняли, стали играть в театрах и в любительском исполнении. Известно, что в одном из таких представлений участвовали Тургенев, Достоевский, Некрасов. Такой серьезный человек, каким был Достоевский, оказывается, обладал чувством юмора и с удовольствием играл роль Шпекина.

Интересно учителю и полезно ученикам задать им такие вопросы:

• Можно исправить нравы сатирой?

• Есть ли Хлестаковы, Земляники, Шпекины, городничие в наше время?

• Чиновники, находясь в состоянии растерянности, прилюдно сознаются в «грехах». Это реально? Это комично?

• Стремление человека «достать выгодное место» – хорошо или плохо?

• «За всяким умным человеком водятся грешки». Вы согласны?

• Не слишком ли мрачную картину нарисовал Гоголь?

«Мертвые души»

После «Ревизора» способность к комизму покинула Гоголя. Судите сами, Читатель. Ученик первый раз взял в руки книгу. В предисловии он видит титульный лист образца 1842 г.: виньетки, бричка, винные бутылки, закуски и черепа, черепа. Все напечатано черным цветом на светло-желтом фоне. Черный цвет означает реальность, а желтый – романтическое будущее России. Но ученик этого всего не знает и читает то, что написано. Прочтем и мы, впервые без предрассудков!

В начале книги видим рисунок: два мужика карикатурного

вида, бричка, косой забор, канава, кривой фонарь. Читаем: «два русские мужика, стоявшие у дверей кабака» (где же стоять еще русским мужикам?), комично обсуждают, «доедет то колесо… в Москву или не доедет?». Эта сцена – камертон к дальнейшему тексту. Читатель настроился на комизм. Но его дальше нет, нет!

• Читаем описание гостиницы с «тараканами, как чернослив, вертлявым половым и со стенами, потемневшими от лихих погодных перемен».

• Знакомимся с лакеем Петрушкой. Он – дебил, неряха, спит не раздеваясь, пахнет от него дурно, «имеет благородное побуждение к просвещению» (тонкий юмор автора), т. е. любит читать**,** «не затрудняясь содержанием», а увлечен процессом самого чтения, когда из букв выходит слово, которое «иной раз черт знает что и значит».

• Опустим знакомство с Чичиковым. Он – блеклая фигура, в меру подобострастен, в меру нахален и глуповат. В нем нет легкости Хлестакова или артистизма Остапа Бендера. Образ реальной России гораздо интереснее. Начнем с описания города. «Сильно била в глаза желтая краска. Домы были в один, два и полтора этажа, с вечным мезонином, очень красивым, по мнению местных архитекторов. Местами дома казались затерянными, местами сбивались в кучу».

• Далее идет известное большинству читателей описание карикатурных вывесок. «Мостовая везде была плоховата… Городской сад состоял из тоненьких деревьев, дурно принявшихся. В газетах было сказано, что город наш украсился… садом из тенистых, широковетвистых дерев». Еще один показательный штрих. На афише объявлялась драма Коцебу (немецкий драматург) со «знаковыми» фамилиями русских актеров: г. Поплевин и девица Зяблова. Какие же еще фамилии могут быть у русских актеров?

• Описание природы: «…ушел назад город, как уже пошли писать, **по нашему обычаю, чушь и дичь** по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен, обгорелые стволы**…** и **тому подобный вздор».**

• Крестьяне, которых обогнал Чичиков, изображены с барским высокомерием: «один из них, **кто поумней**, указал путь на Маниловку». А может быть, кто поумней смолчал, не показался ему барин, а простак ответил?

• Деревни видятся автору так: «…деревни, постройкой похожие на старые складенные дрова… Несколько мужиков, **по обыкновению,** зевали на лавках перед воротами в овчинных тулупах (*летом!*). Бабы с толстыми лицами и перевязанными грудями смотрели из верхних окон; из нижних… высовывала

слепую свою морду свинья». Читатель, согласитесь, что **«бабы и свинья»** в одном предложении есть выразительный образ.

Сделаем паузу. Назрел вопрос. Описание всего (!) видимого Чичиковым подается со специфическим гоголевским хихиканьем. Причем, велика сила читательской инерции. Он, как начал улыбаться, читая про мужиков у трактира, так и продолжает до конца книги, не задумываясь, над чем смеется. Чтобы разрушить это колдовство, надо сотворить молитву, как бурсак Хома, или принять холодный душ и пробежаться. После этого можно продолжить чтение. Так и сделаем.

• Перед знакомством с помещиками обратим внимание на *подлые* фамилии их соседей: Свиньин, Харапкин, Трепакин, Плешаков и т. п.

• Помещики, Коробочка, Плюшкин, Собакевич… изображены с убедительнейшим мастерством, подкрепленным прямо-таки зрительно воспринимаемыми деталями. Думать читателю здесь не над чем. Обжорство, скряжничество, вранье, скопидомство суть пороки самого низкого уровня. Это темы для басен Крылова. В начале XIX в. такие типы были смешны, в XX в. – нет. Мир стал серьезнее и юмор тоньше. Гоголевская сатира воспринимается архаично-примитивной. Есть редкие исключения: невозмутимая реакция Собакевича на предложение Чичикова и проблеск трагического у Плюшкина.

• Прочтем дальше, но и то, что читается между строк. Гоголь, убежденный крепостник, не понимал, что корень зла лежит именно в крепостничестве, и есть еще более страшные пороки, чем обжорство, вранье, маниловщина и т. д. Это – отсутствие ответственности за судьбы крестьян, неспособность видеть в них человеков. Не понимал, и все тут. Читатель, следуя за автором, не возмущается, а посмеивается, читая, как Чичиков торгует крестьян (хоть и мертвых), как и другой товар, или про то, как дворовая девка должна была чесать пятки барину перед сном. Покойник так любил. Забавно!

• Далее следуют впечатления о «длинной и скучной дороге с ее холодами, грязью… перебранками, ямщиками, кузнецами и всякого рода дорожными *подлецами*», о названиях сел как то: «Вшивая-спесь», «Задирайлово-тож», о том, что будочник проснулся и поймал вошь, о драке со смертельным исходом, затеянной купцами, и как им удалось откупиться и т. д. в том же духе.

Но это еще не все. Гоголь впадает в публицистику, применяя обобщения типа «Таков уж русский человек» или *«Эх, русский народец!»*:

– Не любит умирать своей смертью (спился, упал с церковного купола, убили приятели, утопился).

– «На всех наших собраниях… присутствует препорядочная путаница…видно народ такой, только и удаются те совещания, которые составляются для того, чтобы покутить или пообедать».

– «…ученый подъезжает… необыкновенным подлецом… Цитирует… древних писателей и чуть видит какой-нибудь намек или просто показалось ему намеком, уж он… Потом во всеуслышанье с кафедры, – и новооткрытая истина пошла гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников».

– У русских есть «свой задор: у одного задор обратился на борзых собак; другому кажется, что он сильный любитель музыки… пятый… грезит о том, как бы пройтиться на гулянье с флигель-адъютантом… шестой уже одарен такою рукою, которая чувствует желание сверхъестественное заломить угол какому-нибудь бубновому тузу или двойке, тогда как рука седьмого так и лезет… подобраться поближе к личности станционного смотрителя», т. е. шестой – картежник, а седьмой в драку стремится.

– «Таков уж русский человек: страсть сильная зазнаться с тем, который бы хотя одним чином был его повыше, и шапочное знакомство с графом или князем для него лучше всяких тесных дружеских отношений».

– «…престранные и пресмешные бывают люди в некоторых провинциях, да и подлецы притом немалые!»

– «горячие патриоты» занимаются «какой-нибудь философией или приращениями на счет сумм нежно любимого ими отечества, думающие не о том, чтобы не сделать ничего дурного, а о том, чтобы только не говорили, что они делают дурное».

– «А кто из вас… углубит во внутрь собственной души сей тяжелый запрос: “А имеется ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?” Да, как бы не так!» Даже безжалостный Свифт не обращался так беспардонно к

читателю.

Тошно читать эти бесконечные пошлости. Приходят на ум слова Достоевского о Гоголе, что просматривается «довольно противная фигурка». В «поэме» нет юмора (исключение – разговор двух мужиков в начале), нет иронии, есть хула. Все ничтожно, подло и достойно осмеяния: город, горожане, русская природа, деревни, крестьяне, бабы, помещики, чиновники, патриоты… Да и в читателе, подозревает автор, таится доля Чичикова. Перелистаю книгу до конца. Внимание, конец!

Он совершенно не подготовлен, не обоснован предыдущим содержанием. «Русь-тройка мчится, обгоняя другие народы и государства!» Это все равно, что кончить похоронный марш веселой полькой. Но покойник как лежал, так и лежит бездыханный. Составитель учебника должен бы прокомментировать этот момент, как он того заслуживает. Но он восхищен. Ученик, «человек логический», находится в недоумении, откуда взялся такой лихой образ России и кто из героев книги сидит в бричке? Чичиков, Коробочка? Напомню, идея фикс, что можно обогнать дряхлеющую Европу именно ввиду своей полной отсталости, была распространена в России и до Гоголя, и после него.

Я полагаю, что в любой европейской стране тотальный пасквиль на отечество никогда бы не назвали великой поэмой. Это есть российский лингвистический казус. И он не понятен ученику. Предлагается «Мертвые души» исключить из программы.

«Тарас Бульба»

Великолепное начало! Ученик заинтересован и покорен. Но дальше у него возникают вопросы:

> *Бульба повез сыновей на Сечь для выучки в военном деле. Там он ради задуманного подбил казаков нарушить мирный договор с соседями и вероломно напасть на них. Война обернулась гибелью большей части казаков и сыновей Тараса. Разве Бульба может быть национальным героем?*
>
> *Бульба люто мстил ляхам за смерть Остапа. Он «выжег восемнадцать местечек, близ сорока костелов… Не уважили козаки чернобровых панянок, белогрудых, светлоликих девиц… зажигал их Тарас вместе с алтарями…не внимали ничему жестокие козаки и, поднимая копьями с улиц младенцев их, и кидали же к ним*

в пламя» Бульба – террорист?

«“Как? чтобы запорожцы были с вами братья?.. Не дождетесь, проклятые жиды! В Днепр их, панове! Всех потопить, поганцев!” Эти слова были сигналом. Жидов расхватали по рукам и стали швырять их в волны. Жалобный крик раздался со всех сторон». Бульба – антисемит или Гоголь – антисемит?

Продвинутый ученик недоумевает, зная, что православие и кровожадность несовместимы. Поэтому ему непонятна зловещая угроза Бульбы на костре: «Придет время, узнаете вы, что такое православная русская вера!» Ученик также догадывается, что буйный казак по сути своей язычник. И это окончательно сбивает его с толку. Не позавидуешь учителю – его объяснения должны быть очень точны и, к сожалению, пространны.

Сказанное суть не случайные ляпы неуравновешенного автора, на которые можно закрыть глаза. Они органичны. Предлагаю исключить роман из программы.

«Петербургские повести»

«Повести» рекомендуются для домашнего чтения. Это ошибка. Здесь Гоголь – законченный мизантроп. В «Повестях» много болезненного. Они годятся в качестве приложения к вузовскому учебнику по психологии в разделе психопатологии. Предлагается этот сборник из программы изъять. Это надо сделать еще и потому, что автор, высмеивая пошлость, сам впадает в этот грех. К слову, почему на уроках литературы не объясняют, что такое пошлость в жизни и пошлость в литературе?

«Шинель»

Тема «маленького человека» характерна для дворянской литературы. Она варьировалась и шлифовалась до бесконечности. При этом предполагалось, что именно низшее сословие рождает маленьких людей, неспособных на протест. Первым, кто нарушил эту традицию, был Короленко (рассказ «Ат-Даван»). Лучшими произведениями, берущими за живое, на эту тему были «Станционный смотритель» и «Му-Му». Казалось бы, что «Шинель» родственна этим книгам. Но нет, милосердие в ней и не ночевало. Знаток и поклонник Гоголя Набоков так пересказывает содержание:

«…рассказ развивается так: бормотание,

бормотание, лирический всплеск, бормотание, лирический всплеск, бормотание, фантастическая кульминация, бормотание, бормотание, и возвращение в хаос, из которого все возникло. На этом сверхвысоком уровне искусства литература, конечно, не занимается оплакиванием судьбы обездоленного человека или проклятиями в адрес власть имущих. Она обращена к тем тайным глубинам человеческой души, где проходят тени других миров, как тени безымянных и беззвучных кораблей».

«Что-то очень дурно устроено в мире, а люди – просто тихо помешанные, они стремятся к цели, которая кажется им важной, в то время как абсурдно-логическая сила удерживает их за никому не нужными занятиями – вот истинная "идея" повести».

Ключевые слова в комментариях Набокова: бормотание, возвращение в хаос, тени других миров, донельзя абсурдный мир и т. п. Герой неизбежно является страдальцем в этом мире. Это декаданс, от которого надо оберегать детей.

Примечателен следующий факт. Гоголевское «бормотание» есть внутренний замкнутый в себе процесс. В этом причудливом мире можно найти все что угодно. Так в плеске волн и в шуме ветра каждый слышит свое. Один – фрейдовские мотивы, другой – платоновские, третий… Именно эта особенность гоголевского творчества объясняет гигантское количество литературоведческих работ.

Посмотрим на повесть с иной стороны, более поверхностной. Достоевскому приписывают слова: «Все мы вышли из гоголевской шинели».[9] Их любили повторять многие литераторы. Вероятно, имелись в виду художественные особенности и призыв к состраданию: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете? Я брат твой». Таких литераторов можно уподобить сердобольным наблюдателям, кто не спасает утопающих, а стенает при виде несчастных.

Приведу контрпример. Хемингуэй сказал: «вся современная американская литература вышла из одной книги Марка Твена, которая называется "Гекльберри Финн"… Ничего равного ей не создано до сих пор» и пояснял, что ключевым моментом романа является спасение мальчиками негра Джима. Принципиальное отличие.

Подведем итоги. В программе оставляем «Ревизора».

Тургенев вспоминал: *Подходят ко мне двое молодых людей, мещан или мастеровых. «Позвольте узнать, Вы ли будете Иван Сергеевич Тургенев?» – «Я» – «Тот самый, что написал "Записки охотника"?» – «Тот самый». Они сняли шапки и поклонились:* ***«Кланяемся вам, – сказал один из них, – в знак уважения и благодарности от лица всего русского народа».***

О. Волков к столетию со дня смерти Тургенева сказал: «*…мы живем в мире, отдаленном пропастью от героев Тургенева и его времени. Сместились представления и оценки… Но несравненная художественная высота сделала их бессмертными: его книги будут читать наши далекие потомки, по ним будут выверяться литературный вкус и достоинства слога и языка наших соотечественников».*

Что ни говорите, а фамилия, облик (глаза, лоб, губы, посадка головы…) говорят много об уме и душе человека. Дети – прирожденные физиономисты, глядя на портрет, определяют, что это за человек. В случае Тургенева они точно не ошибаются – это человек умный и благородный.

Если учитель прочтет вслух отрывки из «Записок охотника» про мальчиков, рассказывающих разные разности ночью у костра или про Касьяна из Красивой Мечи, то школьники выключат компьютерные игрушки и заслушаются прекрасной тургеневской прозой:

> *«Удивительно приятное занятие лежать на спине в лесу и глядеть вверх! Вам кажется, что вы смотрите в бездонное море, что оно расстилается под вами, что деревья не поднимаются от земли, но, словно корни огромных растений, спускаются, отвесно падают в те стеклянно ясные воды…»*

Только не стоит дотошно анализировать художественные особенности. Спугнуть можно чувство красоты, вылетит – и не поймаешь.

Способен ли школьник понять «Отцов и детей»? Вполне. Само название интригует. А если он прочтет книгу, хотя бы по диагонали, то поймет, что она написана и про него тоже.

Конечно, надо сказать о значении Тургенева:

• вывел литературу из гоголевского тупика;

• первым создал образ нового человека, разночинца, пробивающего дорогу в жизни своим трудом;

• создал образы крестьян, не в убогом виде, как их

изображали до него, а как представителей великого народа;

• «Тургенев сделал великое дело тем, что написал удивительные портреты женщин» (Л. Толстой).

В программу включаем повести «Записки охотника» и роман «Отцы и дети».

Н. С. Лесков

> *«Если без трех праведных, по народному верованию, не стоит ни один город, то как же устоять всей земле с одной дрянью, которая живет в моей душе и в твоей душе, мой читатель?.. и пошел я искать праведных».*

(Кто бы мне сказал: «Почему у Лескова вопрос о дряни в моей душе (а она есть) воспринимается нормально, а гоголевский вопрос, нет ли в ней доли Чичикова, – оскорбительно?»)

«Однодум»

Это рассказ о праведнике, очень русский по духу, по языку, по юмору, по месту действия, и читается легко. Интрига не ослабевает до самого конца. Когда же «свернет себе шею» чудак, решивший жить буквально по Библии? Читатель дивится вместе с персонажами рассказа, горожанами, купцами, чиновниками, как это можно жить по Заповедям. Дивится, забыв, что все это чистый вымысел. «Как это возможно» – не в смысле, что Однодум аскет и бессребреник, а в том, что живет вопреки всеобщим нравам и понятиям. Ему обязательно должно не поздоровиться. Читатель ждет, когда и как это случится. Поздоровилось! И в этом есть доля истины. Рассказ не забывается до старости. Я вспоминаю и улыбаюсь. Пусть улыбнуться и школьники.

«Пламенная патриотка»

Ключевое понятие здесь – *достоинство,* личное и национальное. В рассказе нет захватывающего действия, но он читается с интересом. Как понимал европейскую жизнь и как вел себя русский путешественник в XIX в.? Это рассказ и про нас. Мы сейчас запросто ездим по миру.

Одна барыня путешествует в Австрии со своей служанкой. Она «комплексует», понимая, что Австрия более культурная страна, чем Россия. В разговоре с местным знакомцем она высмеивает русские нравы: воровство, взяточничество и т. д. Но в

то же время не верит австрийским, уже в то время демократическим порядкам. Показателен эпизод, когда кайзер Австрии, проезжая верхом в городском парке мимо сапожников, отмечающих свой цеховой праздник, спешился и, не чванясь, выпил с ними кружку пива, крякнул и поехал дальше. Барыня сочла это за «пиар». Служанке крайне не по душе было поведение барыни. Она стыдилась за соотечественницу и в конце концов одна уехала домой.

Здесь есть хорошие темы для сочинений, не так ли?

«Левша» (?)

Рассказ слаб в следующих отношениях. Во-первых, его идейное содержание противоречиво. Поэтому рассказ критиковали и патриоты-русофилы, и западники. Этот момент затрудняет изучение, поскольку требуется приводить оправдания автора. Во-вторых, сомнительна избитая тема печальной судьбы таланта в России. История учит, что все таланты в мире добивались успеха только в том случае, если проявляли волю и характер. Так устроена жизнь. И правильно устроена. В этом духе надо воспитывать детей. Образ Левши «размагничивает» школьника. Он становится похожим на старика, потерявшего иллюзии молодости: зачем мечтать, зачем стараться – все равно меня задушат налогами, коррупцией и бюрократией? Такого рода самооправдания собственного малодушия я слышал и слышу от многих соотечественников. **Это досадно.**

Во-вторых, Левша, подковавший «блоху», только сперва производит впечатление. Но только сперва. «Продвинутый» старшеклассник чувствует слабость замысла. Суметь подковать «блоху», а не сотворить нечто равноценное наново, есть совершенно разные вещи. Это признак своего рода артистизма мастерового человека, но не способности к творчеству. Творчество первично, а мастерство вторично. Это знает любой ученый, инженер, музыкант, писатель и много кто еще. Можно было бы и не придираться, но Левша стал чуть ли не символом русского таланта. И это досадно.

Оставляем в программе «Однодума» и, несмотря на неудачное название, «Пламенную патриотку».

И. А. ГОНЧАРОВ

«Обломов»

По моим наблюдениям за внуками и их сверстниками, изучение романа для них есть неприятная обязанность. Скучно. У них в памяти остается только образ лентяя, «разлагающегося» на диване. Возникло молодежное словечко «облом», синоним – «не хочу я это делать». Вот и весь результат. Обломов стал именем нарицательным. Повторю мнение молодого эмигранта: «Я сейчас живу в стране робинзонов, а не обломовых и ног под собой не чувствую, нахожусь в полете».

Проблема Обломова состояла в неспособности хотя бы искать достойное место в жизни. Этот персонаж был лишен потребности в созидательной деятельности и обречен на деградацию, в том числе интеллектуальную. Но этой логики, к сожалению, нет в романе. Литературная аналитика Гончарова была уместна 150 лет назад и относилась к малой части столичного дворянства. Мне кажется, что проблема «обломовщины» в настоящее время не актуальна – дворян-то в Москве давно нет. А если говорить серьезно, то на своем веку я видел и коротко знаком с массой людей, но не встречал ни разу таких типов, именно что «обломовых». Гончаровские «обломовы» остались незначительным эпизодом российской и тем более не европейской истории. Сейчас детям нужны книги, которые «прославляют и скорбят, строят мечты, достойные стать былью». Архаику оставим любителям глубокомысленно рассуждать об особенностях русской души.

Предлагается исключить роман из программы.

Н. А. Некрасов

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Все лицо твое вспыхнуло вдруг.

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,
Только не сжата полоска одна…
Грустную думу наводит она.

– Ну, пошел же, ради бога!
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога…
Эй! Садись ко мне дружок!
…Там уж поприще широко:

Знай работай да не трусь…
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Напрасно быть толпе угодней
Ты хочешь, поблажая ей, —
Твое призванье благородней,
Писатель родины моей!
Ее ты знаешь: не угодник
Полезен ей. Пришла пора!
Ей нужен труженик-работник,
На почве Мысли и Добра.

…Во многом нас
Опередили иноземцы,
Но мы догоним в добрый час!
Лишь бог помог бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольней, —
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.

Время Некрасова – особый период русской поэзии. Он начался с полемики о назначении искусства и вылился в борьбу двух направлений – «некрасовской школы» и поэзии чистого искусства. Некрасов был первым поэтом, стихотворения которого были народны и по форме, и по содержанию. «Наиболее органично усвоивший поэтику фольклора, Некрасов впитал народно-поэтическую лексику, синтаксис, образность, но из особенностей народного стиха воспринял лишь дактилические рифмы и сделал их достоянием стиха литературного» [37].

Нам русский язык Некрасова привычен. А разве могло быть иначе? Могло. Трудно себе представить, насколько далеко зашло «офранцуживание» среди дворян. Приведу пример. На 100-летнем юбилее Пушкина, т. е. в 1899 г., поэты читали стихи и один из них – на французском языке!

Особенности некрасовского стиха Н. Гумилев сформулировал, отвечая на анкету о Некрасове, так:

1. Любите ли вы стихи Некрасова? – *Да, очень*.

2. Какие стихотворения считаете лучшими? – *Эпически-монументального типа: «Дядя Влас», «Адмирал-вдовец», «Княгиня Трубецкая».*

3. Как вы относитесь к стихотворной технике Некрасова? – *Замечательно глубокое дыхание, власть над выбранным образом,*

замечательная фонетика, продолжающая Державина через голову Пушкина.

Вот именно, что глубокое дыхание и родство с Державиным. Спасибо Гумилеву. Я, рядовой читатель, только смутно догадывался об этом. Как полезно было бы суждение Гумилева дать в учебнике.

Что можно взять в XXI в. от Некрасова? Много: образы природы, крестьянских детей, русской женщины, мужика и, конечно, образ России. Если Гоголь хотел видеть ее будущее, отталкиваясь от «противного», от «мертвых душ», то Некрасов знал возможности народа и мыслил пути к будущему через просвещение и труд. Очень даже актуально для России начала XXI в.

Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.
…В ее груди
Бежит поток живой и чистый
Еще немых народных сил:
Так под корой Сибири льдистой
Золотоносных много жил.

Скажите мне, кто из писателей дал образ народа (мужика) так полно, как, например, Толстой – князя Болконского. Кроме Некрасова – никто. Действительно, посмотрим вглубь времен, начиная от нашего времени: Белов, Абрамов, Распутин, Солженицын, Шолохов – только отчасти. Далее идут пасквилянты – Чехов, Бунин, еще далее – высится один Некрасов.

«Кому на Руси жить хорошо»

В учебниках комментируют Поэму под заголовками типа «Анализ того-то и того-то», похожий на инвентаризацию поэтического имущества. Анализировать Поэму – все равно что анализировать Библию. Результатом, скорее, будет неверие, даже «атеизм». Ученик скучает. Этот метод означает ограниченность литературоведа, который считает камни, из которых построен храм, но не видит креста наверху. Поэтому здесь надежда только на Учителя. Будь я на его месте (да простит меня за непрошеный совет учитель, труд которого тяжел, как труд крестьянина), я держал бы в уме, что у Некрасова было обострено чувство сострадания к народу, основанное на осознании вины дворянина перед ним. Поэтому он преувеличивал страдания народа, хотя и

понимал: «Жалеть – жалей умеючи, На мерочку господскую крестьянина не мерь!».

Продолжаю о главном. О пореформенной России ученики должны знать из истории. Ценность поэмы состоит не в том, чтобы представить себе, как плохо жилось в России, а в образах крестьян. Поэтому надо преподать поэму, как сказку, но в том смысле, что, как и в сказке, важно не что происходит, но более сам герой (герои). Возьмем хотя бы чудаков-правдоискателей, которые заспорили настолько азартно, что бросили свои дома и дела и пошли выяснять, кто из них прав. Это прямо-таки лесковский сюжет. Вот это и есть Россия, и только Россия! Образ правдоискателей – камертон. По нему можно настроиться, чтобы выбрать из гигантской эпопеи несколько главных образов. Только так можно объять необъятное.

Подведем итоги. В программу включаются стихотворения, знакомые всем с детства: «Тройка», «Несжатая полоса», «Размышления у парадного подъезда», «Крестьянские дети», «Песня о труде», «Школьник», «Форма», «Русь», поэма «Кому на Руси жить хорошо».

Ф. И. Тютчев

Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство —
И как, спрошу, далось нам это,
Так ни с того и ни с сего?..

Гляжу тревожными глазами
На этот блеск, на этот свет.
Не издеваются ль над нами?
Откуда нам такой привет?
***
Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре

Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?
***
Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя
Грохочет в небе голубом.
***
Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера…

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все – простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

ПОЭЗИЯ
Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам —
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре —
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.

Сравнение стихов Баратынского и Тютчева позволит лучше оценить стиль Тютчева. «Его стихи обладают чувством весны, молодым, добрым и веселым. Они короче и живее стихов Баратынского, которые довольно тяжелые» (И. Аксаков).

Баратынский:	**Тютчев:**
Весна, весна! Как воздух чист, Как ясен небосклон. Своей лазурию живой Слепит мне очи он...	Еще в полях белеет снег, А воды уж весной шумят — Бегут и будят сонный брег, Бегут и блещут и гласят —
Шумят ручьи! блестят ручьи! Взревев, река несет На торжествующем хребте Поднятый ею лед!..	Они гласят во все концы: «Весна идет! Весна идет! Мы молодой весны гонцы, Она нас выслала вперед!»
Под солнце самое взвился И в яркой вышине Незримый жавронок поет Заздравный гимн весне.	Весна идет, весна идет! И тихих, теплых майских дней Румяный, светлый хоровод **Толпится весело за ней!**
Что с нею, что с моей душой? С ручьем она ручей, И с птичкой птичка! С ним журчит, Летает в небе с ней.	

Учитель на первом уроке показывает портрет Тютчева и спрашивает: «Кто этот человек со столь выразительным лицом – царь, полководец, ученый, философ, музыкант, артист, писатель? Вы угадали, он – поэт, и не просто поэт – он аристократ.

Вот как описывает И. Аксаков лицо Тютчева: «Это не было только человеческое лицо, а какое-то неуловимое, невольно поражающее каждого, сочетание линий и штрихов, в которых жил великий дух гения и которые как бы светились нечеловеческой духовной красотой… глаза, задумчивые и печальные, смотрели сквозь стекла очков загадочно, как бы что-то прозревая впереди».

Тютчевым всю жизнь владели две страсти – политика (наблюдательная) и поэзия (творительная). По историческим и политическим убеждениям он был на голову выше современников: и славянофилов, и «западников».

«Тютчев, хотя и жадно воспринимал в себя сокровища западного знания, но не только без благоговения и подобострастия, а с полной свободой и независимостью» (И. Аксаков).

«Тютчев пришел [в Германию] из отсталой страны, но это не препятствовало ему ценить и понимать прогресс, который совершался на Западе, который указывал ему, каков будет

завтрашний день России… Ход истории внушал, что новая цивилизация уже становится для России той же актуальностью, что и для Запада».[10] (Н. Берковский).

К суждению Берковского можно добавить, что поэт видел историческую тенденцию. Но реальность состояла в том, что «завтрашний день России» наступил только в конце XX в. Тютчев своей поэзией и публицистикой обращается к нам: не вычленяйте Россию из мировой цивилизации, гордитесь своей верой в прогресс и усилиями по достижению того, что на Западе было актуальным сто лет назад. Высокий долг школы – воспитывать детей в этом тютчевском духе.

Обратимся к учебникам. Как правило, в них даются подробные литературоведческие сведения. Например, в пособии, изданным МГУ в 2001 г., читаем: «…тютчевские “фрагменты” тяготеют друг к другу, образуя своеобразный лирический дневник, изобилующий лакунами, но “скрепленный” целым рядом устойчивых мотивов, которые, разумеется, варьируются, трансформируются в различных контекстах…» Далее идет перечень мотивов с комментариями: Человек на краю бездны, Катастрофа, борьба, гибель, Тайна и интуиция, Ночь и день, Одиночество, Природа, Земля и небо, Воспоминание, Любовь». Скучно. Эта лингвистическая инвентаризация, уводит ученика от понимания сути и от восхищения тоже.

На мой взгляд, суть достаточно пояснить всего тремя особенностями.

1. Тютчев мыслил образами так, что у него мысль и образ неразделимы («Фонтан»).

2. В стихотворениях схвачен самый существенный признак явления: «Теперь уж пусто все, – простор везде, / Лишь паутины тонкий волос / Блестит на праздной борозде»; «Тени сизые смесились» и т. п.

3. Непревзойденная точность и меткость качественных выражений и эпитетов, что Пушкин ценил превыше всего (радуга «изнемогла», гроза «смутит небесную лазурь»). Если у школьника они останутся в памяти, то это уже на 5 с плюсом. Остальное – лишнее.

Сравните:

Лермонтов «Мцыри»:	**Тютчев «Песок сыпучий по колени…»:**
И миллионом черных глаз Смотрела ночи темнота Сквозь ветки каждого куста.	Черней и чаще бор глубокий — Какие грустные места! Ночь хмурая, как зверь стоокий, Глядит из каждого куста!

Что касается стихотворной техники поэта, то стоит ограничиться показом метрики, ритмики и фоники. Размер – пятистопный ямб (аБаБ). Последние два стиха выделены перебоем: удлиненный Я6 и укороченный заключительный Я4. Перебои чрезвычайно выразительны. Такой минимум стихотворной техники вполне усвояем. Учителю легко пояснить, что стихам Тютчева присуще изящество формы. А если стихотворение проникнуто мыслью так, как это умел поэт, то и консервативный ямб не стареет. И поэзия Тютчева не стареет.

Еще любопытный момент. Тютчев бы не был самим собой, если бы не мог сказать сначала так:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык…

И мы ему верим. А потом – так:

Природа – сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

И мы ему тоже верим!

«Продвинутым» ученикам можно предложить задания, рекомендованные в одном из пособий, изданных МГУ:

• сопоставьте «Вечер» Жуковского и «Тени сизые смесились»;

• сравните «Невыразимое» Жуковского и «Silentium»;

• составьте метрические схемы стихотворений «Silentium» и «Последняя любовь».

В программу включим стихотворения по выбору учителя.

А. Н. Островский

«Мнение, что Островский хорош, где традиционно рисует купцов-самодуров и их загнанных жертв, сделалось общим».

Вестник Европы, 1869 г.

«…дать положительное силы таланта не имел,

холоден, растянут (повести в ролях) и недостаточно весел, или лучше сказать, комичен, смехом не владеет. Островскому форма не удалась. Островский, хоть и огромное явление, но сравнительно с Гоголем это явление довольно маленькое… он мало сказал».

Ф. М. Достоевский

Пьесы Островского архаичны, даже дремучи, и в них почти нет «положительного». Темное царство, изображенное Островским, расположено ближе к Азии, чем к центру России и тем более бесконечно далеко от Европы. После знакомства с пьесами остается впечатление, что просвещение еще не дошло до «темного царства» и, может быть, не дойдет вовсе. Его обитатели и не нуждаются в нем. Они копошатся на земле и не смотрят ни в Даль, ни в Небеса.

Поэтому, а также из-за перегрузки программы, предлагаю творчество Островского не изучать.

Ф. М. Достоевский

«Менее подходящего к детскому возрасту писателя не существует».

Из доклада в Министерстве народного просвещения, 1885 г.

«Тот, кто случайно заронил мысль об убийстве старухи, только придал выражение чему-то тайному, дремавшему в нем. Раскольников, волшебник самоуединенности, и заклятием воли выкликает колдовской мир безумия».

Вяч. Иванов, 1932 г.

Великий писатель Ф. М. Достоевский – один из самых читаемых и самых цитируемых в мире. Его произведения, казалось бы, надо учить в школе. Но поскольку в них он «заглядывал в бездны человеческого духа» и поднимал «проклятые вопросы», то есть сомнения на этот счет.

Для меня, почитателя Достоевского, долго не хватало одного момента, а именно отношения его к просвещению. Когда нашел его, то обрадовался: «Что несем мы из Европы? Пред чем народ должен бы был преклоняться? Нет, отнюдь не нравственные начала… а во-первых и главное, – *образованность, расширение*

горизонта, умножившееся и усиленное пониманием своей идеи через сопоставление с западноевропейским миром…». Здесь Достоевский и Тютчев – единомышленники. Это есть довод в пользу изучения. Однако проблема остается. Ее понимали еще в царское время. В Ученом комитете при Министерстве просвещения в 1885 г. рассматривался вопрос, какие рассказы допустить в школьные библиотеки: «Столетняя», «Мужик Марей» и «Мальчик у Христа на елке». Первые два были разрешены, так как в них в порядке «счастливого исключения не очерчивается мир страданий, порожденных особого рода развратом и преступными деяниями целой среды, в которой действуют надорванные люди, будущие преступники».[11] Рассказ «Мальчик у Христа на елке» был запрещен. Не могло быть и речи о включении «Преступления и наказания» в детские библиотеки. Кстати, Достоевский считал, что «Отверженные» Гюго выше «Преступления и наказания». Над этим стоит подумать. Во всяком случае, для молодых людей «Отверженные» Гюго – более подходящая книга. Эти факты усилили мои сомнения в целесообразности изучения Достоевского. К тому же могу добавить следующее. Мое поколение читало Достоевского, и часто запойно, только в 20–25 лет. Достоевский привлекал нас как автор психологического детектива с мастерски закрученным сюжетом (так воспринимают его творчество большинство читателей, особенно на Западе). Но мы, в основном по молодости, не обращали внимания на суть – проповедь превосходства смирения и страдания над другими не менее важными ценностями. Наконец, мы, как и современные школьники, были не способны понять и принять доминанту: ближайший путь к Богу (Христу) должен проходить через грех и страдание. Именно в такой последовательности. Это – слишком мрачное христианство.

Подведем итоги. Проблему изучения Достоевского могут решить совместно психологи и педагоги. Я считаю, что с его творчеством надо знакомить в обзорном порядке.

Л. Н. Толстой

Современников и людей XX в. поражала внешность писателя. И на учеников она произведет впечатление. Ученик интуитивно следует поговорке, что Бог дает человеку лицо и никогда не ошибается. Урок можно начать с показа двух-трех портретов и привести цитату из книги «Мир Леонардо», в которой об известном автопортрете Леонардо да Винчи сказано: «Это огромная изборожденная морщинами гора лица с благородными бровями, властными, похожими на пещеры глазами и струящимся

потоком бороды предвосхищает лица великих людей XIX в… Дарвина, Толстого, Уолта Уитмена. Время, вечно ставящее спектакль человеческого страдания, вознесло их на недосягаемую высоту». Очевидно, научить детей почитать и восхищаться великими есть одна из важнейших задач школы.

Напомню, как блестяще В. Набоков однажды начал лекцию студентам о творчестве Толстого. Он выключил свет в аудитории, прошел к окнам, сопровождаемый изумленными взглядами, и опустил шторы. Стало темно. Потом он провозгласил: «На небосводе русской литературы – это Пушкин!» и включил одну лампу. «Это Гоголь!», и включил другую лампу… Наконец открыл штору на центральном окне. В аудиторию ворвался широкий луч солнечного света. «А это – Толстой!»

Роман «Война и мир» и в советские годы был труден для восприятия школьника. Теперь, когда время Толстого кажется бесконечно далеким, а Россию затопил вульгарный материализм, может показаться, что изучение романа – такая же безнадежная затея, как учить детей теории относительности. Это ошибочное суждение. Во введении было показано, что такую «махину», как «Война и мир», можно с успехом преподать детям. Для этого нужны три условия. Первое – уметь рассказывать просто о сложном. Второе – желание поделиться с учениками своей радостью от восприятия романа, от восхищения стилем («яркость, свежесть деталей, сочные, живописные мазки для передачи естества жизни» – В. Набоков). Третье – поняв, что объять необъятное невозможно, опустить все второстепенное и сомнительное: образы Наполеона, Кутузова, Каратаева, духовные поиски Безухова и т. д. Однако согласитесь, Читатель, что заблуждения великих писателей интересней, чем откровения заурядных (но интересней для взрослого). **Спасибо Толстому за его прозрения и за заблуждения тоже.**

Заключительный урок я бы закончил такими словами:

1. Роман – в основном история дворянской элиты.

2. В нем есть русский дух и показано здоровье нации.

3. Образы героев (кн. Андрей, Безухов, Наташа) отличаются непревзойденной ясностью и определенностью.

4. Как дорогая редкость есть тема семьи.

5. С большой художественной убедительностью показана логика человеческой жизни: происхождение → задатки → воспитание → характер → идеалы, стремления → поступки → судьба. Причем герои, живущие неправедно, в конце концов уходят в небытие как несущественные эпизоды.

6. И, наконец, друзья мои, запишите два суждения, одно попроще, другое посложнее.

• Пушкин своим творчеством освещал жизнь, Толстой учил, Достоевский предостерегал, Блок ужасал грядущим.

• Одна из замечательных особенностей романа состоит в том, как отметил В. Набоков, что время, в котором живут герои, соответствует времени, в котором находится и следит за событиями читатель, как если бы он был очевидцем. Часы писателя и читателя синхронны. Такой же эффект наблюдается при чтении «Ивана Денисовича». Это вам пища для размышлений на будущее.

•…Мы ознакомились с великим романом Л. Н. Толстого «Война и мир», к которому, надеюсь, вы, отличники и троечники, будете иногда возвращаться в зрелом возрасте. Помяните мое слово. (А про себя бы подумал, довольный уроком: «Ай да я, ай да молодец!»)

Подведем итоги. В программе остаются «Война и мир» и «После бала».

Желательно, чтобы учитель в заключение упомянул, что Толстой создал еще одно вечное произведение – роман «Анна Каренина», а также был неортодоксальным проповедником христианства.

А я, будь на месте учителя, рекомендовал бы еще моим молодым друзьям найти в Интернете первоисточники по истории толстовских крестьянских коммун. Найдите и Вы, Читатель, не пожалеете.

А. П. Чехов

«Никто не знает настоящей правды».

«Дуэль»

«Ничего не разобрать на этом свете».

«Огни»

«У меня много этого – сквозь слезы».

А. П. Чехов

И душой овладевает
Одинокая печаль,
Безнадежная тревога
О потерянной навек
Жизни, что из дланей Бога
Получает человек.

Эти строчки Г. Иванова приходят на ум, когда читаю Чехова.

«Чехов – гениальный автор хмурых безыдейных, беспринципных людей, таковых, какими они существуют без малейшей фальши резца».

Н. Гарин-Михайловский

«…истинный и несравненный художник жизни, так как уничтожил грань между прозой и поэтической стороной жизни».

Л. Толстой

«Никто кроме Чехова не заглянул так глубоко именно в психику, порождающую эту практическую несостоятельность и беспомощность, бессилие героев перед жизнью»; «Певец сумрачных настроений».

Современники Чехова

«Пишет брюзгливо, старчески, от его рассказов садится в мозг пыль и плесень».

Савва Морозов

Удивительно, насколько Чехов с его жизнелюбием и страстью к благотворительной деятельности отличался от персонажей своих произведений. Только глупец может утверждать, что писатель и его книга едины. Судите сами. Чехов построил вблизи Москвы школы для крестьянских детей, одну в Ялте, добился строительства клиники в Москве, посылал в сахалинские школы книги, работал земским врачом, обслуживая 25 деревень и т. д. и т. д. Биография писателя производит впечатление. Читайте воспоминания о нем Бунина и Горького.

Среда, в которой обитали «недостроенные» персонажи Чехова, позволяла жить без труда в поте лица своего и без труда души. Опасностью для человека был он сам – немотивированный, бесхарактерный, хмурый, «вечный студент», не знающий «правды». Он живет по инерции, как живется, а если не получается, то умирает, как дядя Ваня, стреляется, как Иванов, бежит от себя, как Раневская, сходит с ума, как Рагин.

Мир героев Чехова – мир заторможенных мещан из провинции, где время остановилось. Нет войн, нет социальных

проблем, нет раскаляющейся предреволюционной обстановки. Это типы с холодной лягушачьей кровью, обобщенный образ человеческого болота с его болотной эстетикой. В учебниках убогость чеховских персонажей объясняется реализмом писателя, т. е. социальными причинами. Что видел, то и описывал. Это – полуправда. Правда в том, что у него был избирательный взгляд, сфокусированный на нелепости окружающей его действительности.

Я представляю эстета, знатока Чехова, для которого важно «не что, а как», сидящего в старинном вольтеровском кресле с книгой и стаканом холодного чая. Он перелистывает страницы, улыбается мудрой улыбкой потерявшего иллюзии молодости человека, вдыхает и говорит сам себе: «Да… все мы немножко ионычи, беликовы, рагины… Ничего не поделаешь. Зато как поэтично написано, с каким подтекстом, с каким спокойным юмором».

Меня задевают два момента. Во-первых, я не нашел в мировой литературе такого поэтического изображения деградации. Здесь есть что-то болезненное. Выходит, что только русская литература такая ущербная? Более того, досадна популярность чеховских новелл. Во-вторых, правильно ли в школе изучать произведения ради чисто художественных достоинств и не брать в расчет их идейное содержание? В данном случае ощущение печального декаданса. Юноша полон сил. Он видит жизнь клокочущую, яркую, динамичную, которая может принести и радость, и горе. Он хочет радости, и чеховские недотепы бесконечно далеки от него. Вводить юношу в их мир – что лить холодную воду на голову.

Пьесы Чехова – иное дело. Если читать пьесы, то можно согласиться с Толстым, который не принимал их. Но если смотреть представление в театре, то происходит чудо. Они – раздолье для режиссеров и актеров, театральный фристайл. Персонажи оживают. Им сочувствуешь, стараешься понять, печалишься и посмеиваешься. Именно в зрительном и звуковом восприятии проявляется человеческая сущность и именно в «интеллигентном», сдержанном и очищенном от случайностей виде. Плюс еще прекрасные декорации и звук топора, вырубающего вишневый сад. И перед вами – поэтический и грустный образ уходящего времени. Склонность к ностальгии о прошлом у нас, вероятно, вечна. Итак, Чехов – это театр и только театр.

В программу включаем «Степь» как цельное произведение, анализировать которое, выделяя идейное содержание, художественные особенности и т. д., бессмысленно.

Предлагаемый мной критерий АВС здесь не работает. Надо учить детей читать и просто наслаждаться великолепной прозой. Включаем также «Вишневый сад» в надежде, что ученики посмотрят пьесу в театре.

И. А. Бунин

Сказанное ниже не есть оценка творчества Бунина вообще, а исключительно под углом зрения школьного образования.

Чтобы представить себе особенности творчества Бунина, послушаем крестьянского писателя И. Вольнова. Его слова записал Горький.

> *1. Замечательный писатель! Вот бы эдак-то научиться! – вздыхал он и, закрыв глаза, встряхивая шапкой спутанных волос, читал на память, точно стихи: «О, какая тоска была на этой пустынной, бесконечной дороге, в этой мертвой деревне, молча стоявшей на краю ее, в этих бледных равнинах за нею, в этих жнивьях и копнах на их просторе, в этот синий степной вечер, молчаливый, как могила!»…Золотое перо.*
>
> *2. Написал «Суходол», пропел панихиду дворянству, опомнился – «Деревню» написал. Вышло так: мы, дворяне, плохи, ну, а вы – еще хуже… Он, конечно, считает мужиков неизлечимыми уродами. Мы для него Азия, на четвереньках живем. Попробовал бы, помог мужику встать на задние ноги!*
>
> *3. Он вышивает золотом по черному.*

Историческая справка

Для классиков XIX в. мир крестьянства был – Terra incognita. Некрасов – особый случай. Тургенев только коснулся темы. Умильная народническая литература не в счет. Г. Успенский – исключение из этого правила. Чехов («Мужики», «В овраге», «Новая дача»), Бунин («Деревня») изобразили мужиков (народ) «уродами». В «Окаянных днях» революция показана как бунт черни, которая изображена на физиологически отвратительном уровне. Булгаковский взгляд на революцию не столь откровенен, но по существу близок к видению Бунина («Белая гвардия»). К слову сказать, Бальзак и Золя показали крестьян в еще более мрачном свете. Но там иное дело. У них не было вины крепостников.

Обличительный пафос русских писателей объяснялся

принципиальным непониманием психологии крестьян. Только Успенский показал, что тяжелый труд, жизнь среди природы и борьба с ней один на один, вынуждали крестьян принимать ее законы, что мужицкая мораль в принципе далека от дворянской. С другой стороны, и крестьяне не понимали образ жизни и культуру имущих. Их неприязнь, перешедшую в ненависть, описал И. Вольнов. Она сполна проявилась во время революций 1905 и 1917 гг. В Европе «антикрестьянские» книги Бальзака и Золя прочли и вопрос «закрыли». Но в России эта тема имела литературное и политическое продолжение. Шолохов описал «укрощение» крестьян в «Поднятой целине». У Пастернака в «Докторе Живаго» мужики дремучи, злобны и косноязычны. Мужикоборец Сталин считал крестьянство косной стихией, тормозящей индустриализацию СССР, и имел на это собственные резоны. Возможно, что он читал Бунина и Золя и укрепился в своем мужикоборстве. В итоге была допущена величайшая несправедливость. Крестьянство признали главным виновником отсталости России и подвергли сталинским репрессиям.

Сказанное прямо относится к проблеме ответственности писателя перед народом. У большого художника И. Бунина ее не хватало. Он был «слишком» дворянин. Этот момент должен быть ясно и тактично отражен в новом учебнике.

Вернемся к программе. В ней есть «Господин из Сан-Франциско» и «Чистый понедельник». На ученика первая повесть производит тяжелое впечатление. Ощущение катастрофы постепенно нагнетается. И делается это мастерски на уровне видений, запахов, звуков и т. д. Рассказ исключительно «чувственный», а не интеллектуальный. Автор хладнокровен и подробен в деталях. Ученик тоже хладнокровен и не способен сопереживать или осуждать героя. За что? За то, что он богат и примитивен? Этого недостаточно. Поэтому ученику неинтересно, что будет дальше. Дальше – смерть. Гроб везут обратно, откуда приехал его обиталец. Гробовая эстетика. Жалко не господина, а ученика. Поставим жирный крест на этой вещи.

Остается «Чистый понедельник» – светлая повесть. Может быть, учитель, поклонник Бунина, добавит еще что-нибудь из серии произведений о любви. Оставим за ним это право.

Приложение 2. Проза XX в. Обоснование выбора изучаемых произведений

1. Введение. Литература – как часть «СССРоведения».
2. Историческая справка – возникновение и развитие СССР.
3. Обзор советской, диссидентской и постсоветской литератур.
4. Произведения советского периода, включенные в табл. 1 и методические замечания к ним.

1. Введение. Литература – как часть «СССРоведения»

Уровень исторических знаний среднестатистического человека низок. Это видно из обсуждений истории России в СМИ, в Интернете, быту и т. д. Показательным является поляризация мнений, как, например: революция – это великая смута или начало модернизации страны; Сталин – великий вождь или кровавый диктатор; СССР – великая держава или тоталитарное государство; распад СССР – дело рук ЦРУ или банкротство коммунизма и т. д.

Как говорили в старые времена, «Сон разума рождает чудовищ». Крайности мнений «отцов» вызывают у «детей» смятение умов и нигилизм, который демонстративно проявляется в виде вопроса к взрослым: «А что у нас было в истории хорошего?».

До тех пор пока общественная мысль не выработает единого (в общих чертах!) взгляда на историю страны (это проблема не знания, а психологии, она вполне решаема), то человеку мыслящему приходится доходить до истины самому. Изучая историю, он сопоставляет ее с художественной литературой, а читая последнюю, выискивает ней историческую правду. Только в этом случае можно получить адекватное представление об истории. С другой стороны, литературу XX в. не понять, не зная истории. Поэтому ниже дана краткая историческая справка. Она позволит отобрать лучшие книги для школьной программы.

Но прежде решим вопрос, надо ли вообще изучать советскую литературу? Если судить по тому, что из программ последних лет изъяли ряд произведений («Как закалялась сталь» и др.), то нет. Вероятно, в Министерстве образования плоские «либералы» прислушались к агрессивным «либералам», кто оценил роман Островского, например, так: «В первой части романа пафос “волчий”, разрушительный, во второй – “песий”, охранительный.

Маргинальная “волчья стая превратилась в новую правящую элиту (комсомол)”»[12] и т. п. Комментарии излишни.

Изучать нужно. Иначе выпускник школы будет недоучкой во многих отношениях. В частности, он не осознает, что построение СССР было экспериментом мирового значения и что в этом эксперименте сочеталось «самое лучшее и самое худшее». Есть еще один довод «за». Современный юноша в силу малого опыта воспринимает не позитив – свободу и демократию, а беспринципность, власть денег, страсть к обогащению и т. д. К такому видению его подталкивают брюзжание старших, СМИ и т. д. Обязанность школы – дать представление о других ценностях, существовавших при советской власти: идеализм, бескорыстие, коллективизм и т. п. Эти добродетели культивировала советская литература. Школьник, обдумывая прошлое и увиденное вокруг себя, постарается выработать свои жизненные установки. Будем надеяться на юношескую чистоту и чувство справедливости.

2. Возникновение и развитие СССР. Историческая справка (In (ad) usum delphini[13])

2.1. Предреволюционная обстановка. Состояние умов

Народ

«Народ был ограничен от культуры не только убожеством своих хозяйственных норм, но сверх того стремлением властей по корыстно-династическим соображениям держать народ в темноте» [38]. Именно примитив хозяйствования в России косвенным образом повлиял на возникновение гражданской войны. Дело в том, что при общей высокой культуре в обществе возможен социальный договор, а при ее отсутствии дело кончается кровью. Так случилось в России в 1917 г., но так не случилось в это же время в Германии.

В конце XIX в. в России начался дикий капитализм и, как следствие, раскрестьянивание в деревне и сверхэксплуатация рабочих в городе. Тяжелое положение крестьян усилило их традиционную неприязнь к помещикам, в их понимании – привилегированным паразитам. В 1905–1906 гг. по стране прокатилась волна бунтов и погромов дворянских усадьб. Война 1914 г. и последующая разруха накалили обстановку донельзя. Достаточно было искры, чтобы народ восстал. Подожгли революционеры. Так началась самая массовая и жестокая

гражданская война в Европе.

Буржуазия

Слабая и разрозненная русская буржуазия не была способна на социальный договор (с участием низов) с властями. Поэтому произошло то, что произошло, – гражданская война.

Власть

Если сопоставить воспоминания или дневники участников событий, причем разных по убеждениям и социальному происхождению, то вырисовывается картина системной деградации монархии, начиная с верхов. Великие князья относились к своим военным и гражданским ведомствам как своим вотчинам и были неподсудны. Показательный момент – поражение в войне с Японией (Цусима, Мукден, Порт-Артур). Читайте воспоминания генерала Игнатьева, инженера-путейца Гарина-Михайловского, дневники Николая II и др.). Великий князь, адмирал флота, виновник цусимской бойни жил большей частью в Париже. Он и знать не хотел, что японский флот намного превосходит по тактико-техническим характеристикам российский, что большинство старших офицеров имели «парусную» психологию, что вооружение кораблей было устаревшим, эскадра состояла из всего четырех крейсеров, остальные – «самотопы» и одна яхта! Отправка небоеспособной эскадры за тридевять земель была преступлением. Наконец, он не понял, что в его положении лучший выход – застрелиться.

В войне 1914 г. ситуация повторилась. Германия и Франция воевали в основном артиллерией, а Россия по старинке – пехотой и опять проиграла войну. Вот признаки деградации власти:

• беспомощность в проведении реформ, в частности главной – земельной;

• разложение элиты;

• упадок двора;

• фактор Распутина;

• неслыханная жестокость подавления мирных демонстраций (кровавое воскресенье и т. п.);

• неавторитетность царя;

• недальновидность во внешней политике и война 1914 г. Когда наступил кризис монархии, упавший трехцветный флаг было некому поднять.

Психология большевиков – ключевой момент понимания феномена СССР.

Революцию готовили в основном интеллигенты (будем пользоваться этим социальным, а не этическим определением). В силу исключения их из трудового процесса и политической отсталости общества конструктива в их головах было мало. Ближайшей целью стало уничтожить монархию, а дальше, если удастся, устроить мировую революцию, остальное – в тумане. Ради этой идеи они шли на борьбу с царизмом и не боялись тюрьмы, ссылки в Сибирь и смерти. К моменту начала революции они были сплочены подпольной борьбой и закалены репрессиями. Заметим, в этой среде было немало образованных, думающих и великодушных людей. Среди различных партий выделилась большевики как самые организованные. «Их вождь Ленин, был величайшим политиком с громадной волей и гениальным даром упрощения. В душе его жило что-то древнерусское от Стеньки Разина и протопопа Аввакума» [38]. Это суждение Степуна весит больше многих томов истории. Логично, что большевики захватили власть в октябре 1917 г. Ленин пообещал «Землю крестьянам», «Фабрики рабочим», «Власть Советам». Народ его услышал, только его.

2.2. Гражданская война

Россия разделилась на «красных» и «белых». Началась гражданская война. Убежденности в своей правоте было больше у «красных». Они верили ленинским обещаниям и в то, что «кто был никем, тот станет всем», и поэтому победили.

2.3. СССР – тоталитарное государство

Откажемся от хронологии и обратимся к впечатлениям об СССР конца 1930 г. французского писателя А. Жида, кто сразу после революции приветствовал новую Россию: «СССР был для нас избранной страной – примером и руководством для подражания». После путешествия и встреч с людьми он увидел страну контрастов и сформулировал это так: в СССР создано «самое лучшее и самое худшее». Символами такого дуализма являются роскошный пионерлагерь «Артек» и лагеря уничтожения ГУЛАГ.

Самое лучшее А. Жид увидел таким: бесплатные школы, вузы

и университеты, больницы, санатории, детские и молодежные спортлагеря, парки и дома культуры, на пустом месте построенные заводы, фабрики, электростанции, всеобщая занятость и т. д. Жизнерадостность (при низком уровне жизни) и вера в лучшее будущее, особенно городской молодежи: образовательный бум (при низком уровне культуры); стахановское движение (при малой производительности труда); награждение трудящихся орденами и медалями; чувство патриотизма и гордости за страну (при незнании западных достижений).

Самое худшее (мой пересказ).

Власть. На вершине вождь и учитель – Сталин, под ним ЦК КПСС, ниже – правительство, на местах – парткомы, руководящие массами. А. Жид назвал вещи своими именами – «поклонение и безмерный культ» личности Сталина. В пирамиду власти встроены система политвоспитания, а также система принуждения – КГБ (следователи, доносчики, судьи, тюрьмы, лагеря с вооруженной охраной и палачами). Система лагерей выполняла две функции: очистка общества от инакомыслящих и обеспечение страны даровой рабочей силой при добыче леса, угля и т. д.

К «самому худшему» и непонятному для европейца писатель отнес проект гигантского Дворца Советов высотой 415 м, который собирались воздвигнуть на месте взорванного храма Христа Спасителя. «Вот это да! Нет хлеба, но будет зато, чем гордиться».

К сожалению, до сих пор нет официальных данных, согласованных с правозащитниками, о числе невинно репрессированных. Вероятно, их – многие миллионы. Отсутствие таких сведений есть, по-моему, признак общественного малодушия. По этому приходится вырабатывать свою версию оценки масштабов репрессий. Я, например, исхожу из того, что из моих близких родственников (примерно 20 человек), четверо было сослано в Сибирь. Один вернулся, трое погибли. Они были самыми обычными людьми.

Порабощенность сознания. Власть насаждала государственную философию и социологию – марксизм-ленинизм. Марксизм-ленинизм давал донельзя упрощенную картину мира, диалектически обосновывая классовую борьбу. Представьте себе, Читатель, как рабочий, бывший красноармеец или малограмотный мужик, поступив на рабфак, изучает Гегеля. Таким учащимся был мой отец, и он с трудом получал тройки. И все же в малокультурной стране это было началом просвещения.

Преподавание марксизма-ленинизма велось во всех учебных заведениях. В научных и производственных коллективах работали кружки политграмоты. Другие идеологии и религии запрещались под угрозой репрессий. За каждым гражданином следил «старший брат». Его ушами были доносчики, внедренные во все производственные, учебные, культурные и прочие коллективы. Поверь мне, молодой читатель! «Органы», т. е. сотрудники КГБ, выслеживали и репрессировали «социально опасных», недобитых белых, эсеров, «буржуев», кулаков и т. д. Красный террор продолжался до начала войны 1941 г. и достиг пика в 1937–1938 гг. (слушай воспоминания 80–90-летних стариков, читай Солженицына и массу других свидетельств).

Отступление

Дьявол кроется в мелочах. Вот они.

• К моим знакомым пришли с обыском. Искали стихи Есенина – кто-то «настучал» (слово «донос» не употреблялось). Есенин был запрещен как мелкобуржуазный крестьянский поэт.

• Мой отец в целях конспирации поместил Евангелие в обложку от технического справочника, чтобы так хранить книгу дома.

• Еще случай. После войны он, работая в цеху по производству радиоламп, вывел формулу для расчета брака. Она случайно оказалась похожей на формулу горения пороха. «Органы» усмотрели в этом насмешку над советским производством. Отца посадили в психушку. Обошлось – там попались хорошие люди.

• Наша родственница, по профессии селекционер, во времена борьбы с вейсманистами-морганистами тайно читала и потом прятала запрещенную монографию по генетике, нужную ей для работы.

Таких «счастливо» окончившихся случаев на моей памяти много. Когда я рассказываю про них моим детям и внукам, то недоуменно улыбаюсь. Неужели такое могло быть? Но когда вспоминаю, что погибли мои близкие, смотрю на их фотографии или читаю о миллионах репрессированных, то представляю себе как Ежов, Ягода, Абакумов, Берия и их подручные лижут раскаленные сковороды в преисподней вместе со Сталиным. Не по-христиански это, но что поделаешь.

Экономика

Тоталитарное государство, каким в чистом виде был СССР, управляло всем: политикой, идеологией, культурой, образованием, воспитанием граждан и т. д. и, конечно, экономикой. На первом этапе, в 1920–1940-х годах были достигнуты ошеломляющие успехи. Лапотная Россия превратилась в индустриальное мощное государство.

2.4. Война 1941–1945 гг

В учебниках война описана как череда крупных событий: отступлений, наступлений, сражений и т. д., наконец, Победы. А что чувствовали люди во время войны, во что верили, как умирали и побеждали, можно представить, читая художественную литературу, а именно «лейтенантскую» или «окопную» прозу (см. табл. 1 – Бондарев, Быков, Бакланов и др.).

2.5. Зрелый социализм

После войны 1941–1945 гг. и восстановления хозяйства наступил период так называемого зрелого социализма. Были достигнуты успехи в осуществлении больших государственных проектов: космическая техника, атомная энергетика, атомная и ядерная бомбы и т. д. Эти достижения вскружили властям головы, и было от чего: в мире теперь стало только две супердержавы – СССР и США. Началась холодная война и военно-техническая гонка. В то же время народу было обещано, что современное поколение будет жить при коммунизме. Дальше темпы роста упали, наступила стабилизация, а после нее – поражение в холодной войне, застой и деградация в экономике. Это – закон развития и упадка всех авторитарно управляемых систем: государств, партий, корпораций, предприятий и даже семей. Он также абсолютен, как закон сохранения энергии в физике. Только безнадежный маргинал в развале СССР видит козни Запада. Этот закон надо довести до сознания учеников, а заодно и родителей. Остальное – детали.

2.6. Преддемократия (хрущевская «оттепель», «застой»)

После смерти Сталина Н. Хрущев сделал разоблачительный доклад на XXII съезде партии о «культе личности». Не кто другой, а Хрущев – соратник Сталина! Здесь можно воскликнуть: «Удивительная страна Россия!» Наступила так называемая «оттепель». По-прежнему страной правил генсек, и вся система, в

том числе репрессивная, работала. Работать-то работала, но дала трещину. Одним из первых, кто вбил в эту трещину клин, был А. Солженицын, опубликовав рассказ «Один день Ивана Денисовича». Люди прочли и ужаснулись. Одни, прочитав правду про ГУЛАГ, другие – устыдились своему рабскому замалчиванию темы репрессий. Рассказ разбудил страну. Появился самиздат. По рукам стала ходить диссидентская литература, которую читали тайно интеллигенты, партийцы и офицеры-гэбисты.

Партийная верхушка «закрутила гайки». Хрущева заменили на Брежнева. Не помогло. Наступил так называемый застой, а точнее – беспомощность верхов, крах экономики – усиление коррупции, возникновение теневой экономики и черного рынка и т. д. Стало не хватать товаров. Магазины опустели. Были введены карточки на продукты питания, как во время войны. Эксперты прогнозировали, что экономическая катастрофа приведет к распаду СССР (академик В. П. Маслов). Так и случилось.

Больное государство всегда агрессивно. СССР вторгся в Венгрию и Чехословакию, позже начал преступную войну в Афганистане. Последняя запомнилось обывателям как появление на вокзалах и в метро солдат-инвалидов и прибытие из Афганистана цинковых гробов. А еще для застоя характерно появление меланхолических песенок под музыку Таривердиева, легких кинокомедий, дурашливо-талантливых мультфильмов для детей и взрослых, сладкой сатиры Райкина и политических анекдотов. Хиханьки и хаханьки были на поверхности, а в глубине сознания людей росло недовольство. Оно проникло и в партаппарат, на этой волне поднялся М. Горбачев и провозгласил перестройку.

2.7. Переход к демократии

Горбачев как генсек надеялся на реформы. Но события пошли дальше, произошла революция. По существу ее начал сам Горбачев, а закончил Ельцин. В этот период на подмостки истории поднялись Ж. и Р. Медведевы, генерал П. Григоренко, А. Марченко, А. Солженицын, авторы сборника «Хроника текущих событий» и многие достойные люди. Среди них своим благородством и светлым умом выделяется академик-ядерщик А. Сахаров. Потомки будут с благодарностью вспоминать борцов за свободу и демократию, а их недостатки и ошибки забудут. Обязанность школы именно так и преподавать историю. В частности, полезно познакомить учеников с выступлениями и статьями А. Сахарова [40].

Подведем итоги. Здесь можно закончить историческую справку, необходимую для понимания советской литературы, поскольку после 1990-х годов в ней не было создано ничего значительного. Наступила свобода, но писатели ее не заметили! И это мне досаднее, чем сырьевой характер экономики, коррупция и слабость российского футбола.

Итак, за время советской власти феодально-монархическая отсталая страна развилась так, что победила фашистскую Германию, а в конце XX в. оказалась способной строить демократическое государство. Это развитие осуществлялось методами политического, морального и экономического насилия. Оно привело к страданиям и смерти миллионов людей, в большинстве самых талантливых. Если бы в семнадцатом году победили «либералы», то на современный уровень развития Россия вышла бы лет на 50 позже. Конечно, людских потерь случилось бы на порядок меньше. Но обсуждать возможные варианты бессмысленно – победа большевиков была исторически сверхлогична. Также логично, что рычагом истории они выбрали насилие.

Теперь можно перейти к советской литературе.

3. Обзор произведений советского периода

По мнению В. Набокова, советская литература «примитивна, политизирована, провинциальна, чрезвычайно консервативна и трафаретна». Это профессиональный взгляд издалека. Но, если посмотреть вблизи, то среди гигантского количества книг, которые сейчас люди сдают за ненадобностью в библиотеки и выбрасывают на помойку, увидим небольшое количество произведений, оказавшихся выше уровня примитивности и провинциальности. Наша задача найти лучшие из них. Для этого рассмотрим в общих чертах особенности советской прозы на примерах. Сделаем это в хронологическом порядке и с прицелом на отбор книг для школьной программы.

3.1. Дореволюционная тематика

«Низы не хотели жить по-старому»

В романе Горького «Мать» впервые в русской литературе отражено возникновение самосознания рабочих. Рабочие (отчасти идеализированы) борются за свои права. Их мировосприятие – не мировой хаос и человек в нем не жертва, как изображалось в

декадентской дворянской литературе, а мир власти, охранки и фабрикантов, а человек – борец.

«Отрочество» И. Вольнова и сам Вольнов в воспоминаниях М. Горького.

Тургенев, Толстой, Григорович дали образы идеализированных патриархальных мужиков. Классики, внешние наблюдатели, мужика совершенно не знали. И. Вольнов – один из первых крестьянских писателей, знавший жизнь деревни изнутри. Он изобразил ее в то время, когда в России начался дикий капитализм и раскрестьянивание, и сделал это с подчеркнуто жестокой правдой так, как обычно говорят о «своем брате». Вольновские «мужики были способны из-за денег, из-за страха разорения стать собаками, которых науськивает толстая мошна на других хороших добрых людей…».

Современному школьнику полезно сопоставить крестьянскую жизнь на рубеже веков с таковой в советское время. Это можно сделать, познакомив школьников с «Отрочеством» Вольнова и с любым произведением Белова, Абрамова и др. Тогда школьник поймет, какие разительные изменения произошли за 70 лет советской власти, т. е. за время жизни одного поколения. Это как каменный век и железный.

В воспоминаниях Горького «И. Вольнов» образы и обобщения выходят за рамки частной жизни. Это делает книгу в определенном смысле художественным произведением и одновременно бесценным документом того времени. Вольнов – замечательная личность. Его жизнь изобиловала событиями: участие в крестьянских бунтах, ссылка в Сибирь, побег за границу, а после революции – участие в коллективизации. Он так описывает мужика: «В 1902 г. начал бунтовать и тотчас стал на колени перед губернатором… В 1905–1906 гг. разорял культурные дворянские гнезда, жег библиотеки, отрезал хвосты лошадям. Осудили деревню (Бунин, Чехов) без всякого снисхождения». Мечтой Вольнова (таких мечтателей была масса) было освободить мужика от ***«тяжелой власти земли и рабства природы»*** и вовлечь его в коллективный механизированный труд – колхоз. Это – красивая и выстраданная мечта. Кто бросит в него камень, обвиняя в последующих событиях, таких, как борьба с кулачеством и в конечном счете распад колхозного хозяйства?

Данные произведения можно рекомендовать для домашнего чтения и последующего разбора в классе.

3.2. Литература, посвященная революции

Одни восстали из подполий,
Из ссылок, фабрик, рудников,
Отравленные темной волей
И горьким дымом городов.
Другие из рядов военных,
Дворянских разоренных гнезд,
Где проводили на погост
Отцов и братьев убиенных.

М. Волошин

Про «одних» написали Островский, Фадеев, Фурманов… про «других» – Булгаков, Шмелев, про тех, кто попал «меж рядами», – Шолохов. Вероятно, нет нужды отходить от канона и для изучения предварительно выбрать «Как закалялась сталь», «Тихий Дон» и «Белую гвардию», «Чапаева», «Разгром», «Соленую Падь».

Отступление. К вопросу о Героях

Перечислим Героев (не персонажей – а именно Героев) в русской литературе: купец Калашников, Рахметов, Болконский, Корчагин, Чапаев, Мелехов, Мещеряков, Сотников, Костоглотов… Кто из них Герой-победитель? Раз, два и обчелся. У школьника создается представление, что Герой это – смертник, что по русской пословице «Против судеб нет защиты». Смерть Героя – избитый литературный прием. Герой-победитель – это было бы не так эффектно.

Воспитывать детей преимущественно на книгах с героями-смертниками или неудачниками значит сеять в их души пессимизм. Пристрастие к такому заниженному представлению о личности есть, увы, особенность русской литературы. Итак, согласитесь, Читатель, победители судьбы в литературе XX века это, в первую очередь, Мещеряков, Корчагин, Костоглотов. Соответствующим книгам в школьной программе надо отдать предпочтение.

3.3. Литература развитого социализма

«Человек за все в ответе»

Это – один из кодексов поведения советского человека. Он

должен был отвечать «**за все»**, особенно за соблюдение моральных норм во всех сферах жизни и, главное, в трудовых отношениях. Поэтому в советской литературе так много книг на тему «труд и нравственность». Этим она в лучшую сторону отличается от литературы XIX в., где темы труда не было вовсе. Рассмотрим примеры.

«Иду на грозу»

В романе Д. Гранина изображен мир физических исследований. Но прежде всего раскрыт конфликт между «настоящими» людьми и «ненастоящими» – карьеристами.

Настоящие – это академик Данкевич и молодой физик Крылов. На испытаниях по исследованию грозовых облаков гибнет экипаж самолета. Руководство проявляет осторожность и решает прекратить исследования. Случилось так, что Данкевич, уверенный в успехе работы, умирает. Крылов засомневался в правильности идеи исследований и выходит из «игры». Его коллега, Тулин, автор идеи, отказывается от борьбы за продолжение работ по карьерным соображениям. Он посчитал, что теперь ему ничего не «светит». Перспективная работа прекращается, так как некому поднять упавший флаг. Роман читается с интересом и вполне доступен старшекласснику.

Сравним «Иду на грозу» с романом «Эрроусмит» С. Льюиса. Заметим, что по существу роман Гранина есть римейк романа Льюиса. В последнем действуют аналогичные персонажи: ученый биолог Эрроусмит, рыцарь науки старый профессор Готлиб и карьерист (контрастный персонаж) Дьюрер.

Эрроусмит работает одержимо, преодолевает заблуждения, неудачи, бедность, изобретает бактериофаг и с блеском применяет его в борьбе с чумой. К нему приходит известность, заманчивые предложения и, наконец, деньги. Он знакомится с красивой богатой женщиной и, казалось, почему бы не «хэппи-энд?». Но нет! Вскоре великосветская жизнь опротивела Эрроусмиту. Он возвращается в маленькую лабораторию вдали от города и начинает новые исследования. Любимая женщина его оставляет и на прощанье говорит: «Ты отступил от здравого смысла. Я – нет. Я верю в ежедневную ванну. Прощай!» Блестящий конец!

Итак, пафос обоих произведений в том, что сильный духом способен реализовать свою мечту. Слабый, сомневающийся – не способен.

«Утоление жажды» Ю. Трифонова

Сюжет – строительство крупного водоканала. Начальник стройки Ермасов и начальник участка Карбаш находят перспективный, но более рискованный вариант прокладки, чем проектный. В конечном счете их затея удается. Ермасов, Карбаш – положительные герои. Они отдают стройке все – «душу, разум, сердце». Отрицательные герои (некоторые участники стойки) – эгоисты. Их интерес – личное благополучие. Пафос романа: *если нет дела, которое любишь, которое больше тебя, больше твоих радостей, твоих несчастий, тогда незачем жить.*

Несомненно, автору удались сцены коллективного труда и особенно победы над водной стихией. Роман Трифонова сейчас напоминает нам, что **коллективный созидательный труд есть общечеловеческая ценность.** Именно так его надо подать ученикам.

Интересно сопоставить роман Трифонова с американскими романами: «Живи с молнией» (У. Митчелл), «Охотники за микробами» (Поль де Крюи), «Эрроусмит». Пафос в обоих случаях близок. Однако есть большая разница. В романе Трифонова, как и во всех советских произведениях, воспевается коллективный труд, а в американских – индивидуальный, творческий.

Учитель, согласитесь, что здесь есть много интересных тем для сочинений.

Итак, для разбора на уроке можно предложить романы «Иду на грозу» (Д. Гранин), «Утоление жажды» (Ю. Трифонов) и «Три минуты молчания» (Г. Владимов).

3.4. Военная проза 1941–1945 гг. – лучшая русская литература XX в

«Родина-мать зовет!»

Эта тема – «святая» Я уверен, что составители школьной программы так ее и понимают. На тему Великой Отечественной войны есть масса прекрасных книг. Я предлагаю изучать «Круглянский мост» и «Сотников» В. Быкова, «Горячий снег» Ю. Бондарева, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова и «Пядь земли» Г. Бакланова (см. табл. 1). Здесь выбор широк, и учитель, может быть, сделает его лучше меня. Но согласитесь, Читатель, что на первом месте находятся книги Быкова.

3.5. Деревенская проза – прощание с деревней

Искусство делает, казалось бы, невозможное: воскрешает крестьянскую цивилизацию и не в жизни, а в наших переживаниях.

И. Шафаревич

Я полагаю, что педагоги любят книги В. Белова, Ф. Абрамова, В. Распутина и других писателей-«деревенщиков». Здесь выбор есть вопрос литературного вкуса, а не политических пристрастий. На мой вкус, надо изучать «Пелагею» Ф. Абрамова, «Прощание с Матерой» В. Распутина, «Обычное дело» В. Белова (два произведения по выбору). Книги для домашнего чтения пусть рекомендует учитель. Он лучше других знает душу школьника.

3.6. Диссидентская литература

Одно слово правды весь мир перевернет.

А. Солженицын

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград…
Звезды смерти стояли над нами
И безвинная корчилась Русь…

А. Ахматова

Соцреализм пропагандировал советский образ жизни и коммунистические идеалы и скрывал подавление инакомыслящих (ссылка, тюрьма, лагеря, расстрел). Диссидентская литература начиная с «хрущевской оттепели» показала правду о преступлениях сталинского режима и о героях, осмелившихся на сопротивление. Замечу, что теперь их последователями стали правозащитники. Замечу также, что писатель-диссидент был человеком большого мужества. Он знал, что его книги запретят и что как минимум ему грозит ссылка. Репрессиям подверглось около полусотни писателей. Часть была расстреляна.

О диссидентской литературе школьник должен иметь представление, а лучшие вещи – прочитать. В них есть правда не только политическая, но и человеческая, которой не найти в

учебниках.

Для домашнего чтения можно предложить «Последний бой майора Пугачева» В. Шаламова и фрагменты из «Архипелага ГУЛАГ».

4. Произведения, включенные в таблицу 1 (Горький, Островский, Шолохов, Булгаков, Быков, Солженицын и др.)

Обзор, данный в п. 3, позволил выбрать следующих авторов и их книги.

М. Горький

> *Он в своей суровой прозе подчеркнуто изобразил горькую правду современной русской жизни. И все же каждая его строчка дышала непобедимой верой в человека. Как ни странно, этот художник неприглядней ших сторон жизни, ее звериной жестокости был в то же время величайшим оптимистом русской литературы.*
>
> *В. Набоков*

Горький был первым крупным писателем, вышедшим из народа, т. е. вопреки «свинцовым мерзостям жизни». Поэтому в его творчестве есть свежесть, страсть, грубая правда, не замутненная печальным юмором. «Правда выше жалости!» В XIX в. так не смог сказать никто.

«На дне»

Пьеса прославила автора на весь мир. В этой великой драме показаны люди как они есть. Центральным моментом является обсуждение назначения человека на земле. На эту философскую тему рассуждают обитатели ночлежки, т. е., говоря современным языком, опустившиеся люди, бомжи. Это – парадокс, но только кажущийся. В нем есть российская правда.

Все персонажи и при чтении воспринимаются живыми, а не надуманными. В театре впечатление усиливается. Школьник понимает не все. Но пафос до него доходит. Остальное он отложит в долговременную память и, может быть, со временем осмыслит это остальное.

«Мать»

Роман был изъят из программы после событий 90-х годов. Это сделано по конъюнктурным соображениям в угоду «либерализму», а отчасти по недомыслию. Такая же судьба постигла роман Н. Островского. Из моего читательского опыта (не учебников, но мемуаров, воспоминаний таких авторитетных людей, как Короленко, Гарин-Михайловский, Г. Успенский, а также из устных рассказов стариков 1890–1900 гг. рождения, которых я застал в живых), следует, что роман историчен. Россия бурно капитализировалась со всеми протестными вытекающими. Дикий капитализм он и есть дикий, что в конце XIX в., что сейчас. И не надо придираться к недостаткам романа. Выделим достоинства:

• **впервые** в русской литературе изображено зарождение самоосознания низов, т. е. рабочих;

• **впервые** показано, как народ из страдательной категории попытался перейти в «творительную». Даны образы людей полноценных, а не несчастных и униженных, коими изобилует дворянская литература.

«Детство»

«Бабушка не плясала, а словно рассказывала что-то… и вдруг ее сорвало с места, закружило вихрем, вся она стала стройней, выше ростом, и уж нельзя было глаз оторвать от нее, так буйно красива и мила становилась…»

«– А русские хорошие?

– Со всячинкой… Скорлупы у нас много; взглянешь – человек, а узнаешь – скорлупа одна, ядра нет, съедено. Надо бы нас учить, ум точить, а точила-то нет настоящего».

«Я очень рано понял, что у деда один бог, а у бабушки другой. Бабушкин бог был понятен мне и не страшен, но перед ним лгать было стыдно».

«Я и во храме разделял, когда какому богу молятся: все, что читают священник и дьячок, – это дедову богу, а певчие поют всегда бабушкину!» («Детство»).

Школьник сочувствует своему сверстнику Алексею. Более того, юный читатель безоговорочно верит автору – да, так и было. Алексей жил вольной жизнью: улица, драки с соседскими мальчишками, Волга, лес и т. д. Суровое дедовское воспитание скрашивалось добротой и мудростью бабушки. Учитель, особенно если у него есть дети, наверняка размышляет, как же так получилось, что молодой Пешков избежал «свинцовых мерзостей жизни» и стал человеком. И эту заинтересованность он передаст ученикам. Тогда они будут способны написать сочинения, например, на темы:

• Образ бабушки (отношение к Богу, миру, людям, ее поэтичность).

• Образ деда Каширина (биография, характер, образ жизни, отношение к людям, методы воспитания внука).

• Согласны ли вы с суждением Каширина, что у русского человека «скорлупы» много и «ум точить надо».

• Как я понимаю утверждение Горького «Правда выше жалости».

• Лучшие качества героев повести.

• Значение книг в самовоспитании Алексея Пешкова.

Подведем итоги. «Детство», «Мать», «На дне».

Н. А. Островский

«Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества».

«…Нет, маманя, долго буржуй не продержится… Одна республика станет для всех людей, а вас, старушек и стариков, которые трудящиеся, – в Италию, страна такая теплая по-над морем стоит. Зимы там, маманя, никогда нет. Поселим вас во дворцах буржуйских, и будете свои старые косточки на солнышке греть. А мы буржуев кончать в Америку поедем.

– Не дожить мне, сынок, до твоей сказки…»

Отступление

Судя по содержанию школьных программ и журнала «Литература в школе» и т. д., педагоги из Министерства образования слабо представляют состояние умов подростков, и какие книги полезно изучать. В значительной степени психология современного подростка определяется бытом. Это – заполненный холодильник, компьютер, теплая вода, практически отсутствие ответственности и обязанностей в семье, отсутствие физического труда и т. д. В то же время детские психологи с тревогой говорят о состоянии умов подростков, для которых характерно ослабление мотивации к деятельности и омещанивание сознания. Так в работе Т. Шишовой и И. Медведевой, практических психологов, утверждается, что современные дети нуждаются в романтико-героической литературе. Симптоматично, что к этому выводу пришли психологи православных взглядов. Проблема романтизации школьной библиотеки давно назрела. Ее надо решить включением в программу таких книг как: «Три мушкетера», «Овод», «Отверженные», «Мексиканец», «Эрроусмит»… Подскажите, Читатель, чего еще. А я добавлю, что и «Великие четьи-минеи» тоже бы подошли.

Педагоги из Министерства образования посчитали, что в романе Островского воспевается классовая борьба и только. Посмотрим на проблему не с политической, а с **личностной стороны**: кто же такой Корчагин? Он молод, великодушен, чист, мужествен, у него есть Идеалы и Принципы. Он борется за новое справедливое общество исходя из своего небольшого жизненного опыта – нещадно эксплуатируемого посудомойщика. Смысл жизни Корчагин видит в борьбе, несмотря ни на что, даже слепоту и неподвижность. Заметим, что в этой борьбе он не опускался до террора и «расстрела несчастных по темницам».

Андре Жид, человек проницательный и далеко не сентиментальный, так отозвался об Островском после его посещения: «Если бы мы были не в СССР, я бы сказал: “Это святой. Религия не создала более прекрасного лица. Вот наглядное доказательство, что святых рождает не только религия”».

Банально повторять, что история иногда развивается парадоксально. Но это только на первый взгляд парадоксально. Логика в том, что такие люди, как комсомолец Корчагин в начале XX в. боролись за свободу и человеческое достоинство. Дальше история шла сложными путями. Но в конечном счете мы пришли к свободе и должны быть благодарны таким, как Корчагин.

Для меня остался один риторический вопрос. Как бы продолжил роман Островский, доживи он до 1938 г.? Застрелился бы Корчагин, как Венька Малышев у П. Нилина или нет?

Итак, включаем в программу роман «Как закалялась сталь» и надеемся на учителя, который преподаст его как надо, без коммунистического пафоса и «либерального» брюзжания.

М. А. Шолохов

У греков есть «Илиада», у немцев – «Фауст», у американцев – «Унесенные ветром», у англичан – «Сага о Форсайтах». У русских есть «Война и мир», «Кому на Руси жить хорошо» и «Тихий Дон». О национальном колорите в литературе Т. Элиот сказал так: «Можно ли представить себе более типичного немца, чем Фауст, более типичного испанца, чем Дон Кихот, более законченного американца, чем Гек Финн? А ведь каждый из этих характеров – своеобразный архетип, вошедший в мифологию человека, значимую для всех народов и всех времен». Продолжая мысль Элиота, можно риторически спросить – «…более русского, чем Г. Мелехов?».

При изучении романа важно не чтение учебников и пособий. Это занятие затеняет значимость событий и масштаб героев. Надежда на учителя, на его художественный вкус и национальный архетип. Только в этом случае ученик воспримет «Тихий Дон» как должно, и язык, и образность, и идею.

Добавлю к сказанному справку. Прототип Мелехова, Харлампий Ермаков был расстрелян в 1927 г. Эта расправа означала, что ожесточение победителей в гражданской войне не ослабевало долго после ее окончания. Большевики не проявили великодушия и желания национального примирения. Напротив, Сталин выдвинул доктрину продолжения классовой борьбы. Что из этого вышло – читай «Архипелаг ГУЛАГ». Но в отличие от властей в народе возникла идея примирения. В конце романа белоказак ставит часовню на месте казни большевика Валета с надписью: «В годину смуты и разврата не осудите, братья, брата». Это – призыв на все времена.

Подведем итоги. В программу включается «Тихий Дон» и «Судьба человека».

М. А. Булгаков

Читаем в пособии «Литература. 2003», а также в сборнике «Русские писатели XX века»[14] комментарии к роману «Мастер и Маргарита». Они выдержаны в положительном духе. Читаем еще несколько критических работ. Везде даны поверхностные, противоречивые и одобрительные комментарии. Это

педагогическая ошибка. Роман вреден школьнику. Вот мои доводы.

1. Сначала роман ошеломил меня новизной, энергетикой, диссидентским драйвом. Понравились образы Воланда, Маргариты и история об Иешуа и Пилате. Я и сейчас посмеиваюсь, перечитывая про попытку ареста кота. «Сижу, починяю примус, никого не трогаю». Бах! Бах! «Ага, не вышло!» – торжествую я. Дело в том, что я в третьем поколении советский человек, и чувство опасности, исходящее от «органов», у меня в крови (было отчего). А здесь самоуверенные чекисты опешили от своей беспомощности. Как же так? И уже «воронок» у подъезда ждал. А образ Арчибальда Арчибальдовича гениален, он «круче», чем образ Остапа Бендера!

Когда первое впечатление прошло, я обратил внимание на замену «белого на черное». Поясняю: Солнце у Булгакова – не источник света и тепла, а страдания. Гроза – не образ очищения в природе, а предвестник катастрофы. Мужчины-москвичи – ничтожные существа среднего рода. Женщины – женственны, но не в смысле красоты и материнства, а ведьмоподобны. Город, исключая психиатрическую лечебницу, – мир абсурда. Сатана творит добро. Пилат действует вопреки библейской истории. Евангелие по Булгакову вызывающе противоположно каноническому.

Московская часть романа населена жуликами, сумасшедшими, доносчиками, зловредными тупыми литераторами, еще – читай между строк – чекистами и, наконец, ведьмами, чертями и покойниками-преступниками. В Ершалаимской части действуют зловещие Пилат, Крысобой, Афраний, также Иуда, казнимые разбойники и их палачи. Положительных персонажей всего трое – Мастер, Маргарита, Иешуа. Пунктирный Левий Матвей не в счет. Зло доминирует с большим перевесом. Плохо, если школьник посмотрит на мир глазами Булгакова.

2. Разочарование наступило, когда я узнал, что Булгаков частично заимствовал сюжет и образы из романа Загоскина «Искуситель» (1838). Об этом напомнил М. Вайскопф в работе «Птица-тройка и колесница души».[15] Сюжет этого произведения – визит Сатаны Брокена в Москву. Судите сами, Читатель:

Роман начинается с дискуссии о колдовстве, чудесах и т. п., которая ведется между убежденным атеистом и неким магистром университета в жаркий день вблизи Москвы. Магистр якобы был знаком с магом Калиостро, который бывал в древнем Риме.

Калиостро поведал магистру, что однажды предсказал смерть человека под колесами экипажа, управляемого женщиной; у Калиостро была огромная умная кошка; он пригласил магистра на сеанс некромантии, где был человек в плаще с красным подбоем; у Калиостро просит помощи старик, страдающий от невыносимой головной боли, и получает исцеление. Мгновенно выздоровевший старик «растеряно схватил себя за голову и закричал: "*Боже мой!*"». У Булгакова прокуратор после исцеления «сжал голову руками и, на лице его выразился ужас». Тема головной боли у Пилата не нова и ранее встречалась в литературе.

В московской квартире Брокена романтическая обстановка. Во время оргии и бала пространство квартиры волшебным образом увеличивается. Булгаков заимствовал этот момент.

Рим у Загоскина: «как море хлынул он со своих семи холмов…». У Булгакова «Прокуратор услышал опять как бы шум моря, подкатывающегося к самым стенам сада Ирода Великого».

Магистр в конце концов попал в сумасшедший дом. Мастер – тоже.

Сатана появляется в Москве в обличье иностранца, полиглота Брокена. Он занимается растлением умов, разглагольствуя на безбожные, вольнодумные темы в духе французского Просвещения. Он устраивает в московском доме шабаш, пригласив на него нечестивых покойников-иноземцев. В качестве декорации там используется человеческая голова. В итоге самому Брокену отрубают голову, но его вылечивает хороший доктор. Тему подхватил Булгаков, описывая чудеса с головами Берлиоза и Бенгальского.

Из сказанного следует, что роман Булгакова изобилует заимствованиями, иногда переходящими в плагиат.

Сопоставим содержание романов, насколько это возможно.

«В романе Загоскина идеи Французской революции и Просвещения представлены бесовским соблазном, адской работой Брокена. Последний кроме пропаганды устраивает шабаш вольнодумцев-покойников, переходящий в оргию. Но чистая, патриархальная Москва – средоточие, "сердце России", не принимает искусителя и отторгает из себя Сатану» (комментарий Вайскопфа).

В романе Булгакова послереволюционная Москва охвачена атеистическим бумом, в ней царит бескультурье и падение нравов. Воланду нет нужды совращать честных людей – их просто не существует. Безработный Сатана развлекается, приструнивает жуликов и проходимцев, устраивает бал, приглашая на него мертвецов-грешников и «творит добро» в отношении Мастера и

Маргариты, а на прощанье предает очищающему огню «квартиру», жилище Мастера и дом Грибоедова.

Приведу также для общности цитаты из «Анны Карениной»: «Как удивительно выражение Христа… Видно, что ему жалко Пилата…» Христос сведен на степень исторического лица… для образованных людей спора уже не может существовать. Здесь Булгаков вторит Толстому.

Замечу, что «Мастер» взят у Г. Гессе (Мастер совершенного слова), имя Маргарита – у Гете. Именно взято, так как стало нарицательным так же, как Фауст. Эпиграф Булгаков заимствовал из «Фауста», но урезал его, исказив смысл (см. ниже).

К вопросу о заимствованиях примыкает параллель между смертью Мастера в Москве и 1900 лет тому назад казнью Иисуса Христа в Иерусалиме. Автор, чтобы усилить эффект, привязывает свое микрособытие к событию мирового масштаба.

3. Сатирическая часть романа.

Ее направленность становится более ясной, если обратить внимание на особенность всего творчества. Булгаков высмеивал нравы низов. Знаковый персонаж – молочница чума-Аннушка. Она – дрянь по своей природе, по низкому происхождению. Обитатели коммунальной квартиры, простонародье, безобразно сорятся, потому, что не обучены приличным манерам. Театральные функционеры пошлы, жуликоваты, глупы. Люди, перевозимые на открытом грузовике, поющие «Священный Байкал», – почти что сумасшедшие. Толпа, валившая валом на представление Воланда, достойна осмеяния и т. д. Такой взгляд на низы антиинтеллигентен, не этичен. Булгаков понимал революцию исключительно как нравственную катастрофу. Плохо, если ученик ему поверит.

4. Образ Воланда – добро и зло относительны.

Воланд – центральная фигура если не по замыслу, то по факту. Он затеняет остальных своей энергетикой, обаянием, таинственностью. Он не рядовой черт, который являлся Карамазову. Воланд – сам Сатана. Кто же это такой? Обратимся к классике, к «Фаусту». Мефистофель – король нечисти, ловец человеческих душ, воплощение зла. Его образ по-европейски однозначен. Смертным он приносит несчастья, поступая в соответствии с самоопределением. Представляясь Фаусту, Мефистофель сперва лукавит: «Я часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла», но тут же признается: «Я – то, что ваша мысль связала с понятьем разрушенья, зла, вреда». Итак, у Гете Дьявол – абсолютное зло. И это есть одна из аксиом европейской культуры. Булгаков ее отверг и предупредил

читателя «урезанным» эпиграфом: «Творит добро». Писатель последователен. Его Сатана наказывает жуликов и проходимцев, вызволяет Мастера из лечебницы, спасает рукопись и т. д. Конечно, его роль в судьбе Мастера двусмысленна. Но школьник, наивная душа, воспринимает Воланда попросту, позитивно: он спас Мастера, поджег осиное гнездо – «Грибоедова», сопроводил Мастера и Маргариту в дарованный ему Покой и романтично попрощался («Желаю вам счастья!»). Добрый волшебник, не иначе.

Учитель, следуя учебнику, говорит примерно так: «Добро и зло взаимопроникают. Все в мире относительно. Даже зло может творить добро», даже Сатана. Учитель, не навреди! Вредит. Релятивизм категорически не показан детям. Брошу камень в того, кто учит детей релятивизму.

Есть одна мина замедленного действия. По Булгакову, с Сатаной допустимо договариваться. Поверженный Мастер принимает его помощь (Маргарита – особый случай). Напротив, европейская культура в конце концов пришла к запрету: «Нет и нет! Прочь!» – так гонит от себя нечисть героиня фильма Ф. Феллини Джульетта.

Есть еще вторая мина. У Гете Фауст держится на равных с Мефистофелем. В глубине души он сознает свое духовное превосходство над князем тьмы. Человек, а не сатана – главный герой. Это – западное миропредставление. У Булгакова, напротив, Воланд-сатана – главный герой. При этом с художественной стороны Воланд есть лучший образ сатаны в мировой литературе. Он всесилен, обаятелен, великодушен и т. д. Люди по сравнению с ним ничтожны. Сказанное не абстракция. Напрашивается политическая параллель. Булгаков относился к числу людей, кто восхищался всесильным Вождем и Учителем. Это – восточное миропредставление.

5. Судьба Мастера.

Мастер живет во враждебном и абсурдном мире. Все против него – слабого одиночки. Никто не хочет ему помочь. Никто, кроме возлюбленной в союзе с Сатаной! До этого не додумался даже Гоголь.

6. Булгаковский Иешуа (Христос) есть реальный человек. Это известная точка зрения (Ренан, Толстой и др.). Не будем ее обсуждать. Интереснее вспомнить, как художники во все времена представляли себе Христа. Один из лучших образов создал Леонардо в «Тайной вечере». В его Христе чувствуется смирение и трагизм, и осознание своей великой миссии. Этим он выделяется

среди окружающих его апостолов, обычных людей. Так оно и должно быть. У Булгакова Иешуа – бродячий философ, которых было много в библейские времена, внешне напоминающий князя Мышкина. С моей, светской точки зрения, это есть потеря масштаба, а с богословской – не мне судить.

7. Художественные особенности. Жанровый эксперимент.

Напомню определение художественности по Достоевскому как «способности до того ясно выразить в лицах и образах свою мысль, что читатель совершенно также понимает мысль писателя, как сам писатель понимает ее». Исходя из сказанного, художественные достоинства романа налицо. Но не романа в целом, а его не связанных *смысловым* образом частей: сатиры, фантастики и проповедничества. Смешение жанров – неудачный эксперимент. Классики до таких экспериментов не опускались. Если бы Шекспир ввел в «Гамлета» элементы сатиры, то пьесу освистали зрители, а потомки забыли. Жанровое своеволие затрудняет понимание замысла. В этом случае читатель волен понимать его по-своему. Я, например, усматриваю замысел, в том, что мир устроен столь мерзопакостно, что Мастер в нем обречен и только Сатана ему сочувствует… Школьник не в силах сориентироваться в головокружительной смене разножанровых сцен. Особенно не сочетается под одной обложкой отвратительный бал полуразложившихся мертвецов (хочется держать книгу в перчатках) с возвышенной историей об Иешуа и Пилате. Сочувствую учителю, сочувствую ученику.

Приведу контрпример – роман Д. Гарднера «Осенний свет» [24]. Как изящно автор решил задачу параллельного изображения жизни фермера и фантастических приключений торговцев марихуаной. Это не жанровый винегрет. Это два разных блюда, стоящие рядом на белоснежной скатерти на столе. Выбирай, смакуй, сопоставляй.

8. К вопросу о писательской этике.

В пособии для учеников Б. Сарнов сказал, что жизнь и смерть Иисуса Христа – «величайшая тема, которая представляется искусству». Как бы не так! Не представляется, не должна представляться! Когда художник эксплуатирует эту тему, он неминуемо агрессивен в отношении верующих. Во-вторых, здесь присутствует элемент плагиата. В данном случае из Евангелия. В-третьих, Булгаков предложил собственную версию ключевого момента христианства – казни Христа. Уточняю, не собственное видение, а версию, принципиально отличающуюся от канонической. В ней мировой масштаб события он уменьшил до частности – поступка Пилата.

Напомню, что в цивилизованном обществе религиозные темы принято обсуждать в жанре фантастики и делать это в иных мирах, «на пыльных тропинках других планет». Вот это – этично.

Заключение

Из сказанного следует, что в романе трудно усмотреть доминанту, сатирическо-развлекательная часть занимает более 40 % текста. Роман подобен пазлу, который невозможно сложить. Учитель говорит: «Можно». Ученик говорит: «Не понимаю как!» – и раздражается. Предлагается исключить «Мастера и Маргариту» из программы.

Изучать ли «Белую Гвардию», лучшее произведение Булгакова, которое подкупает искренностью, у меня все же есть сомнение. Дело в том, что сюжет не прямолинеен, развитие действия не просматривается, содержание может понять взрослый человек, скорее, даже старый человек, с жизненным опытом и представлением о тонком культурном слое, который смыла революция. Для ученика это невозможно. Усилия учителя не оправдаются результатом. Оставим вопрос на усмотрение специалистов из Министерства образования.

Б. Л. Пастернак

Удивительно, что педагоги предлагают изучать не лучшие (ранние) произведения Пастернака, а неудачный роман «Доктор Живаго». Он включен в программу. Это ошибка. Мои доводы следующие. Во-первых, напомню автокомментарии. Они помогут понять замысел и его воплощение. Я… «решил рассказать правду об опыте своего поколения и судьбе страны… герой романа… нечто среднее между мной, Блоком, Есениным и Маяковским…». В романе раскрыта «тема бесстрашия жизни, идущей путем страдания». Опустим причисление себя к классикам. Важно, что сформулирован замысел.

Прочтем книгу сначала поверхностно, обращая внимание на стиль, язык, изобразительные средства и т. п.

1. Неблагозвучно-корявые имена городских персонажей: Гарумековы, Фурлыгин, Тиверзин, Зевороткина, Веденяпин, мадам Гишар, госпожа Диклофенак, Выволочнов, Дудоров… Читать вслух – гортань сводит судорога. «Карл у Клары украл кораллы».

2. Подло-разбойничьи имена простого люда: Храпугина, Огрызкова, Шелабурин, Гулевой, Гнилой, лешачиха-дейманка

Злыдариха (последнее имя взято из книги Бирюкова, см. ниже) и т. п. Здесь проявилась скрытая неприязнь автора к народу, не иначе.

3. Обилие сентиментальных пошлостей, свойственных бульварным романам XVII–XIX вв., как то: «черная неблагодарность», «сдержанные рыдания», «поцелуи благодарности», «рвал и метал», «нечеловеческим усилием воли он победил страх смерти», «по улице пели и жужжали пули», «Юрий упал, обливаясь кровью», «чудеса находчивости и храбрости», «слезы душили его», «в письме рыдания нарушали построение периодов, а точками служили следы слез и кляксы» и т. п.

4. Масса публицистики, например: «она» гладит белье, «он» длинно и с пафосом рассказывает «ей», как видит политические события и насколько они соответствуют определенным стандартам. «Она», заслушавшись, прожигает дыру в белье. Читать – скучно. Белья – жалко.

5. Крестьяне изъясняются так: «Орел у тебя родитель. Экий зверь речи отжаривать»; Бабы ругаются: «Чтоб ты сдохла, гнида-шеламура, кошка шелудивая», «Из канавы рожденная, в подворотне венчанная, крысой забрюхателa…»; Старик кучер рассказывает о себе и понукает лошадь: «Опять стала, безногая! Анделы в Китаях, тебе говорят, аль нет?.. Я у ем свой век отвековал… Во всех рукомествах – предолжностях. И крепежником был… Опять стала, черт, шиликун! Тебе говорят, мазепа!»; «Инно жара кака анафемска! Яко во пеши авраамстии отроци персидстей!».

Создается представление, что автор не видел, не слышал живых крестьян, а заковыристые словечки взял из книг. И действительно, в комментариях к своей книге Пастернак признает, что пользовался «Дореволюционном фольклором на Урале» В. П. Бирюкова.

Повторно прочтем роман и познакомимся с крестьянами, интеллигентами и, наконец, с доктором Живаго.

1. Крестьяне изображены, дремучими и злобными убийцами. Их сущность подчеркивается бандитскими фамилиями, а также контрастом с духовностью интеллигентов.

Интеллигенты – Гордон и Дудоров – ум, честь и совесть поколения. Их образы схематичны. Они – бумажные солдатики и отличаются только фамилиями. Автор усиливает схематизм краткими биографическими сведениями – оба до войны попали в ГУЛАГ (знак времени!). Одного выпустили, другой, чтобы освободиться, охотником вступил в штрафбат. «И затем атаки и атаки, километры колючей проволоки с электрическим током,

мины, минометы, месяцы и месяцы ураганного огня… До одного выкашивало… весь этот кровавый ад был счастьем по сравнению с ужасами концлагеря». «Да, брат, хлебнул ты горя». Да, брат, Читатель, такой примитив не найти в худших романах соцреализма. Уж не пародия ли это?

Живаго, интеллигент, художественная натура, «человек с тонкой кожей», притом «лишний». Он обостренно чувствует «страдания жизни». Например, он страдает от любви сразу к двум женщинам и от потери обеих. Причем, потеря не есть следствие внешних обстоятельств. Она предопределена его бесхарактерностью. Живаго – доктор по профессии, но не призванию. Свою судьбу и бытовые лишения Живаго воспринимает трагически, как благополучный чеховский персонаж, неожиданно попавший в жестокую реальность революции. В финале Живаго, безмерно устав от житейских неприятностей, от мнимых и реальных опасностей, скрывает, что он доктор (чтобы не беспокоили), «уходит в себя» и потом умирает. События затухают по экспоненте. Невыразительная концовка – признак того, что автор не справился с материалом.

Подведем итоги.

1. Пастернак рассказал о жизни и смерти интеллигента, мыкающегося среди темного и злобного народа, взбудораженного революцией.

2. Роман – далеко не эпопея. Несмотря на широкий охват событий, он – частность. Пастернак обещал, что в романе опишет «судьбу моего поколения». Это типичная пастернаковская неточность. Вероятно, речь шла только о микросреде, из которой происходил автор.

3. Обилие банальной публицистики и сентиментальных пошлостей рассчитано на неприхотливого читателя. Остальное в том числе недостоверность судеб большинства героев, художественная и историческая, и бытовых сцен – детали.

4. Никакого «бесстрашия жизни, идущей путем страданий», в романе нет. Это поэтическое обещание осталось нереализованным.

Как же так случилось, что позитивный замысел не воплотился в доброкачественной прозе так, как это умел делать ранний Пастернак?

Сказанное позволяет считать роман неподходящим для изучения в школе.

А. И. Солженицын

Биография [16]

Начнем урок с показа двух-трех портретов. Дети – стихийные физиономисты. Лицо писателя произведет на них впечатление. Ахматова увидела Солженицына таким: «Светоносец! Свежий, подтянутый, молодой, счастливый (и это уже после войны и лагеря!). Мы и забыли, что такие люди бывают. Глаза, как драгоценные каменья. Строгий… Огромный человек. Лицо чистое, ясное… С огромным достоинством и ясностью духа».

Далее стоит кратко рассказать судьбу Солженицына в параллель с судьбой Достоевского. Воевал, был арестован на фронте за критику Сталина, попал в застенки Лубянки, ожидал приговора (а он мог быть любой, вплоть до расстрела) и был отправлен в лагерь на 8 лет. Достоевского, как известно, за участие в кружке Петрашевского приговорили к казни. Он ожидал ее, стоя на коленях на эшафоте, но был помилован и отправлен на каторгу. Как тут не вспомнить замечание Короленко, что **все** крупные русские писатели имели такой жизненный опыт, соответствующий их таланту. Те, кому на долю не выпала «война, тюрьма, сума»), остались просто литераторами. В России исключений из этого правила мало.

Надеюсь, что современный благополучный юноша все же способен воспринять головокружительную судьбу писателя: комсомольская юность, физмат университета, «война, тюрьма, ссылка в лагерь, сума», рак и победа над ним, борьба со сталинизмом, гигантское литературное и историческое творчество, Нобелевская премия, высылка за границу, триумфальный возврат в Россию. Говоря языком древних греков, Солженицын – Герой, победивший Рок.

Не приходила ли вам в голову мысль, Читатель, что **биографии замечательных людей: Толстого, Достоевского, Солженицына, Сахарова – литература высшего порядка по сравнению с художественной?**

Отношение Солженицына к Пушкину

Пушкина в России любят все, но лишь единицам – Тютчеву, Достоевскому – удалось ясно сказать, за что. И Солженицын сказал свое слово. Казалось бы, что нового можно добавить к «пушкиниане»? Солженицын сделал это блестяще в статье «Колеблет твой треножник». Фрагменты из нее надо бы включить в хрестоматию.

Приведу один факт из биографии писателя. Для меня он

момент истины. Во времена гонений на него он приехал в Москву в редакцию «Нового мира». Там должны были решать, печатать ли «Один день Ивана Денисовича» Так вот, идя в редакцию с вокзала, Солженицын завернул к памятнику Пушкину, постоял, как бы помолился: «Отчасти поддержки просил, отчасти обещал, что путь свой знаю. Не ошибусь» [16].

Значение Солженицына

Его в полной мере могли бы оценить писатели одной с ним величины – Толстой, Достоевский. Современники отозвались как могли.

> *О чем вам беспокоиться, вы уже поставили себя на второе место после Толстого.*
>
> *К. Чуковский*
>
> *Солженицын – великий писатель.*
>
> *А. Твардовский*
>
> *Солженицын – величайший писатель современности.*
>
> *Группа молодых европейских писателей по поводу его Нобелевской премии*
>
> *Солженицын – тот народный писатель, какого, может быть, еще никогда не было в столь народной русской литературе: ему ведь пришлось восстанавливать само понятие «народ», уже пошатнувшееся к этому времени.*
>
> *С. Залыгин*

«Один день Ивана Денисовича»

> *Эту повесть обязан прочитать и выучить наизусть каждый гражданин изо всех двухсот миллионов граждан СССР.*
>
> *А. Ахматова*

Введение

«Один день…» – редчайшее произведение, к которому применимы слова Короленко: «…жизненная правда в нем действует так, как будто человек шел ничего не ожидая… вдруг выскочил кто-то и так гвозданул по голове, что бедняга присел». Вот и Солженицын гвозданул. Дело в том, что доклад Хрущева на XXII съезде партии о культе личности Сталина был полуправдой. Нужна была настоящая правда о тщательно скрываемой стороне сталинизма – массовых репрессиях и ГУЛАГе. Ее дал Солженицын. Рассказ опубликован в 1962 г.

Пафос рассказа

Автор неявно обращается к читателям: Вы не знали ничего о ГУЛАГе? Не знали или не хотели знать? Боялись этой темы? А если ваш невинный родственник попадал туда, то думали, что по ошибке? Так вот нате, читайте правду!

Мне скажут, что пафос правды недолго будоражит умы современников и рассказ в XXI в. не актуален. Я отвечу, что «Иван Денисович» будет всегда интересен читателям в первую очередь как высокохудожественное произведение. Это качество оценил К. Чуковский: «Иван Денисович» поразил меня своей могучей поэтической (а не публицистической) силой. И такая власть над материалом, и такой абсолютный вкус!» Осмелюсь к суждению мэтра добавить два замечания. Одной из художественных особенностей произведения является *время*. Читатель живет по часам Шухова. Возникает эффект достоверности. Это сильный прием. Есть «ритмичные» произведения, которые можно «переложить» на музыку: «Тамань», «Песня про царя Ивана Васильевича…», «Записки охотника» и, конечно, «Один день Ивана Денисовича».

Место действия

Утро. Солнце не взошло. Бараки в голой степи, окруженные колючей проволокой – лагерь. Мороз, ветер. Часовые на вышках в тулупах. Безлюдно, тихо. Звучит удар молотка о рельс – подъем. Зэки в бараке просыпаются, одеваются, гадают, куда погонят на работу, велик ли мороз.

Завязка

Шухов, ладный мужичок, проснулся. Его знобит, ему неможется. Торопится до столовой успеть в медпункт, надеясь, что освободят от работы на морозе. Не вышло. Читателя «зацепило». Он сочувствует Шухову. Он удивлен лагерными порядками, узнав, что больному зэку урезают без того скудное питание. Пайка хлеба – стимул «вкалывать» и не болеть. Шоковое начало рассказа порождает сильное желание читателя узнать, кто же эти зэки и за какие преступления «сидят». И действительно, кто они?

Кульминация

Это описание кладки стены на стройке – образ артельного труда. Есть дирижер – бригадир. Есть солисты – мастера Шухов и Кильдигис, есть рядовые работники.

Строители постепенно нашли общий ритм. Кладка пошла азартно. Каменщики покрикивают подносчикам: «Давай! Давай еще!». Работа началась по принуждению, а продолжается в охотку. Шухов, хотя и устал, шутит: «Жаль, что день короткий, гадство такое!». Бригадир Тюрин в ответ улыбается. Слышится удар молотка по рельсу. Конец рабочего дня. Бригада уходит. Шухов задерживается на минуту, смотрит на качество кладки и гордится своей работой – «глаз ватерпас». А еще рад, что превозмог болезнь.

Образ Шухова

Судьба Шухова типична: воевал, в 1941 г. попал в плен, бежал. Его обвинили в предательстве и дали 10 лет лагерей. Шухов рядовой солдат, рядовой зэк, но он – тип и этим интересен. Интересен более, чем Каратаев, хотя он дальняя родня толстовскому герою.

Вспомним образы крестьян в русской прозе. В «Капитанской дочке» крестьяне – кровавые бунтовщики. Гоголь изобразил мужиков как зевающих бездельников на завалинке (это реальных, а не торгуемых). Тургенев сделал благородную попытку… Каратаев у Толстого стихиен и недоразвит. В «Мужиках» Чехов собрал все человеческие пороки, чем вызвал осуждение писательского сообщества. Г. Мелехов – первый полноценный образ крестьянина. Но это особый случай – он казак. Пастернак в

«Докторе Живаго» изобразил крестьян дремучими и жестокосердными по контрасту с духовными интеллигентами.

Солженицын – первый писатель, кто дал образ мужика с любовью и глубиной. Он открыл эту важнейшую тему. Позже ее развили Белов, Абрамов, Распутин…

Отступление

История показывает, что писатель, одаренный чувством благородства, в принципе не может изобразить человека из низшего сословия – низким именно в силу происхождения. Этим качеством обладали Пушкин, Тургенев, Некрасов… и Солженицын. Напротив, некоторые писатели подавляли в себе чувство превосходства лишь по причине воспитанности, но оно иногда становилось явным. Такое случалось с Гоголем, Чеховым, Буниным, Пастернаком, Булгаковым.

Вот контрпример. В «Саге» Д. Голсуорси есть такой эпизод. Представители буржуазной элиты, с сочувствием обсуждают стойкость безработных из простонародья, и один из них говорит: «Я, пожалуй, начинаю гордиться, что я англичанин». В русской литературе я не нашел подобного. **Это досадно.**

Шухов – образ страдательный. Он подчиняется обстоятельствам. Но он – не страдалец, а стоик, гнется, но не ломится. Спасибо Солженицыну за образы стоиков, победивших смерть (Шухов, Костоглотов, их много в «Архипелаге»). А то повелось в русской литературе, что герои гибнут.

Образ Шухова, вероятно, непонятен высоколобому столичному читателю. Демократичный же читатель с большим жизненным опытом радуется узнаванию виденного в жизни и симпатизирует Шухову – умельцу-самоучке, трудяге, человеку с запасом душевного здоровья, да и на язык он остер. Таких людей ценят на войне, на заводе, на стройке, в лагере, в тюрьме, ценят и зовут по имени-отчеству.

Солженицына – историка и психолога интересовал вопрос, какие люди способны на солидарность, на борьбу с режимом. Его вывод таков: просвещенные с чувством собственного достоинства (Нержин, Костоглотов). Крестьянин Шухов из далекой деревни Темгенево – не способен. Максимум, он может принять участие в бунте, если уж совсем припечет.

У Шухова в американской литературе есть аналог, фермер из глубинки Пейдж, кто точно знал, «где верх и где низ» и в природе, и в хозяйстве, и в людях, и в себе. Знал и не опускался [24]. Вот и Шухов знал и не опускался, победив голодное безумие

и, планируя жизнь на воле, он был уверен, что не унизится до торговли и не бросит крестьянский труд. Это и есть доминанта образа.

«В круге первом»

Роман сейчас читается, как психологический детектив. Именно так. Мне он интереснее, чем, например, книги А. Кристи. Судите сами.

Обитатели секретного Конструкторского Бюро, расположенного на окраине Москвы, зэки, выполняют рутинные заказы Министерства госбезопасности. Условия очень даже терпимые: не голодно, тепло, работа интересная, люди вокруг интеллигентные, не считая тюремщиков. Зэки в свободную минуту обсуждают политику, азартно спорят на мировоззренческие темы, отстаивая свои жизненные позиции. Неожиданно ситуация обостряется. Пришел приказ создать телефонную «прослушку» с возможностью определять абонента по голосу. Заключенные понимают, что могут стать соучастниками репрессивного беспредела, охватившего страну. Перед ними ставится условие: согласен работать – остаешься, не согласен – отправляешься на Колыму. Вопрос согласия-несогласия означает «быть или не быть» в прямом и жестоком смысле. Читатель в высшей степени заинтригован, чем кончится проверка на деле их принципов и человеческого достоинства, какие оправдания своему решению найдут те, кто останется. Кульминация романа сделана мастерски. Это – выбор, который надо было сделать каждому и незамедлительно.

Концовка романа выразительна, как мощный аккорд симфонии, блестящая концовка: Ранним утром по улицам Москвы едет фургон с надписью «Хлеб». Везут заключенных. Среди них Глеб Нержин, главный герой книги. Он прислушивается к шумам города, прощается с ним. Ему не видно, куда везут, но гадать излишне, куда же еще – на Ярославский вокзал.

К вопросу о народе (обращение к моим внукам)

Понятие «народ» важно для любой нации, тем более для русских. И для вас важно, мои любезные друзья.

Во-первых, чтобы осознать свое родство с народом, просмотрите семейный архив, послушайте воспоминания ваших дедов, навестите родные могилы. Ваши предки были крестьянами,

помещиками, инженерами, врачами, агрономами. Они – соль земли.

История России XIX–XX вв. изобиловала драматическими событиями. Наш род не миновал ни одного. Но так случилось, или Провидение вело, или понятие о чести, но «кровь и грязь эпохи» миновали. В том смысле, что мы не угождали властям и не участвовали в репрессиях, прямо или косвенно.

Во-вторых, постарайтесь осознать, что вы не только потомки Колосовских, Галаниных, Колпаков, Воробьевых, но глядя в глубь времен, «одной крови» с протопопом Аввакумом, Д. Донским, С. Радонежским, А. Суворовым, Е. Пугачевым, А. Пушкиным, Л. Толстым, Д. Каракозовым, братьями Ульяновыми, С. Королевым, Ю. Гагариным, А. Солженицыным…

Вернемся к образу народа. Крестьяне: Матрена, Иван Денисович, Тюрин, Клевшин, баптист Алешка, моряк Буйновский; обитатели КБ, инженеры: Нержин, Сологдин, Рубин, крестьянин Спиридон, дипломат Володин; пациенты онкологической больницы, бывший зэк Костоглотов, геолог Вадим… врачи-подвижники и среди них – Вега (лучший женский образ в русской литературе). Вот они и есть народ, «пошатнувшийся образ которого укрепил Солженицын».

Подведем итоги. Изучается «Один день Ивана Денисовича» и «В круге первом». Для домашнего чтения и последующего обсуждения предлагается «Раковый корпус». Эту вещь можно преподать как возврат к вечным истинам: как человек жил, зачем жил, что остается после него. Надеюсь, что учитель сможет. Для домашнего чтения также надо рекомендовать фрагменты из «Архипелага», как то: описание казней зэков на Соловках и несколько судеб праведников, «победивших зло». Среди них Анна Скрипникова. Она была из тех редчайших людей, которых не кусают злые собаки, не нападают бандиты и насильники, и перед которыми смирялись удивленные чекисты.

В. В. Быков

Только правдивые книги в полной мере действуют на души людей, особенно на молодые души, будя в них мужество, веру и волю.

Г. Бакланов

«Нашей литературе на много лет хватит еще насущных человеческих конфликтов, долго еще будет

сладок черный хлеб правды. Если действительно, как писал Стендаль, искусством движут страсти, то нам их не занимать»

В. Быков

Спустя полвека после первых публикаций произведений В. Быкова стало ясно, что они выделяются среди фронтовой прозы 1960-х годов своей тематической, идейной и стилистической цельностью. Например, Огнев статью о творчестве Быкова назвал «Возможности человеческого духа». Стало ясно, что В. Быков – русский классик XX в., что его книги надо изучать в школе так же, как книги Н. Островского, М. Шолохова, А. Солженицына. Вероятно, лучшими для этой цели являются повести «Круглянский мост» и «Сотников».

Если учителю удастся убедить школьника начать читать «Круглянский мост», то ученик наверняка «зацепится» и дочитает до конца. Небольшой объем повести, захватывающий сюжет, сочувствие молодому партизану, жалость к мальчику-вознице – все облегчает восприятие. После обсуждения повести в классе, а оно, конечно, должно быть заинтересованным, ученик способен на собственные суждения о проблематике – «мораль на войне». Это главный результат. Как дополнение на уроке полезно разобрать художественные особенности. Тогда урок пройдет не зря.

Подведем итоги. В программу включается изучение творчества В. Быкова в обзорном порядке и повести «Круглянский мост» и «Сотников».

5. Краткий обзор постсоветской литературы

Одними из последних могикан литературы советского периода были интереснейшие писатели Ф. Искандер и И. Грекова. К сожалению, программа перегружена, и изучать их творчество затруднительно. После них литературные прерии заселили малоисследованные племена модернистов, постмодернистов и постпостмодернистов. Если судить о современной русскоязычной литературе (именно русскоязычной, потому что она потеряла в значительной степени «русскость») по обзорной периодике, то ситуация такова. Часть прозаиков до сих пор (!) занята «сведением счетов» с коммунистическим прошлым или (теперь все дозволено!) находит драйв в изображении секса, пьянства и мата и т. д. Другая часть прозаиков изобретает новые формы, не заботясь о содержании. Вероятно, есть и еще течения, известные в

основном издателям.

Терпеливый читатель и специалисты из Министерства образования ждут, что же из этого всего получится. С кем из писателей можно знакомить школьников. С Калединым, М. Палей? Нет, это «чернуха». С Т. Москвиной, О. Робски? Нет, глэм-проза не годится. Русскоязычные детективы и боевики (насилие плюс сопли плюс отсутствие психологии) – скучны. Остаются, судя по обзорам, топ-авторы: В. Пелевин, Т. Толстая, В. Сорокин, Б. Акунин, Л. Улицкая. У меня есть большие сомнения на их счет. Может быть, я не прав.

Нетерпеливый читатель, который не вполне в теме (как я), но стремится осознать проблему в целом, удивляется. Неужели прав Маркс, что бытие так железно определяет сознание людей и особенно писателей? В данном случае – либерально-рыночное бытие. Неужели среди десятков прозаиков не найти одного «инопланетянина», кто мыслит категориями красоты, чести, свободы, наконец, черт побери, демократии, которая, уже существует – какая ни есть? Беда! Нет, нет – бедность духа. Они – наследники Гоголя.

Читателей и педагогов, кто огорчен или возмущен «чернухой», с легким сердцем могу обнадежить. В этом явлении есть доля социального позитива. Это суждение я нашел в книге «Филология. Социальная антропология». Ее автор – обрусевший немец Иван Гегель. К сожалению, я книгу потерял во фрязинской электричке в третьем вагоне с хвоста. Гегель утверждает, что литературный декаданс в социальном смысле полезен. Он вызывает в социуме ускоренную реакцию очищения. Книги, посвященные изображению секса, пьянства, матерной брани, насилию и т. п., нормальные читатели быстро перестают читать. А читатели – любители «чернухи» долго не живут. И Гегель доказывает это научно, хотя и с долей цинизма. Еще быстрее покидают этот свет, утверждает он, творцы «чернухи» из-за психического и духовного истощения. Поэтому можно ожидать скорого (конечно, в исторических масштабах, не завтра же) оздоровления и социума, и литературы. Ура! Ура!

Итак, на неопределенное время предлагается в части изучения постсоветской литературы оставить белые пятна.

Приложение 3. Поэзия XX в. Обоснование выбора изучаемых произведений. Методические замечания

А. А. Блок

Краткий отзыв большого поэта о своих собратьях по цеху часто весит больше, чем вся критическая литература. Таковым является заметка В. Маяковского «Умер А. Блок»: «Творчество А. Блока – целая поэтическая эпоха… Славнейший мастер-символист Блок оказал огромное влияние на всю современную поэзию. Блок честно и восторженно подошел к нашей великой революции, но тонким, изящным словам символиста не под силу было выдержать и поднять ее тяжелые реальнейшие грубейшие образы. В своей знаменитой поэме “Двенадцать” Блок надорвался. Я слушал его в Москве… он тихо и грустно читал старые строки о цыганском пении, о любви, о прекрасной даме… дальше дороги не было. Дальше смерть».

Но Маяковский сказал не все. Он опустил тему «Родина». О ней Блок всегда писал с грустью, с надрывом. У него Россия и в прошлом, и в настоящем, и в будущем – страдающая. Это – доминанта. Вспомним:

Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о Русь!
Пусть ночь. Домчимся, озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь.
И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль.
Летит степная кобылица
И мнет ковыль.
Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь…

Здесь порыв «Домчимся, озарим кострами» затухает в бесконечном движении и в этом – безнадежном «плачь, сердце, плачь». Еще одна заметная цитата из цикла «Страшный мир», в которой дано апокалиптическое пророчество о грядущем торжестве зла» (см. учебники):

И век последний, ужасней всех,
Увидим вы и я.
Все небо скроет гнусный грех,
На всех устах застывает смех,
Тоска небытия…

«Двенадцать» – гениальная зарисовка эпизода гражданской войны. Мастерство поэта завораживает, заставляет поверить в этот образ Революции. Но когда ученик закрывает книгу, чары рассеиваются. Он не способен понять идейное содержание. А еще при чем тут Христос? Невнятный момент совершенно непонятен школьнику. Во время братоубийственной войны Вера покинула массы. Великая русская литература не удержала народ от кровавой междоусобицы и даже не смягчила ее. Если войну называют «самым жестоким сумасшествием», то революция есть жестокость в квадрате. Поэзия – всего лишь поэзия. Революция не поэтическая тема. Здесь всякий поэт – обманщик.

Если Достоевский предостерегал людей от сатанинских амбиций, погружая читателя в «бездны человеческого духа», то Блок пугал – **грядет XX-й век, век страха и тоски**. Это – доминанта его творчества есть поэтическая «страшилка**».** В XX в. в России и в мире было много крови и грязи, но и много положительного, даже высокого. Изучение творчества Блока подталкивает юношу к пессимизму и малодушию, в то время когда он, оканчивая школу, готовится к самостоятельной жизни с настроением, в котором есть иллюзии, мечты, самонадеянность, радость существования. И неважно, что XX в. позади. Важно, что блоковские образы «гнусный грех» и «тоска небытия», так же, как, к слову сказать, образы Бродского – «здесь как в аду, но более херово» – оскверняют чистые детские души.

На всех устах застывает смех,
Тоска небытия…

Кто спорит – у поэта есть светлые мотивы. Но вычленить их и оставить за скобками пессимистичную доминанту трудно, да и неправильно. Это был бы уже не Блок.

Подведем итоги. Поэзию А. Блока предлагается перевести из обязательной программы в ознакомительную и дать объективные комментарии.

В. В. Маяковский

Согласитесь, Читатель, что никто из русских поэтов не смог так обратиться к юношеству:

Ищите свой корень
и свой глагол,
во тьму филологии влазьте.
Смотрите на жизнь
без очков и шор,
глазами жадными цапайте
все то,
что у вашей земли хорошо
и что хорошо на Западе.

Грядущие люди!
Кто вы?
Вот – я,
весь
боль и ушиб.
Всем завещаю я сад фруктовый
моей великой души.

В изучении Маяковского доверимся тому Учителю, кто не приемлет логики плоских «либералов», видящих в Маяковском только первого поэта сталинской эпохи, одного из строителей тоталитарной системы. Чтобы поддержать Учителя, приведу слова американского писателя, сказанные в защиту радикалов начала XX в. в Америке: «Движение, в котором приняло участие много умных и великодушных людей, не могло быть бессмысленным… Мы, дотянувшие до 1960-х годов, можем с сожалением отметить слабости и неудачи людей того времени, их романтические иллюзии и склонность к самообману, их самоуверенность и нетерпимость… но нельзя с презрением отвергать их попытку изменить мир» [36].

Сказанное относится к Маяковскому, Островскому и другим *великодушным*, кто старался изменить мир к лучшему, но «не расстреливал несчастных по темницам».

Маяковский был великим человеком и великим поэтом. Он и ошибался по-крупному. Об этом надо сказать ясно и недвусмысленно. А чтобы понять, что за человек он был, стоит прочитать его воспоминания о детстве. Его вторая прочитанная книга – «Дон Кихот». «Сделал деревянный меч и латы, разил окружающее». После того как увидел электрический свет «ярче неба», то «совершенно бросил интересоваться природой. *Неусовершенствованная вещь!*». После того как едва не провалился

на экзамене, не ответив священнику, что такое на церковнославянском «око», «возненавидел сразу – все церковное и все славянское».

О стихотворном новаторстве Маяковского много сказано в учебниках. Может быть, стоит познакомить ученика со статьей поэта «Как делать стихи». Воспринять ее по силам школьнику в отличие от принятых в учебниках излишне профессиональных описаниях техники. Пользы будет больше.

Подведем итоги. Предлагается включить в программу: «Ода революции», «Марш ударных бригад», «Необычайное приключение…», «Хорошее отношение к лошадям», «Секрет молодости», «Люблю».

С. А. Есенин

Поэзия С. Есенина так же нужна нам, как поэзия Пушкина, Некрасова, Тютчева.

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром…
И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.
***
О, верю, верю, счастье есть!
Еще и солнце не погасло.
Заря молитвенником красным
Пророчит благостную весть.
О, верю, верю, счастье есть.
***
Тебе одной плету венок
Цветами сыплю стежку серую.
О Русь, покойный уголок,
Тебя люблю, тебе и верую.
Гляжу в простор твоих полей,
Ты вся – далекая и близкая.
Сродни мне посвист журавлей
И не чужда тропинка склизкая.
***
Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Интересно сравнить:

Г. Иванов	**С. Есенин**
Оттого и томит меня шорох травы, Что трава пожелтеет и роза увянет, Что твое драгоценное тело, увы, Полевыми цветами и глиною станет. Даже память исчезнет о нас... И тогда Оживет под искусными пальцами глина И впервые плеснет ключевая вода В золотое, широкое горло кувшина. И другую, быть может, обнимет другой На закате, в условленный час, у колодца... И с плеча обнаженного прах дорогой Соскользнет и, звеня, на куски разобьется.	Я говорю на каждый миг, Что все на свете повторимо. Не все ль равно — придет другой, Печаль ушедшего не сгложет, Оставленной и дорогой Пришедший лучше песню сложит. И, песне внемля в тишине, Любимая с другим любимым, Быть может, вспомнит обо мне Как о цветке неповторимом.

В программу включим стихи по выбору учителя.

М. И. Цветаева

«Без палача и плахи Поэту на земле не быть». Эти строчки Ахматовой относятся и к Цветаевой. Ее трагическая судьба вызывает недоуменный возглас у благополучных потомков: «О, Боже, за что?».

Обзор творчества Цветаевой есть, например, в пособии для школьников «Ответы на новые билеты».[16] Цветаева – поэт

стихий. Страсти лирического героя по масштабу сравнимы разве что со страстями героев Достоевского. «Мой голод на грусть, на страсть, на смерть». В одном из билетов предлагается дать краткое суждение на тему: «Мир человеческой души в лирике Цветаевой» (2–3 стихотворения по выбору). Это все равно, что вкратце рассказать об Атлантическом океане. Изложить собственное суждение ученик не способен. Его язык (и мой тоже) слаб и беден, а представления о человеческой душе не развиты. Читатель, проделайте опыт над собой. Прочтите обзор творчества Цветаевой (с. 137–142), чтобы освежить память, закройте книгу и напишите связный текст на данную тему. После такой попытки Вы согласитесь, что школьнику эта задача не по силам. Может быть, поэзию Цветаевой он поймет в студенческое время или позже. Предлагается исключить творчество М. Цветаевой из обязательной программы.

Нет-нет! Стоп! Ошибка вышла! Тому виной учебник, сухой учебник. Отложим его в сторону. Чтобы представить сущность творчества Цветаевой, достаточно отзыва о Цветаевой критика В. Вейдле: **«По непосредственности, по бьющей ключом щедрости дарования мало кто мог, в литературе нашего века, сравниться с Мариной Цветаевой. У нее была врожденная искрометность слова, та естественная взаимопроникнутость мысли и воображения, по которой только и узнаешь настоящий “от Господа Бога дар”».**[17]

Сопоставление в преподавании литературы – сильный прием. Жаль, что его нет в учебниках. Чтобы лучше понять Цветаеву, сравните, Читатель, ее с Пастернаком. У нее не надо *«ловить мысль, уходящую за край мозга»,* как она заметила о поэзии последнего. Ее мысль ясна, а точность и меткость эпитетов близка к тютчевской.

В программу можно включить: «Книги в красном переплете», «Домики старой Москвы», «Моим стихам, написанным так рано…», «Если душа родилась крылатой…» и другие по выбору учителя.

Книги в красном переплете
Из рая детского жилья
Вы мне привет прощальный шлете,
Неизменившие друзья
В потертом красном переплете…

Дрожат на люстрах огоньки.
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана и Кюи

Я узнавала судьбы Тома.

Темнеет… В воздухе свежо…
Том в счастье с Бэкки полон веры.
Вот с факелом индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры…

О золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О золотые имена:
Гек Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!
***
Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,
…Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.
***
На кортике своем: Марина —
Ты начертал, встав за Отчизну.
Была я первой и единой
В твоей великолепной жизни.

Я помню ночь и лик пресветлый
В аду солдатского вагона.
Я волосы гоню по ветру,
Я в ларчике храню погоны.

О. Э. Мандельштам

Я в сердце века. Путь неясен,
А время удаляет цель,
И посоха усталый ясень,
И меди нищенскую цвель.

Желательно показать на уроке несколько портретов Мандельштама. Они все необыкновенно выразительны. Это – Поэт. Он чист душой, похож на щегла, готового запеть, и, возможно, в молодости умевший летать. Но в биографии об этом не сказано.

Конечно же, А. Ахматова в стихотворении «Без палача и

плахи» сказала и о судьбе О. Мандельштама. Современному школьнику трудно понять, почему поэт годы жил под страхом ареста и говорил, что готов к смерти. И почему в конце концов власть (сталинизм) его замордовала. Посредственных поэтов она щадила. Мандельштам – явление.

«Несчастлив тот, кого, как тень его, Пугает лай и ветер косит», – сказал он и осмелился:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
И слова, как пудовые гири верны,
Тараканьи смеются усища
И сияют его голенища…
Как подкову, дарит за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него – то малина,
И широкая грудь осетина.

Легких стихов у поэта немного:

Поедем Царское Село!
Там улыбаются мещанки,
Когда гусары после пьянки
Садятся в крепкое седло…
Поедем Царское Село!

Казармы, парки и дворцы,
А на деревьях – клочья ваты,
И грянут «здравия» раскаты
На крик «здорово, молодцы!»
Казармы, парки и дворцы…

Проблема в том, что поэзия Мандельштама сложна для взрослого, тем более для ученика. А выбирать простые стихи было бы неправильно. Проблема усугубляется тем, что в настоящее время снизился уровень образования. Маловероятно, что школьники поймут «заумную» (по определению В. Ходасевича) поэзию Мандельштама. Преподавать среднестатистическому подростку стихи поэта – это все равно что «Геометрию» Лобачевского. Но ведь надо же дать шанс

поэтически одаренному ученику! Поэтому **предлагается** поэзию Мандельштама изучать под рубрикой «по выбору», одного из трех: Ахматова, Цветаева или Мандельштам, Они – ровня.

Г. В. Иванов

А что такое вдохновенье?
– Так… Неожиданно, слегка
Сияющее дуновенье
Божественного ветерка.
…….

Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию – стихами.

Н. Гумилев, старший товарищ Г. Иванова по кружку акмеистов, отметил у молодого поэта «крупные достоинства»: безусловный вкус, «неожиданность тем и какую-то грациозную глуповатость», в той мере, в какой ее требовал Пушкин (см. предисловие М. Латышева к сборнику стихов Иванова «Белая лира»). О поздних стихах там сказано: «прозрачность стиха и ясность (точность мысли)». Наконец, напомню, что Г. Иванова называли первым поэтом русской эмиграции.

Читатель берет книжку «Белая лира» [32] в руки, читает и радуется. Есть и «прозрачность стиха и ясность мысли», высокое мастерство, редкая лапидарность, безусловный вкус и, надо заметить, большое место занимает образ России. Он любил родину так страстно, как может ее любить только русский эмигрант начала XX в.

Ученик чувствует, что Иванов и стилистически, и по духу близок к Пушкину и Тютчеву. И темы у него очень русские: эмигрантская тоска, Петербург, природа, любовь, история отечества, философия в изящном виде. На таких стихах только и учить школьника поэзии. Учить наслаждаться ею. Пояснения здесь не нужны, помогает «слух» на стихи и национальный архетип. И тогда школьник, идя на свидание, вспомнит: **«И разве мог бы я, о посуди сама, в твои глаза взглянуть и не сойти с ума».** А иначе – зачем учить стихи? Незачем.

В программу нужно включить *стихи Иванова*, чего раньше не было сделано, и заучивать их так же, как «Роняет лес багряный свой узор…»

Опять на площади Дворцовой

Блестит колонна серебром.
На гулкой мостовой торцовой
Морозный иней лег ковром.

Несутся сани за санями,
От лошадей клубится пар,
Под торопливыми шагами
Звенит намерзший тротуар.

Беспечный смех… Живые лица…
Костров веселые огни, —
Прекрасна Невская столица
В такие солнечные дни.

Идешь и полной грудью дышишь,
Спускаешься к Неве на лед.
И ветра над собою слышишь
Широкий солнечный полет.

И сердце радостью трепещет,
И жизнь по-новому светла,
А в бледном небе ясно блещет
Адмиралтейская игла.

Не о любви прошу, не о весне пою,
Но только ты одна послушай песнь мою.

И разве мог бы я, о, посуди сама,
Взглянуть на этот снег и не сойти с ума.

Обыкновенный день, обыкновенный сад,
Но почему кругом колокола звонят,

И соловьи поют и на снегу цветы,
О, почему, ответь, или не знаешь ты?

И разве мог бы я, о, посуди сама,
В твои глаза взглянуть и не сойти с ума!

Не говорю – поверь, не говорю – услышь,
Но знаю: ты сейчас на тот же снег глядишь.

И за плечом твоим глядит любовь моя
На этот снежный рай, в котором ты и я.

И. А. Бродский

О творчестве Бродского говорилось в главе о «негативной» литературе. Повторю суждения А. Ткачева [6]:

• Бродский – самое важное явление в русской поэзии второй половины XX в.

• Бродского раскусила советская власть. Тупая, косная, с узким мировоззрением, неизящная советская власть устами своего обвинителя на суде по делу «тунеядца Бродского» назвала следующие мотивы творчества: смерть, уныние, эротизм (не дословно, но суть та же).

В качестве иллюстрации сказанного напомню фрагменты стихов из учебника:

Смерть – это все машины.
это тюрьма и сад.
Смерть – это все мужчины,
галстуки их висят.
Смерть – это стекла в бане,
в церкви, в домах – подряд!
Смерть – это все, что с нами —
Ибо они – не узрят.
***
Вечер. Развалины геометрии.
Точка, оставшаяся от угла.
Вообще: чем дальше, тем беспредметнее.
Так раздеваются догола.
Но останавливаются. И заросли
скрывают дальнейшее, как печать,
содержанье послания…
***
Идет четверг. Я верю в пустоту.
В ней как в Аду, но более херово.
И новый Дант склоняется к листу
И на пустое место ставит слово.
***
…Призраки, духи, демоны – дома в пустыне.
Ты сам убедишься в этом, песком шурша,
Когда от тебя останется тоже одна душа.

А. Ткачев: «У Иосифа Александровича за массой

стихотворений обретается какое-то буддийское ничто. То есть стихи есть, текут красиво, и струны души затронуты, но присмотрись – там пусто. Обман, наваждение, марево».

Сказанного достаточно, чтобы **исключить стихи Бродского из программы.**

А. А. Ахматова

Просыпаться на рассвете
Оттого, что радость душит,
И глядеть в окно каюты
На зеленую волну,
Иль на палубе в ненастье,
В мех закутавшись пушистый,
Слушать, как стучит машина,
И не думать ни о чем.
Но, предчувствуя свиданье
С тем, кто стал моей звездою,
От соленых брызг и ветра
С каждым часом молодеть.

В «Программу-2013» входит творчество многих известных поэтов первой половины XX в. и среди них – великого русского поэта Анны Андреевны Ахматовой. Поскольку программа избыточна, ее придется сократить. Но вне сомнения, творчество Ахматовой надо оставить, поскольку ее высокая поэзия, может быть, наиболее «изучабельна». Вот мои доводы.

«Специфический пушкинизм», «классическая точность выражения и художественная законченность выражения» (кавычками отмечены комментарии критиков). «Мужественный стоицизм», «лирическая душа поэта скорее жесткая, чем слишком мягкая». Это есть принципиальное отличие творчества Ахматовой от пессимистической и малодушной в большей части поэзии конца XIX – начала XX в.

Из поэтов, переживших репрессии 1937–1938 гг., только Ахматова в полный голос обвинила сталинизм в преступлениях перед народом и сделала это без недоговорок и частностей. Амбивалентная в этом отношении муза Твардовского и робкая путанная муза Пастернака здесь оказались слабее.

Цельность тематики и ее связь с судьбой самой Ахматовой способствует восприятию поэзии.

Творчество Ахматовой удовлетворительно комментируется в учебниках. Добавлю два замечания. Русская лирика в

большинстве своем лирика душевных состояний и созерцания. У Ахматовой за состояниями просматривается события и поступки. Это более высокий уровень поэзии. Второе – для простоты изложения тематику можно разделить на три части: 1) любовная лирика (с чего начинала); 2) стихотворения элегического типа (к чему пришла); 3) вершина творчества – «Реквием».

Я с тобой не стану пить вино,
Оттого, что ты мальчишка озорной.
Знаю я, у вас заведено
С кем попало целоваться под луной.

А у нас – тишь да гладь,
Божья благодать.

А у нас – светлых глаз
Нет приказу подымать.
***
Здесь все меня переживет,
Все, даже ветхие скворешни
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелет.

И голос вечности зовет
С неодолимостью нездешней,
И под цветущею черешней
Сиянье легкий месяц льет.

И кажется такой нетрудной,
Белея в чаще изумрудной,
Дорога не скажу куда…

Там средь стволов еще светлее,
И все похоже на аллею
У царскосельского пруда.
***
Не любишь, не хочешь смотреть?
О, как ты красив, проклятый!
И я не могу взлететь
А с детства была крылатой.
Мне очи застит туман,
Сливаются вещи и лица.
И только красный тюльпан,
Тюльпан у тебя в петлице.

***

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти Господа моля.
Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба и тоска.

И те неяркие просторы
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.

***

Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марусь.

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас…

Портреты Ахматовой писали известные художники. Их надо показать школьникам, чтобы они изумились, насколько облик величаво-прекрасной женщины соответствует ее стихам.

Когда юноша станет взрослым, то в «долговременной памяти» у него сохранится файл «Ахматова, любовь, родина, классическая точность выражения и художественная законченность построения, пушкинизм, Реквием». Этот «файл» он будет, идя по жизни, открывать и наслаждаться высокой поэзией. А в старости найдет ответ на ахматовский вопрос: «Бог нас наказывал или нам ангел указывал?».

Подведем итоги. В программу включаем: «Песня последней встречи», «Я научилась просто, мудро жить», «Мне голос был…», «Приморский сонет», «Реквием» и другие по выбору учителя.

Н. А. Заболоцкий

Высоко оценил творчество Заболоцкого К. Чуковский: «Пишу Вам с той почтительной робостью, с какой писал бы Тютчеву или

Державину. Для меня автор “Журавлей”, “Лебедя”, “Уступи мне, скворец, уголок”, “Я не ищу гармонии в природе” – подлинно великий поэт. <…> я отвечаю за эти слова всем своим семидесятилетним читательским опытом».

Читать Заболоцкого – наслаждение:

Могучий день пришел. Деревья встали прямо.
Вздохнули листья. В деревянных жилах
Вода закапала. Квадратное окошко
Над светлою землею распахнулось,
И все, кто были в башенке, сошлись
Взглянуть на небо, полное сиянья.
И мы стояли тоже у окна.
Была жена в своем весеннем платье.
И мальчик на руках ее сидел,
Весь розовый и голый, и смеялся,
И, полный безмятежной чистоты,
Смотрел на небо, где сияло солнце!
А там, внизу, деревья, звери, птицы,
Большие, сильные, мохнатые, живые,
Сошлись в кружок и на больших гитарах,
На дудочках, на скрипках, на волынках
Вдруг заиграли утреннюю песню,
Встречая нас. И все кругом запело…

И понял я в то золотое утро,
Что счастье человечества – бессмертно.

МЕТАМОРФОЗЫ
…Как все меняется! Что было раньше птицей,
Теперь лежит написанной страницей;
Мысль некогда была простым цветком,
Поэма шествовала медленным быком;
А то, что было мною, то, быть может,
Опять растет и мир растений множит.
Вот так, с трудом пытаясь развивать
Как бы клубок какой-то сложной пряжи,
Вдруг и увидишь то, что должно называть
Бессмертием. О, суеверья наши
*****
Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!..

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с нее узды!..

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

ЗАВЕЩАНИЕ
Когда на склоне лет иссякнет жизнь моя
И, погасив свечу, опять отправлюсь я
В необозримый мир туманных превращений,
Когда мильоны новых поколений
Наполнят этот мир сверканием чудес
И довершат строение природы,
Пускай мой бедный прах покроют эти воды,
Пусть приютит меня зеленый этот лес…
В его больших листах я дам приют уму,
Я с помощью ветвей свои взлелею мысли,
Чтоб над тобой они из тьмы лесов повисли
И ты причастен был к сознанью моему.
***
О, я недаром в этом мире жил!
И сладко мне стремиться из потемок,
Чтоб, взяв меня в ладонь, ты, дальний мой потомок,
Доделал то, что я не довершил.

Заболоцкий – истинно русский поэт. Его любимые темы – любовь, дети, бытие человека в мире и в природе, связь поколений и т. д. Понимать его легко. Помогает национальный архетип.

Но у поэта есть еще особая тема. Он ее первооткрыватель-одиночка. Этой темы не коснулись даже такие мэтры-футурологи, как Брэдбери и Ефремов. Не коснулись поэты, которым сам бог велел воспевать красоту во всяком проявлении. Они не усмотрели важной и положительной тенденции в развитии человечества. Технические устройства становятся все более и более эстетичными (автомобили, корабли, самолеты, космические ракеты…). И современная электроника есть не просто «умный» набор микросхем. Все чаще встречаются электронные устройства

не только внешне, но и внутренне красивые. Более того, ее величество Красота покоряет себе математические теоремы, физические теории и другие абстракции.

И в ослепительном сплетенье
Огней, пронзивших небосвод,
Гигантский лебедь, белый гений,
На рейде встал электроход…
Он в море был явленьем смысла,
Где электричество и звук,
Как равнозначащие числа,
Передо мной предстали вдруг

Он мечтал о гармонии техники и природы.

И в этот час печальная природа
Лежит вокруг, вздыхая тяжело,
И не мила ей дикая свобода,
Где от добра неотделимо зло.
И снится ей блестящий вал турбины,
И мерный звук разумного труда,
И пенье труб, и зарево плотины,
И налитые током провода.

Поэт опередил время. Вероятно, мы еще долго будем учиться не просто «вкалывать», а продукты своего труда доводить до эстетического совершенства. Так будет, как предвидел Заболоцкий.

Предлагается включить в программу: «Уступи мне, скворец, уголок», «Я не ищу гармонии в природе», «На рейде», «Можжевеловый куст», «Город в степи», «Утренняя песня», «Не позволяй душе лениться».

Б. Л. Пастернак

Пастернак сам вовлекается и увлекает за собой в лабиринт образов и мыслей, выражая сложность человеческой психики, ее многоплановость, в известной мере ее нерасчлененность, бесконтурность.

Л. Озеров

Критика поэзии Пастернака, данная ниже, объясняется в основном тем, что эту поэзию с трудом воспринимают школьники. Это, в частности, следует из результатов сдачи ЕГЭ. Знание лирики Пастернака оказалось в самой нижней точке по сравнению со знанием творчества других поэтов.[18]

ЗИМА
Прижимаюсь щекою к воронке
Завитой, как улитка, зимы.
«По местам, кто не хочет – к сторонке!»
Шумы-шорохи, гром кутерьмы.

«Значит – в “море волнуется”? В повесть,
Завивающуюся жгутом,
Где вступают в черед, не готовясь?
Значит – в жизнь? Значит – в повесть о том,

Как нечаян конец? Об уморе,
Смехе, сутолоке, беготне?
Значит – вправду волнуется море
И стихает, не справясь о дне?»

Это раковины ли гуденье?
Пересуды ли комнат-тихонь?
Со своей ли поссорившись тенью,
Громыхает заслонкой огонь?

Поднимаются вздохи отдушин
И осматриваются – и в плач.
Черным храпом карет перекушен,
В белом облаке скачет лихач.

И невыполотые заносы
На оконный ползут парапет.
За стаканчиками купороса
Ничего не бывало и нет.
***
Из сада, с качелей, с бухты-барахты
Вбегает ветка в трюмо!

Сад застлан, пропал за ее беспорядком,
За бьющей в лицо кутерьмой.
Родная, громадная, с сад, а характером —
Сестра! Второе трюмо!..

Кто это, – гадает, – глаза мне рюмит
Тюремной людской дремой!!!

Некоторые критики называли поэзию Пастернака сумбурной. Для этого были основания. Но как бы ни назвать, бесспорно, что Пастернак «сложностью психики» отличается от современников: Цветаевой, Г. Иванова, Ахматовой и других, кто исходил из ясности замысла и доводил свои стихотворения до эстетического совершенства. Даже «заумного» Мандельштама легче понять, чем Пастернака.

«У Пастернака… люди и вещи на равной ноге, стерты границы: высокое – низкое, поэтическое – прозаическое, общее – частное».[19]

«Грех думать – ты не из весталок:
Вошла со стулом,
Как с полки жизнь мою достала
И пыль обдула».

«Мой сорт», кефир, менадо.
Чтоб разрыдаться, мне
Не так уж много надо, —
Довольно мух в окне».

«Гамлет»

На мой взгляд, это не лучшее стихотворение поэта. Но его настойчиво включают в программу. О его содержании в учебнике сказано: «Собственную судьбу поэт уподобляет судьбе шекспировского героя». Однако при попытке понять уподобление возникают трудности и приходят на ум слова Цветаевой: «У Пастернака мы никогда не можем доискаться темы, точно ловишь какой-то хвост, уходящий за край мозга».

Действительно, ученик страдает, стараясь найти смысл «Гамлета». После первого чтения он недоумевает, какая связь между лирическим героем и актером, который всего лишь актер с картонной шпагой, выступил и пошел в гримерную пить кофе. А также он удивлен, какая существует связь лирического героя с принцем Гамлетом, кто решился на борьбу с величественным Эльсинором и королем-убийцей, решился и гибнет. Учитель поясняет, что здесь кроется неявное сопоставление «жизнь – театр». Замечу – избитое. Далее он пространно рассказывает

историю публикации «Доктора Живаго», рассказывает, как Пастернак опасался гонений со стороны властей («направлен сумрак ночи»), как его исключили из Союза писателей и т. д. У ученика остается естественное сомнение, можно ли сравнивать две судьбы – смерть Гамлета и исключение из Союза писателей.

Далее наивный «ботаник», он же человек логический, спотыкается на параллели: зло, с которым борется Гамлет, и фарисейство, против которого выступает лирический герой. Учитель опять вынужден пояснять. Ботаник смущен, смиряется, но с долей раздражения. Наконец, он добрался до последней строчки «жизнь прожить – не поле перейти» и не понимает, что в устах поэта эта сентенция – пошлость. А может быть, вспоминает рассказ своей старой бабушки о длинной жизни, о том, как она теряла иллюзии и задор молодости, и тяжело вздохнув, закончила: «Да, внучок, жизнь прожить не поле перейти». В «Гамлете» нет того, что красит стихотворение – заключительного аккорда, есть банальная сентенция. Дурной вкус.

Повторю слова критиков о поэзии Пастернака: сумбурный поэт, но иногда встречаются «золотые строчки». Согласен. Стоит ли изучать его поэзию ради редких золотых строчек? Стоит ли изучать, когда программа сверх меры раздута? Стоит ли изучать, когда есть поэзия блестящих современников: Иванова, Ахматовой, Мандельштама, Есенина, Маяковского, Цветаевой, Твардовского, читая которую, не надо спотыкаться и ловить за хвост ускользающую мысль?

Подведем итоги. Предлагаю поэзию Пастернака исключить из программы.

А. Т. Твардовский

> *Ни в прозе, ни в поэзии многих десятилетий я не знаю более русского языка, чем язык Твардовского. Мне скажут: Есенин! Я скажу: это так, но язык Есенина – это песенный язык, во всяком случае напевный… Б. Пастернак – это высокой изысканности язык русской интеллигенции, настолько высокой, что ее сразу и не заметишь… Р-революционный Маяковский – это, как и всякая революционная акция, антипод истории и традиции, всей вековой гаммы звуков и поэтических понятий… П. Васильев – это фольклор, это столько же сам язык, сколько необузданная стихия языка;…его язык – русский, без каких-либо прилагательных… не скоро дойдет лингвистика до определений такого рода, не скоро и*

читатель объяснит свое чувство, которое этот язык в нем вызывает. Что-то слышится родное…

С. Залыгин

Это фрагмент из статьи Залыгина «О Твардовском».[20] Если учителю не довелось прочитать эту статью – советую. Она интересна, как с личностной стороны, так и с литературной. В конце ее описан небольшой, но значимый эпизод, характеризующий отношение Солженицына к Твардовскому, который понимал большое значение поэта и редактора лучшего в СССР журнала «Новый мир».

На похоронах Твардовского, «когда гроб должны были опустить в могилу, вдруг возник над ним Солженицын и перекрестил покойника». Это был мужественный поступок. Это был вызов властям. Оценить его в полной мере может только современник. Власти приказали не пускать Солженицына на кладбище, боялись крамольных речей. Но он пришел и прошел непонятным образом сквозь охрану, чтобы отдать последний долг.

Я беру в руки любимую книжку – «Стихотворения. Поэмы. А. Т. Твардовский» – и открываю наугад. Читаем вместе:

Спасибо за утро такое,
За чудные эти часы
Лесного – не сна, а покоя,
Безмолвной морозной красы.

Когда под изгибом тропинки
С разлатых недвижных ветвей
Снежинки, одной порошинки,
Стряхнуть опасается ель.

За тихое, легкое счастье —
Не знаю, чему иль кому —
Спасибо, но, может, отчасти
Сегодня – себе самому.

Спасибо автору!

Пропагандировать такие стихи излишне. Здесь работает архетип учителя и его высокий вкус. Он наверняка передаст свою любовь к поэту ученикам. Добавлю лишь, что есть немного произведений, точно отражающих русский характер, русское «нутро». Это, на мой взгляд, «Песня про… купца Калашникова»,

«Кому на Руси жить хорошо» и, конечно, – «Василий Теркин».

Подведем итоги. В программу включаются стихотворения, указанные в Таблице, или же учитель составит другую выборку и сделает это лучше меня.

Ю. И. Визбор

Моя надежда на того, кто не присвоил ничего,
Свое святое естество сберег в дворцах или в бараках.

Во второй половине XX в. в России возникло новое явление – барды. Среди большого числа поющих поэтов, которые отразили дух времени и повлияли на ход истории, выделяются три вершины: Ю. Визбор, В. Высоцкий, Б. Окуджава.

Необходимость изучения творчества бардов, в части содержания их песен очевидна. Они цельны и узнаваемы, а популярность распространяется на все возрасты и все социальные группы. Молодежь слушает сначала Визбора, потом Высоцкого, потом Окуджаву. Наиболее продвинутые теперь любят Щербакова.

Песни Визбора отразили дух 1955–1975 гг. Это был единственный период в истории России, когда счастье было не единичным явлением. Поясняю свою мысль. Страна продолжала жить торжеством Победы, пафосом строек и учебы. Радость возврата к мирной жизни была столь велика, что люди и, особенно молодежь, не замечали ГУЛАГА, не думали о цене Победы. Диссидентами были единицы. Население жило трудно, бедно, часто в коммуналках и бараках. Но «весело-вольготно» в СССР было студентам и молодым специалистам. Их бедность была особая бедность. Они жили в общежитиях и питались в рабочих столовых. Все были равны и объединялись в романтические братства. Человек человеку был другом – коммунистический образ жизни, но без Маркса. Летом они «убегали» из городов в походы, в Альп-лагеря, на турбазы. Проблемы денег не существовало. За все платил профсоюз, точнее говоря – государство, а еще точнее – беспаспортное крестьянство (в основном женщины, мужчин выбила война). Но Визбор и Высоцкий о них не пели. Сытый голодного не разумеет. В зимние каникулы уезжали в горы, в Домбай и на Чегет кататься на лыжах. Вся собственность – штормовка, рюкзак с сухарями и «тушенкой», ледоруб, гитара, горные лыжи. А если сплав по горной реке, то на самодельном плоту из бревен.

Этот был любопытнейший романтический период истории. Если бы не барды, в первую очередь не Визбор, то его бы уже забыли. К слову сказать, он поставил точку, когда настали новые времена:

Теперь толкуют о деньгах
В любых заброшенных снегах,
В портах, в постелях, в поездах…
Все на продажу понеслось,
И что продать, увы, нашлось…
Моя надежда на того,
Кто, не присвоив ничего,
Свое святое естество
Сберег в дворцах или в бараках…

Среди бардов Визбор выделяется широким кругозором и душевным здоровьем. И он понял бы, что, несмотря на то, что «все на продажу понеслось», настала свобода, и воспел бы ее. Только он один из бардов был способен на это. Отпущенного ему времени не хватило.

Вот, на мой взгляд, лучшие песни**:** «О, Москва, Москва святая», «Люблю пока живу», «Непогода в горах, непогода», «Мы с тобой уедем в горы», «Здравствуй, здравствуй мой сретенский двор», «Ищи меня сегодня среди морских дорог», «Ты у меня одна», «Знаком ли ты с землей!», «Не провожай меня, не надо», «Милая моя, солнышко лесное», «В простых вещах покой ищи», «О мой пресветлый отчий край», «Здравствуй, здравствуй, я вернулся». Согласитесь, Читатель, что по способности видеть все, осветляя это все, Визбор – родня Пушкину. Других таких поэтов нет.

О, мой пресветлый отчий край!
О, голоса его и звоны.
В какую высь не залетай!
Все над тобой его иконы!
И происходит торжество
В его лесах, в его колосьях.
Мне вечно слышится его
Многоголосье, многоголосье…
Я – как скрещенье многих дней,
И слышу я в лугах росистых
И голоса моих друзей,
И голоса с небес российских.

Наполним музыкой сердца,
Устроим праздники из буден.
Своих мучителей забудем,
Вот сквер – пройдемся ж до конца
Найдем любимейшую дверь,
За ней – ряд кресел золоченых,
Куда с восторгом увлеченных,
внесем мы груз своих потерь.
«Какая музыка была,
Какая музыка звучала!»
Она совсем не поучала,
А лишь тихонечко звала.
Звала добро считать добром
И хлеб считать благодеяньем,
Страданье вылечить страданьем,
А душу греть вином или огнем.

Подведем итоги. Выбор стихов-песен Визбора оставим за учителем.

М. К. Щербаков

Знай, все победят только лишь честь и свобода.
Да, только они, все остальное не в счет.

В настоящее время и без всяких «возможно» Щербаков есть вершина авторской песни и по музыкальности, и по содержанию. Он – интеллектуал (что редкость), и в его творчестве нет диссидентских мотивов (что есть еще бóльшая редкость). Щербаков не только отражает время, он его формирует – его категориями и образами начинают мыслить наиболее продвинутые в интеллектуальном и художественном отношении молодые люди. Он так далеко ушел вперед, что будет признан классиком лет через 30–50. Комментировать его творчество смогли бы такие знатоки, как Гумилев, Мандельштам или Чуковский. Но они недостижимы для нас. Они взирают на землю с заоблачных высот, радуясь новому имени. Я знаю это точно.

Приведу ниже несколько стихотворений для тех, кому не случилось читать или слушать Щербакова [33].

***

Восходя дорогой горной
Прямо к бездне голубой,

Не печалься брат мой гордый,
Будет нам еще с тобой
И парча ковров ценнейших,
И невиданный фарфор,
И красавиц августейших
Неожиданный фавор.
Не раздавят нас, ей-Богу
Ни чужбина, ни нужда,
Будет нам всего помногу,
А не будет – не беда.
*****
Ведь что стихи! Бряцанье шпор,
Меж прочих величин
Их номер – даже не второй.
Стихи, положим вздор —
Как говорил один герой.
И даже не один.

Слова не труд, слова не в счет,
Поэт на деле – враль
и плут, и дом его – корчма
и календарь не врет:
и впрямь повсюду тьма,
и смысла нет стремиться вдаль.
А я стремлюсь, и это жаль…
*****
Помнишь, как оно бывало?
Все горело, все светилось,
Утром солнце как вставало,
Так до ночи не садилось.
А когда оно садилось,
Ты звонила мне и пела:
«Приходи, мол, сделай милость,
Расскажи, что солнце село…».

И бежал я, спотыкаясь,
И хмелел от поцелуя,
И обратно брел шатаясь,
Напевая «аллилуя».

Шел к приятелю и другу,
С корабля на бал, и с бала —
На корабль, и так по кругу,
Без конца и без начала.

На секунды рассыпаясь,
Как на искры фейерверка,
Жизнь текла, переливаясь,
Как цыганская венгерка
*****
В походных своих забавах,
Среди свободы и диких пчел,
Охотник, в густых дубравах
Провел ты годы и вот пришел.

Большая твоя двустволка
Стоит, прикладом прильнув к стене…
Ждала я тебя так долго!
Теперь ты рядом – и я в огне.

Пугая и льва и волка,
Навстречу зверю ты шел, как князь.
Ждала я тебя так долго,
Уж и не верю, что дождалась.

Поленья! Пылайте ясно!
Тоска, дорога – все позади,
Мгновенье, ты так прекрасно,
За ради Бога, не проходи!
*****
На помощь к нам спешат иных времен агенты
От медленного Тибра и могучей Трои
Над нами бесконечные летят легенды,
Пред нами незабвенные идут герои.
Их поступь тяжела от долгих лет скитаний,
В речах – благоуханье неземных соцветий,
Глаза таят следы пережитых страданий,
В них виден свет миров и слышен гул столетий.
Но мы на них взираем в убежденье прочном,
Что все их чудеса у нас давно в продаже.
И нам не нужен миф о страшном прошлом.
Все больше хочется спросить – что дальше?
*****
Оставлю всех, пройду повсюду,
Пускай ни с чем, но не в долгу,
Себя раздам, тебя забуду,
Мне все равно, я все могу.
А вот душа… она не может,

Небесный свет в нее пролит,
Неясный зов ее тревожит,
Она поет, она болит.
И пусть вдали над цепью горной
Уже взлетел, уже возник
Мой монумент нерукотворный,
Я сам себе его воздвиг
А все ж душа ему не рада,
Не укротить ее никак.
Она парит, и ей не надо
Ни гор златых, ни вечных благ.

Доверимся учителю в выборе стихов-песен Щербакова.

Цитируемая литература

1. Достоевский Ф. М. Литературное наследство. Записные книжки и тетради. М., 1971. Т. 83.

2. Горький А. М. Читатель.

3. Воронов В. Духовный потенциал русской литературы как реальное средство воспитания в современной школе. М., 2007.

4. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. М., 1990.

5. Медведева И., Шишова Т. Книга для трудных родителей. Клин, 2006.

6. Ткачев А. Смотри, небо становится ближе… М., 2008.

7. Никифорова О. И. Психология восприятия художественной литературы. М., 1972.

8. Клинберг Т. Перегруженный мозг: пер. со швед. М., 2010.

9. Сорокин П. Человек и цивилизация. М.: Общество, 1998.

10. Вересаев В. Спутники Пушкина. М., 1993.

11. Будылин И. Пушкинский заповедник. М., 2009.

12. Солженицын А. И. Колеблет твой треножник // Новый Мир. 1991. № 5.

13. Савыгин А. М. Пушкинские Горы. Л., 1989.

14. Достоевский: материалы и исследования. Т. 4. Л., 1980.

15. Набоков Д. Детские годы в Супруновке // Новый Мир. 1967. № 11.

16. Сараскина Л. И. Александр Солженицын. М., 2008.

17. Голсуорси Д. Белая обезьяна. М., 2006.

18. Гарин-Михайловский Н. Студенты. Инженеры. М., 1985.

19. Голдинг У. Д. Повелитель мух. М.: Панорама, 1999.

20. Кизи К. Над кукушкиным гнездом. Красноярск, 1991.

21. Уилсон М. Живи с молнией.

22. Льюис С. Эрроусмит. М., 1956.

23. Кондаков И., Шнейберг Л. Русская литература XX в.: пособие для поступающих в вузы. М., 2003.

24. Гарднер Д. Осенний свет. М.: Прогресс, 1981.

25. Гарднер Д. О нравственности литературы. М., 1978.

26. Урбанчик А. В одиночку через океан. М.: Прогресс, 1974.

27. Месснер Р. Хрустальный горизонт. М.: Планета, 1990.

28. Эрцог М. Анапурна. Первый восьмитысячник. М., 2001.

29. Лондон Д. Рассказы. М., 1980.

30. Успенский Г. И. Крестьянский труд. Поэзия крестьянского труда. М., 1988.

31. Аксаков И. С. И слово правды… Уфа, 1986.

32. Иванов Г. В. Белая лира. Избранные стихи. М., 1996.

33. Щербаков М. Нет и не было яда: Стихи и песни. М., 1990.
34. Заболоцкий Н. А. Столбцы и поэмы: Стихотворения. М., 1989.
35. Овсянико-Куликовский Д. Н. Л. Н. Толстой. СПб., 1905.
36. Писатели США о литературе: сб. ст.: пер. с англ. М., 1974.
37. Холшевников В. Е. Мысль, вооруженная рифмами. Л., 1984.
38. Степун Ф. А. Мысли о России. М.: Новый Мир, 1991.
39. Философский словарь: ИИЛ: пер. с нем. М., 1961.
40. Сахаров А. Мир, Прогресс, Права человека: статьи и выступления. Л.: Сов. писатель, 1990.
41. Белая Г. и др. Русская литература XX в.: учебник-хрестоматия. Таллинн, 2001.

notes

Примечания

1

Немного по количеству, но много по содержанию.

2

См.: Зинин С. А. Сборник экзаменационных заданий. М., 2010.

3

Набоков В. Лекции по русской литературе. М., 1991.

4

Амикошонство – это бесцеремонное, неуместно фамильярное обращение под видом дружеского. От франц. *ami* – друг и *cochon* – свинья.

5

Обоснование выбора дано в Приложениях.

6

См.: Новый мир. 1968.

Новый мир. 1991. № 5.

8

См.: Друзья Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники. М., 1986.

9

Авторство ошибочно приписывается Ф. М. Достоевскому, который однажды произнес эту фразу в беседе с французским литератором Э. де Вогом. Последний понял ее как собственные слова писателя и так ее и привел в своей книге «Русский роман» (1886). Но в действительности эти слова принадлежат французскому критику Эжену Вогюэ, опубликовавшему в 1885 г. статью о Достоевском, где говорил об истоках творчества этого русского писателя.

10

См.: Предисловие в кн. Тютчев. Стихотворения. (М.; Л., 1962).

11

См.: Достоевский: сб. Т. 4. Л., 1980.

ЛНО. 2008. № 80. С. 438.

13

Ad usum Delphini (на латинском языке – «для использования дофином») – так называли книги в школьной библиотеке для сына Людовика XIV. В переносном смысле выражение означает адаптированные или специально отобранные издания классики, предназначенные для детей и юношества.

М., 2008.

M., 2003.

11 класс. М., 2008.

Вейдле В. Проза Цветаевой. 1955.

18

Сборник экзаменационных заданий. М.: ЭКСМО, 2010.

Литература: учеб. пособие. М., 2003.

Новый мир. 1990. № 6.